4°
lt. sing.
370
p

4° Jt. sing. 370 P

WY5

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

МОСКОВСКАГО СВЯЩЕННИКА

ІОАННА ЛУКЬЯНОВА,

1710—1711.

МОСКВА.

Въ Типографіи Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ.

1862.

Одобрено цензурою. Москва, Января 28-го дня 1863 года.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

83/43525

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ СВЯЩЕННИКА ЛУКЬЯНОВА. (*)

ПРОѢЗЖАЯ ГРАМОТА.

Божіею милостію мы пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій Государь Царь и великій князь Петръ Алексіевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и Государь и обладатель, Наше царское величество, объявляемъ кому о томъ вѣдати надлежитъ: что по нашему великаго Государя, нашего царскаго величества указу, отпущенъ нашего царскаго московскаго государства для моленія ко святому гробу Спасителя и Избавителя нашего Іисуса Христа въ государство великаго Государя Мустоѳы салтана, величества Турскаго, во святый градъ Іерусалимъ, богомолецъ нашъ *московскій житель, церкви Покрова Пресвятыя Богородицы священникъ, Іоаннъ Лукьяновъ.* И гдѣ лучится ему ѣхать Великаго Государя Мустоѳы салтанова величества городами и мѣсты, и его солтанова величества пашамъ и беемъ и агамъ и субашамъ и емрукчеемъ и всякимъ людямъ, кому вѣдати надлежитъ, пропускать его съ людьми и съ рухледью какъ туда ѣдущаго, такъ и назадъ возвращающагося, вездѣ безъ задержанія, со всякимъ вспоможеніемъ по перемирному договору. Понеже у Насъ Великаго Государя у Нашего Величества съ Великимъ Государемъ съ Мустоѳою, салтановымъ Величествомъ, въ перемирномъ договорѣ договорено и поставлено и утвержено во второйнадесятъ статьѣ: что Московскаго народа міряномъ и инокомъ имѣть вольное употребленіе ходить во святый градъ Іерусалимъ, и посѣщать мѣста достойныя посѣщенію; а отъ такихъ посѣщенія ради приходящихъ ни во Іерусалимѣ и нигдѣ дань или гарачи, или пешкешъ да не испросится и за надобную проѣзжую грамоту деньги да не вымогаются; сверхъ того—живущимъ въ странахъ государства Отоманскаго московскимъ и россійскимъ духовнымъ да ни единa по божественному закону досада и озлобленіе да не чинится. Того ради по тому перемирному договору дана ему для вольнаго и безопаснаго проѣзду сія наша проѣзжая грамота. Писана государствія нашего во дворѣ въ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ лѣта отъ Рождества Христова 1710, мѣсяца Іюня 15 дня.

Се азъ недостойный и грѣшный старецъ Іоаннъ и всѣхъ хуже, и смиренный грѣхи моими многими, и недоволенъ о всякомъ дѣлѣ блазѣ, понужденъ мыслію своею, и нетерпѣніемъ восхо-

(*) Это путешествіе получено нами отъ С. А. Соболевскаго, которому было доставлено въ 1853 году изъ Орла. Рукопись—въ листъ, старинымъ и весьма четкимъ полууставомъ; тамъ, гдѣ у насъ красныя строки, въ подлинникѣ по нѣскольку словъ киноварью.

тѣхъ видѣти святый градъ Іерусалимъ и землю обѣтованную; и благодатію Божіею хранимъ доидохъ до святаго града Іерусалима, и видѣхъ многая святыя мѣста и обходихъ отчасти землю обѣтованную. Идѣже Господь нашъ походилъ своими пречистыми стопами и многая чудеса показа по мѣстомъ святымъ — то все видѣхъ очима своима грѣшныма; аще бо кто походитъ со страхомъ и смиреніемъ, то не погрѣшитъ милости Божія николиже: азъ же грѣшный неподобно ходихъ путемъ симъ святымъ, во всякой слабости и лѣности, ядый и пія и всякая неподобныя дѣла творя, но надѣяся на милость Божію и на вашу молитву, негли проститъ мя Христосъ Богъ грѣховъ моихъ многихъ. Да се писахъ мѣста сія святая и путь сей не возносяся, ни величаяся путемъ симъ, яко что добро сотворивъ, но любве ради сихъ святыхъ мѣстъ, и понужденъ нѣкіими отцы и братіею. Се писахъ еже ми показа Богъ видѣти недостойному, убояхжеся осужденія онаго раба лѣниваго, скрывшаго талантъ господа своего и не сотворшаго имъ прикупа. Да се написахъ вѣрныхъ ради человѣкъ, дабы кто любо, слышавъ о мѣстѣхъ сихъ святыхъ, возвеселился бы душею, и мыслію своею распалился ко святымъ симъ мѣстомъ и равну мзду пріимутъ отъ Бога съ тѣми же ходившими до сихъ мѣстъ святыхъ. Мнози бо бодри человѣцы сице дома сѣдяще въ мѣстѣхъ своихъ, мыслію своею доброю, и милостиною ко убогимъ и добрыми дѣлы своими достизаютъ сихъ святыхъ мѣстъ; тіи же бо́льшую мзду пріимутъ отъ Бога Спаса нашего Іисуса Христа. Мнози же, ходивше до сихъ святыхъ мѣстъ и видѣвше градъ Іерусалимъ, и возносяся умомъ своимъ, яко нѣчто добро сотворше, и погубляютъ мзду труда своего; отъ нихъ же азъ есмь первый. И мнози же ходивше во Іерусалимъ и много добра видѣвше, тщатся опять въ борзѣ творити; — а всего пути нелзя въ борзѣ творити, но потиху и съ продолженіемъ; кто же можетъ видѣти вся святыя мѣста во градѣ и внѣ града (азъ бо недостойный пришедши во Іерусалимъ и пребыхъ въ немъ четыриатцать недѣль)—тако ходити и испытати святая мѣста невозможно бо есть безъ вождя добра, и безъ языка испытати сихъ святыхъ мѣстъ. Аминь.

И Декабря въ 23 день въ понедѣльникъ поидохомъ мы грѣшніи во обитель Всемилостиваго Спаса и Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Введенія къ честному отцу Спиридону игумену, и отецъ Спиридонъ съ братіею нашему приходу зѣло обрадовалися (а самъ зѣло боленъ и очи у него болятъ). И строитель Лаврентій, и казначей Аврамій, и келарь Корнилій зѣло такожде нашему приходу обрадовалися, зѣло намъ помогали о путномъ хожденіи, чтобъ отецъ Спиридонъ подалъ намъ напутное свое отеческое благословеніе; и онъ зѣло съ радостію насъ благословилъ и съ растворенною своею душею теплою. И праздновахомъ у него праздникъ Рождество Христово въ радости велицѣй, и пѣлъ всенощное стояніе, потомъ часы и молебное пѣніе; потомъ поидохомъ за трапезу воздавши благодареніе Богу, и отцу Спиридону поклонихомся и начахомъ благословеніе просити на путное шествіе; и отецъ Спиридонъ подаде намъ грѣшнымъ свое отеческое благословеніе и отпусти насъ съ миромъ; самъ же слезы отъ очію своею испускаше; и отцы

и братія насъ любезно проводили, такожде слезы отъ очію испускаху, и далеко насъ проводиша и поклонишася до земли и мы имъ такожде, и цѣловахомъ другъ друга и растахомся съ любовію великою.

И паки возвратихомся вспять въ Колугу. — И бысть намъ печаленъ и нестроенъ путь зѣло, мятеженъ, замять была съ вѣтромъ великимъ противнымъ, и когда обвечерѣхомъ и дорогу истеряхомъ и едва великимъ трудомъ обрѣтохомъ, — близь смерти быхомъ; и пріидохомъ во градъ якобы о полунощи къ тому же боголюбцу Іосифу Никифоровичу и къ сыну его; и пріяша насъ съ любовію теплою и угостиша насъ добре, и сотвори намъ вечерю добру. И воставше отъ трапезы благодареніе Богу воздахомъ и тому господину поклонихомся до земли за его премногую любовь, и тако забыхомъ бывшую скорбь и нужду свою, случившуюся на пути; и посла намъ одры мягкіе и уснухомъ добре до заутра. Потомъ услышавши наша братія о нашемъ пріѣздѣ и пріидоша къ намъ на посѣщеніе; и тако мы пребыхомъ у него четыре дни, зѣло насъ упокоилъ, и многу любовь къ намъ явилъ, и проводилъ насъ сынъ его Іосифъ за Оку рѣку. Отъ Москвы до Калуги два девяноста верстъ.

И Декабря въ 30 день поидохомъ изъ Калуги въ среду на первомъ часу дни на отданіе Рождества Христова; и въ той день бысть намъ нужда великая дождевная, снѣгъ весь согнала; Ока рѣка зѣло наводнилась, едва за нее переправихомся; и проводи насъ Іосифъ Никифоровичъ за Оку рѣку; и отдахомъ послѣднее цѣлованіе другъ другу и поклонихомся до земли, и тако растахомся, а сами плакахомъ: уже мнѣхомъ себѣ, что послѣднее наше виданіе. Егда взыдохомъ на гору на другую сторону Оки рѣки, и обратихомся ко граду и помолихомся церквамъ Божіимъ и гражданомъ поклонихомся. Увы, нашъ преславный градъ Калуга! отечество наше драгое! — и тако поклонихомся граду и поидомъ въ путь свой; и бысть намъ той день труденъ вельми и тяжекъ: снѣгъ весь сбило дождемъ, рѣки весь ледъ взломало. И того дни отыдохомъ тридцать верстъ отъ Калуги; и придохомъ на варницу за *Добрымъ* монастыремъ (1) къ боголюбцу орлянину (имя ему Лазарь, тесть Евсевія Басова). И ту его тесть принялъ насъ съ любовію; и сотвори намъ вечерю добру, и конемъ кормъ, и преспахомъ у него до заутра. И вставши заутра на первомъ часу и поидохомъ въ путь свой; той Лазарь гости насъ добре и на путь намъ рыбки пожаловалъ и конемъ овса.

И Генваря въ 1 день, на праздникъ Обрѣзанія Господа нашего Іисуса Христа, пріидохомъ подъ Лиѳинъ градъ на Оку рѣку. Ока рѣка зѣло наводнилась, и ледъ взломало, и тутъ мы чрезъ Оку не переѣхали; и пріидохомъ во иное мѣсто на устье Упы рѣки, и тамо такожде нужда великая переѣхать чрезъ Оку: вода бѣжитъ поверхъ льду якобы коню подъ селину, (1) и тако мы съ нуждою переправихомся Оку рѣку, всѣ вонъ выбирались изъ саней, а иное и помочили; и когда переѣхали Оку рѣку и стали

---

(1) *Варница*—можетъ быть пивоваренный заводъ. *Добрый* Покровскій монастырь, въ 10 верстахъ отъ Лихвина, существуетъ и доселѣ.

(2) *Селину* или *седлину* вѣроятно подъ *сѣдло*.

рухлядь вкладывать въ сани; и тутъ насъ настигъ орлянинъ Евсевій Басовъ и провожалъ насъ до засѣки Николской и тутъ съ нами ѣлъ хлѣбъ; ѣдши хлѣба, возвратился вспять той Евсевій Басовъ: такову къ намъ любовь показалъ! Спаси его Господь Богъ! всю ночь не спалъ, изъ Калуги за нами гналъ, и тако насъ постигъ на устьи Упы рѣки, и провободилъ насъ до засѣки, и тако возвратился вспять. Мы же поидохомъ ко граду Бѣлеву.

Градъ Лиѳинъ стоитъ на Окѣ рѣкѣ на лѣвой сторонѣ, городина небольшая, отъ Калуги до Лиѳина сорокъ верстъ. Мы же поидохомъ чрезъ засѣку ко граду Бѣлеву, и минухомъ того дни Николу Гостунскаго (3) и не дошедъ Бѣлёва за десять верстъ обночевахомъ; и поидохомъ въ нощь ко граду; и аще бы не случился съ нами на пути добрый человѣкъ Бѣлёвецъ (спаси его Богъ), то бы намъ пути не найти ко граду; нужно сильно было: вездѣ воды разлились, а ему путь вѣдомъ; такъ насъ обводилъ нужныя мѣста; — и пріидохомъ подъ градъ Бѣлевъ ко Окѣ рѣкѣ и въ Спаскомъ монастырѣ два часа ночи ударило, и Оку рѣку ледъ весь взломало и отъ берега далече отбило, переѣхать невозможно. И тутъ на берегу Оки рѣки ночюетъ множество народа поселянъ: пріѣхали къ торгу съ хлѣбомъ и со всячиною; и мы тутъ же близь ихъ таборовъ стали; и той Бѣлёвецъ, кой насъ велъ, пошелъ со мною пути искать. И преидохомъ съ нуждою за Оку рѣку по икрѣ (4) межъ стругами, и пріидохомъ къ нему въ домъ, и подружія его встрѣтила насъ съ любовію, и сотвори намъ вечерю добру той боголюбецъ: тояжъ нощи съ сыномъ своимъ, связавши вязанку сѣна, пошелъ въ таборы за Оку рѣку къ нашей братіи; а мене грѣшнаго не отпустилъ изъ дому своего, и послали одръ. И тако уснухомъ до заутра, забыхомъ путную нашу нужду. Той же боголюбецъ тояжъ нощи, отнесши корму конемъ, возвратился въ домъ свой, а тамо съ братіею нашею оставилъ сына своего. И утре востахомъ и на первомъ часу поидохомъ ко брегу Оки рѣки; и Ока рѣка зѣло наводнилась той нощи, и едва съ великою нуждою преидохомъ на онъ полъ рѣки къ братіи нашей. Братія наша зѣло намъ обрадовалися; и стали промышлять, како бы съ возами переправливаться; и градскіе жители маломощные стали промыслъ чинить, какъ бы переправу сдѣлать, и стали икры наводить въ порожихъ мѣстахъ, и тако сдѣлали переѣздъ. Такожде и мы переѣхали, дали перевозъ и поидохомъ съ миромъ во градъ Бѣлевъ; и перевощики миленькіе свѣдали, что мы ѣдемъ во святый градъ Іерусалимъ, и нагнавши насъ на пути отдали намъ перевозъ, а сами стали съ нами прощаться: спаси ихъ Богъ миленькихъ! добрые люди Бѣлевича! — И пріидохомъ въ домъ къ тому же боголюбцу, и пріидохомъ мы въ Бѣлевъ Генваря во 2 день, и пребыхомъ той день и нощь; покоилъ насъ добре и коней нашихъ. И пріиде къ намъ боголюбецъ посадской человѣкъ, именемъ Иродіонъ, по реклу Вязмятинъ и возметъ насъ совсѣмъ къ себѣ въ домъ свой, и угости насъ нарочито, и многіе къ намъ граждане прихождаху и въ домы своя къ себѣ насъ брали и поко-

(3) Соборный храмъ Николы Гостунскаго до сихъ поръ находится между Бѣлевымъ и Лихвинымъ.

(4) *Икрами* или *крями* называются большія льдины на рѣкѣ, во время ростепели.

или насъ добре, и пребыхомъ у того боголюбца два дни; поилъ и кормилъ насъ и коней нашихъ. Въ Бѣлевѣ люди зѣло доброхотны; людъ вельми здоровъ и румянъ; мужескъ полъ и женскъ зѣло крупенъ и поклончивъ; а вода въ городѣ нужна: все со Оки рѣки возятъ. Отъ Лиѳина до Бѣлева тридесятъ верстъ, только пространныя версты.

Генваря противу 5 числа въ нощи поидохомъ изъ Бѣлева къ Болхову со орлянином Евсевіемъ Басовымъ, а въ ту нощь стало морозить; зажеры (5) были великія, нужно сильно было идти. И пріидохомъ въ Болховъ утре на первомъ часу дни рано на препразднество Богоявленія Господня и пребыхомъ той день въ Болховѣ весь до ночи, и нача насъ той орлянинъ къ себѣ въ гости на Орелъ звать; намъ же и не по пути съ нимъ ѣхать, но обаче не преслушахомъ его любви, поидохомъ до Орла съ нимъ. Градъ Болховъ стоитъ на Нугрѣ на лѣвой сторонѣ на горахъ красовито: градъ деревянный, вѣтхъ уже, церквей каменныхъ есть отъ малой части; монастырь хорошъ, отъ града якобы поприще; рядовъ много; площадь торговая хороша; хлѣба бываетъ много, а дровами сильно довольно; люди въ немъ невѣжи, искусу (6) нѣтъ ни у мужеска полу, ни у женска, не какъ Калуга или Бѣлевъ, своемѣры дулепы. (7) Отъ Бѣлева до Болхова сорокъ верстъ.

Генваря въ 5 день въ нощи противу Богоявленіева дни въ шестый часъ нощи поидохомъ изъ Болхова на Орелъ и нощь всю ту идохомъ; нужда была великая, степь голая, а замять была большая и мразъ былъ великъ; больно перезябли. И Генваря въ 6 день, на праздникъ Богоявленія Господня, пріидохомъ во градъ Орелъ въ самой выходъ, какъ вышли со кресты на воду; и стахомъ у боголюбца у посадскаго человѣка Нила Басова, и той боголюбецъ былъ въ тѣ поры на водѣ, а когда пришелъ съ воды, и зѣло намъ обрадовался и учредилъ намъ трапезу добрую, а конемъ овса и сѣна довольно. Покудова мы у него стояли въ его домѣ — все насъ поилъ и кормилъ, и коней нашихъ; болѣ тоя любве невозможно сотворить, яко же Авраамъ страннопріимецъ. И свѣдаша про насъ боголюбцы, и начаша насъ къ себѣ звати въ домы своя и покоить насъ; спаси ихъ Богъ, добрые люди! миленькіе орляне. А люди къ церквамъ зѣло усердны и часто по вся годы ѣздятъ въ Кіевъ Богу молитися и съ женами и съ дѣтьми; и съ нами многіе хотѣли итти во Іерусалимъ, да за тѣлесными достатками не пошли.

Градъ Орелъ стоитъ на Окѣ рѣкѣ въ степи на низкомъ мѣстѣ на лѣвой сторонѣ; градъ деревянный вѣтхъ уже, жильемъ не многолюденъ; пристань соленая и хлѣбная зѣло велика; матица хлѣбна! Орелъ-рѣка сквозь градское жилье течетъ и пала во Оку съ лѣвой страны; лѣсомъ и дровами зѣло нужно; церквей каменныхъ много; монастырь мужеской зѣло хорошъ, ограда каменная. И пребыхомъ на Орлѣ пять дней; не было намъ товарищей, за тѣмъ много прожили. Отъ Болхова до Орла 5 верстъ.

(5) *Зажоры* — снѣжные на дорогѣ провалы отъ ростепели. Про тающій снѣгъ говорится, что онъ *горитъ*.

(6) Происхожденіе слова *искусство*.

(7) *Дулёбый* во Владимірской и Рязанской губ. значитъ косой, разноглазый. Не указаніе ли это на древнее племя *Дулебовъ?*

Генваря въ 11 день заутра рано поидохомъ со Орла на Кромы и тогоже дни пріидохомъ въ Кромы, и тутъ мы обѣдали. И зѣло около Кромъ воровато; мы очень боялись. Градъ Кромы самый убогой; нѣтъ въ немъ и базару; люди въ немъ зѣло убоги, шерешъ нагольный (8), а что кочевые Татары живутъ—избенки зѣло нужны. И тутъ ѣдши хлѣба и поидохомъ въ Комарицкую волость; зѣло была замять велика, вѣтры были противные, нужно было конемъ, и самимъ посидѣть нелзя, а егуньета (?) лошадей то своихъ погоняютъ, не малехунка не сноровятъ, бѣда-су съ ними ѣхать; много грѣха принялъ, неблагодарно было на нихъ, коней у насъ злодѣи постановили. И доидохомъ Комарицкою волостію отъ Орла до Сѣвска три дни.

И Генваря въ 14 день пріидохомъ въ градъ Сѣвескій и стахомъ у боголюбца; мы же подахомъ ему грамотку отъ орлянина Евсевія Басова, а мы ему незнаемы; и когда прочелъ нашу грамотку, сотворися намъ знаемъ и пріятель, и зѣло насъ съ любовію принялъ, и сотвори намъ трапезу пространну, и созва своихъ сродниковъ и пріятелей, и возвеселился съ нами; и во вторый день пойде съ нами къ воеводѣ съ грамотою царскою къ Леонтію Михайловичу Коровину съ товарищемъ; и воевода, прочетъ царской листъ, спросилъ у меня: что де тебѣ надобе? подводъ де чтоли? и я ему сказалъ, что у насъ свои кони есть; я, молъ, для того къ твоей милости пришелъ объявиться: что въ листѣ къ тебѣ писано меня здѣ не задержать, что здѣ городъ порубежной. И воевода мнѣ сказалъ: поѣзжай, Богъ де тебѣ въ помощь! смирной человѣкъ воевода. Изыдохомъ изъ дома воеводскаго. Той же господинъ въ третій день такожде созва къ себѣ сродниковъ и друзей и приказныхъ людей, и учреди насъ трапезою пространною, и послужи намъ добре, и медку было довольно; такову намъ любовь сотворилъ, якоже искренній сродникъ; и все нами радѣлъ, всякою нуждою пекся, и промышлялъ и напутствовалъ, и въ таможнѣ печать пропускную взялъ, и проводника намъ далъ дорогу указать. Спаси его Богъ за его любовь! дивный сей человѣкъ! ажно есть у Бога-то еще добрыхъ-то людей много: спастися миленькой всячески хощетъ. Градъ Сѣевскъ стоитъ на рѣкѣ на Сѣвѣ; градъ деревянной, другой острогъ дубовой, третій земляной; градъ хорошій Сѣевскъ вельми; ряды и торги хороши, а люди въ немъ живутъ все служивые, мало посадскихъ, и Московскіе есть стрѣльцы; всѣ люди тертые, зѣло доброхотны и привѣтливы; тутъ и деньги всякіе мѣняютъ, чехи и талеры на Московскіе. И пребыхомъ съ Сѣевскѣ 2 (дня). Отъ Орла до Сѣевска 108 верстъ.

Генваря въ 17 день поидохомъ изъ Сѣвска въ Малороссійскіе городы, а день уже къ вечеру преклонился, и отыдохомъ отъ Сѣевска 15 верстъ, тутъ стоитъ застава изъ Сѣевска и вспросили у насъ печать; мы же имъ отдахомъ и тутъ у нихъ въ шелашѣ вмѣстѣ съ цѣловальниками (9) ночевахомъ; и мало опочихомъ и востахомъ о полунощи и поидохомъ до града Глухова; и бысть

---

(8) *Шерёшъ* въ Тамбовск. губ. — колоть или замерзшая грязь, по которой трудно ѣхать.

(9) *Цѣловальникъ* — первоначально всякій цѣловавшій крестъ въ вѣрности, присяжный человѣкъ.

наше шествіе благополучно, ночь была тиха и лунна; покойно было идти, яко и воздуху намъ служащу. И поутру стахомъ, въ селѣ тутъ коней кормили и сами ѣли.

Генваря дня пріидохомъ въ малороссійской городъ Глуховъ; и тутъ наши Калужаня и Бѣлевичи насъ приняли къ себѣ на постоялой дворъ и къ себѣ взяли съ любовію, и покоили насъ два дни, и коней нашихъ кормили и всякое поможеніе чинили, что сродницы; наипаче сродниковъ, таки огненная въ нихъ любовь; да провожали насъ за градъ версты съ двѣ, а сами миленькіе такъ плачутъ, не можемъ назадъ ихъ возвратить; и едва ихъ возвратихомъ вспять, кабы де мощно, мы бы де съ вами шли! — И уже мы поле отшедши поприща два, оглянемся назадъ, они таки миленькіе стоятъ да кланяются въ слѣдъ намъ. Этакая любовь огненная! мы и подивились такой любви; спаси ихъ Богъ свѣтовъ нашихъ: люди добрые и хорошіе Калужаня и Бѣлевича; нельзя ихъ забыть любовь!

Градъ Глуховъ земленой, обрубъ дубовый, вельми крѣпокъ; а въ немъ жителей богатыхъ много, пановъ; и строенья въ немъ преузоричное, свѣтлицы хорошія, палаты въ немъ полковника Стародубскова Моклышевскаго зѣло хороши; ратуша зѣло хороша, и рядовъ много; церквей каменныхъ много; дѣвичей монастырь предивенъ зѣло; соборная церковь хороша очень; зѣло лихоманы хохлы затѣйливы къ хоромному строенію; въ малороссійскихъ городахъ другова врядъ такова города сыскать: лучше Кіева строеніемъ и житіемъ. Отъ Сѣвска до Глухова пятьдесятъ верстъ.

Генваря въ 20 день поидохомъ изъ Глухова къ Королевцу и не дошедъ ночевали въ селѣ; и утре рано часу въ другомъ дни пришли въ Королевецъ, и стахомъ у боголюбца: прежде сего бывалъ Бѣлевитинъ посадской, да тутъ женился къ дѣвкѣ во дворъ; и принялъ насъ съ любовію, хлѣбомъ насъ кормилъ и коней нашихъ годовалъ и къ сотнику со мною ходилъ; сотникъ намъ талеръ на дорогу и винца доброва яковитки (10) далъ и простова; зѣло миленькій любовенъ и за городъ выпроводилъ.

Градъ Королевецъ — городъ земляной, обрубъ дубовый, житьемъ средній, рядовъ много, жители небогатые, строеніе посреднему, ярмонокъ великъ бываетъ: нынѣ Свинской (11) нѣтъ, такъ тутъ нынѣ съѣзжаются, многолюдно бываетъ противу Свинской; только не много торгу бываетъ, а товаровъ много и московскихъ и польскихъ, и Грекъ много живетъ, торгуются; только хорошаго торгу на три дни, а то на праздникъ Семеновъ день всѣ вдругъ и разъѣдутся. И того же дни, ѣдши хлѣба, поидохомъ изъ Королевца въ Батуринъ. Отъ Глухова до Королевца 30 верстъ.

Въ 22 Генваря пріидохомъ въ Батуринъ градъ и у градскихъ воротъ караулъ Московскій: стрѣльцы на караулѣ стоятъ; и караулъ остановилъ насъ у проѣзжей башни; стали насъ спрашивать: что за люди, откуда и куда ѣдите? есть ли де у васъ проѣзжая грамота?

---

(10) *Яковитка — aquavita*; такъ называютъ въ Малороссіи хлѣбную водку, слѣдуя названію, данному ей ея изобрѣтателями-генуезцами.

(11) Подъ Брянскомъ есть *Свѣнская* или *Свинская* обитель, на рѣкѣ *Свѣни*.

И мы имъ сказали, что мы люди Московскіе жители, а ѣдемъ во святый градъ Іерусалимъ Господню гробу поклонитися, и они повели насъ до съѣзжей избы, и пятисотной принялъ у насъ листъ Государевъ и прочетши вѣлѣлъ намъ отвести дворъ стоялой, и приказалъ намъ дать корму конемъ. А Гетмана въ тѣ поры не случилося дома, поѣхалъ къ Москвѣ къ Государю. И тутъ мы въ Батуринѣ обѣдали и коней кормили; а господинъ дому того, гдѣ мы стояли, зѣло честь намъ воздалъ, обѣдъ хорошій устроилъ. И ѣдши хлѣба, тогоже дни изыдохомъ изъ Батурина вонъ. Батуринъ градъ стоитъ на рѣкѣ на Семи на лѣвой сторонѣ, на горѣ красовито, градъ земляной, строенья въ немъ поплошаѣ Глухова и свѣтлицы Гетманскія рядъ дѣлу невычуроваты добре, и городъ не добре крѣпокъ, да еще столица Гетманская! Только онъ крѣпокъ стрѣлцами Московскими: на караулѣ все они стоятъ; тутъ цѣлый полкъ стрѣльцовъ живетъ, Анненковъ полкъ съ Арбату. И Гетманъ онъ есть стрѣльцами-та и крѣпокъ, а то бы его хохлы давно уходили, да стрѣльцовъ боятся; да онъ ихъ и жалуетъ: безпрестани имъ кормъ, а безъ нихъ не ступитъ. — Отъ Королевца до Батурина 30 верстъ.

Того же дни поидохомъ изъ Батурина въ Барзну. И Генваря въ 23 день пріидохомъ въ Барзну. Градъ Барзна такой же, что Королевецъ или получше; и ѣдши хлѣба того же дни поидохомъ въ путь свой. Отъ Батурина до Борзны тридцать верстъ.

Генваря въ 23 день поидохомъ изъ Барзны къ Нѣжину, а дорога уже стала зѣло нужна. И съѣхалися съ нами Московскіе стрѣльцы; бывали торговые люди, а живутъ они въ Путивлѣ, а ѣхали они къ Нѣжинской ярмонкѣ; такъ они съ нами поѣхали, а мы имъ зѣло ради, потому что имъ путь вѣдомъ, а намъ дорога незнакома. И того дни ночевахомъ въ корчмѣ, едва добихомся съ нуждою великою; и утре рано востахомъ и поидохомъ, а уже снѣгу ничего нѣтъ, земля голая; нужда была великая; таковъ былъ вѣтръ намъ противный, не токмо чтобы намъ льзя было итти и лошади останавливалъ, а людей все валилъ! Охъ нужда! когда она помянется, то уже горесть та-та, кажется, тутъ предстоитъ. Сидѣть не льзя, лошади насилу по землѣ сани волокутъ, а насъ вѣтръ валяетъ; а станешь за сани держаться, такъ лошадь остановишь! Увы да горе! была та дорожка сладка, да слава Богу нынѣ уже забыто. Едва мы добихомся до Максимовой корчмы; тутъ дали конемъ отдохнуть, покормили и сами хлѣба поѣли, да опять побрели; а вѣтръ мало потишалъ; едва съ великою нуждою до Нѣжина доѣхали, коней зѣло умордовали, а сами такожде утомилися, что сонные валяемся; и когда мы вошли во градскіе ворота, тогда караульщики стали насъ звать до воеводы; мы же поидохомъ къ воеводѣ, и воевода былъ нѣмчинъ, и воевода у насъ проѣзжую грамоту досматривалъ и отпустилъ насъ съ миромъ; мы же поидохомъ и обрѣтохомъ братію свою Калужанъ купецкихъ людей: пріѣхали къ ярмонкѣ торговать. И стахомъ съ ними на одномъ дворѣ, и они миленькіе намъ ради, что сродницы. Спаси ихъ Богъ за ихъ любовь! Да спаси Богъ Давыда Степановича! тотъ-то миленькій! христіанская та душа-то! нами всячиною промышлялъ и пекся нашимъ путемъ и день-

ги намъ обмѣнялъ (золотые и талеры на московскія деньги), и тѣлеги намъ покупалъ, и товарищевъ въ Царь-градъ Грековъ сыскалъ; а насъ, покудова мы жили въ Нѣжинѣ, поилъ и кормилъ, и денегъ на дорожку и маслица крынку; а мнѣ далъ Новый Завѣтъ Острожской печати. Спаси его Богъ свѣта и дружину его: онъ что у нихъ полковникъ, во всемъ его слушаютъ. Спаси Богъ Галактіонушка, Мосякина по прозванію; добрый человѣкъ! и Семенъ Григорьевичъ Олферовъ; всѣ миленькіе нашимъ путемъ радѣли, что родныя братія. Тутъ мы и сани продали.

Градъ Нѣжинъ на плоскомъ мѣстѣ; два города въ немъ: одинъ земляной, другой деревянной; и великъ жильемъ и строеніе въ немъ хорошо; Грекъ въ немъ много живутъ торговыхъ людей. И Давыдъ Степановичъ съ дружиною своею провожали насъ поприща яко бы три за градъ и плакали они по насъ; уже намъ отъ братіи нашея послѣднее такое провожаніе! и простихомся и другъ другу поклонихомся.

Генваря во 27 день поидохомъ изъ Нѣжина къ преславному граду Кіеву рано на первомъ часу дни; была намъ нужда великая; земля вся растворилась; такъ тяжко было лошадямъ и самимъ нужно идти; и того дня едва съ великою нуждою доѣхали до корчмы, часа въ два ночи пріѣхали, а въ корчмѣ только жёнка одна, и та курва; и тутъ мы съ нуждою великою ночевали; всю ночь стреглися, стали къ полю, а пьяные таскаются во всю ночь. Утре рано востахомъ и поидохомъ въ путь свой; и той день такожде съ нуждою шли и пришли въ село; тутъ выпросихомся ночевать; хижина зѣло нужна; тутъ къ намъ же ночи пріѣхалъ изъ Кіева протопопъ Глуховскій: ѣздилъ въ Кіевъ къ дѣтямъ; дѣти его въ Кіевѣ въ школѣ учатся науки; да спаси его Богъ! не потѣснилъ насъ; въ кибиткѣ легъ спать; намъ такъ покойно было. Утре рано востахомъ и поидохомъ къ Кіеву, и пріидохомъ въ село Боворочи (12) за пятьнадесятъ верстъ отъ Кіева. И отъ того села видѣли мы преславный градъ Кіевъ: стоитъ на горахъ высокихъ; а сами возрадовалися и отъ слезъ удержатися не возмогохомъ, и тогда ссѣдохомъ съ коней и поклонихомся святому граду Кіеву, и хвалу Богу воздахомъ, а сами рекохомъ: «слава тебѣ Господи, слава тебѣ Святый! яко сподобилъ еси насъ видѣти преславный градъ Кіевъ, сподоби насъ, Господи, видѣти преславный и святый градъ Іерусалимъ!» И тако поидохомъ къ Кіеву; а ходъ все боромъ, все пески; нужно сильно, тяжело песками. И того дни пріидохомъ къ Днѣпру подъ Кіевъ; а Днѣпръ только разшелся; и того дня мы не могли перевезтися за погодою. Тутъ же къ намъ пріѣхали Греки, наши товариши; они изъ Нѣжина прежде насъ тремя деньма поѣхали, да за Днѣпромъ стояли: нельзя было ѣхать. Днѣпръ не прошелъ въ тѣ поры, такъ мы съ ними ночевали. И утре рано тутъ же къ намъ пришелъ московскій стольникъ, шелъ съ болиною казною (13) къ Цесарю; а въ тѣ поры погода на рѣкѣ велика зѣло; отнюдь нельзя было переѣхать; и стольникъ сталъ кричать на перевощиковъ, и они миленькіе едва съ великою нуж-

(12) *Бровары*, извѣстное мѣсто подъ Кіевомъ.

(13) Такъ въ подлинникѣ, вѣроятно описка, вмѣсто *соболиною*.

дою перевозъ на нашу сторону перегнали; и когда стали на поромѣ, тогда порома отъ брега не могли отслонить; и стольникъ велѣлъ греческіе возы долой съ порома скатити, а наши не велѣлъ: спаси его Богъ! И тако мы стали на поромѣ на первомъ часу, а перевезлись на ту сторону часъ ночи; зѣло уже было нужно, и перевозщики миленькіе устали больно. И егда мы пристали ко брегу ко граду Кіеву, тогда придоша къ перевозу сотенный со стрѣльцами и караульщиками и стали насъ вопрошать: откудова и что за люди?—и мы сказали, что московскіе жители, а ѣдемъ во Іерусалимъ; естьли-де у васъ Государевъ указъ? мы сказали, что есть. «Покажите! безъ того во градъ намъ не велѣно пущать»;—и мы показали указъ, и сотенной прочетши указъ отвелъ насъ къ стольнику, и стольникъ такожде прочелъ; послалъ къ бурмистрамъ, чтобы намъ дворъ отвели стоять. И стахомъ на дворѣ близь ратуши. А въ то время три часа ночи вдарило; да слава Богу что ночь была лунна, а то грязь по улицамъ зѣло велика, едва съ нуждою проѣхали; и тако ночевахомъ слава Богу. И утре рано прислалъ по меня стольникъ, чтобъ я ѣхалъ съ нимъ въ верхній городъ къ боярину объявиться: зѣло крѣпко въ Кіевѣ проѣзжимъ людямъ. И тако мы пришли съ стольникомъ предъ воеводу Юрья Андрѣевича Фамендина (14), и я ему подалъ листъ Государевъ, и онъ прочетши листъ Царскій, честь намъ воздать велѣлъ, поить пивомъ и виномъ; и мы не пили, и отпустилъ съ миромъ и съ любовію; а бурмистры прислали намъ кормъ, рыбы, колачей, а конемъ такожде сѣна и овесъ; спаси ихъ Богъ! честь намъ хорошую воздали.

Градъ Кіевъ стоитъ на Днѣпрѣ на правой сторонѣ на высокихъ горахъ зѣло прекрасно; въ московскомъ и россійскомъ царствѣ таковаго града подобнаго красотою врядъ сыскать. Верхній градъ—валъ земляной вельми крѣпокъ и высокъ, а по градской стѣнѣ все караулы стоятъ крѣпкіе, по сту сажень караулъ отъ караула; и въ день и въ ночь все полковники ходятъ: тихонько осматриваютъ, таки ли крѣпокъ караулъ; а ночи уснуть не дадутъ, все караулъ отъ караула кричатъ и окликаютъ: кто идетъ?—Зѣло опасно блюдутъ сей градъ; да надобе блюсти: прямой замокъ московскому государству. Въ Кіевѣ монастырей, и около Кіева, зѣло много; и пустынники есть; райскія мѣста! есть гдѣ погулять! Вездѣ сады, винограды и по дикимъ лѣсамъ все сады. Церквей каменныхъ такожде въ Кіевѣ много; на Подолѣ строенье узоричное; тщательны, лихоманы и много у нихъ чудотворныхъ иконъ, а письмо кажется иное живопись; сердечная вѣра у нихъ велія къ Богу; и къ нищимъ податливы вельми. Да шинки ихъ въ конецъ разорили, да ко бы изъ того у нихъ сильно скаредно; и добрый человѣкъ худымъ будетъ. Церковь Софіи Премудрыя Божія зѣло хороша и образсовата, да въ ней презорство стронія; нѣту ничего — пусто; иконъ нѣтъ; а старое было стѣнное письмо, а Митрополитъ не хай все замазалъ известію; а у митрополита поютъ органистая, еще пуще органовъ. Старехонекъ миленькой, а охочь до органистова пѣнія. Въ верхнемъ городѣ церковь хороша Михаилы Златоверхова; тутъ въ той церкви мо-

(14) Родъ Фамендиныхъ существуетъ доселѣ.

щи Святыя Мученицы Варвары; и меня грѣшнаго Богъ сподобилъ ея мощи лобзати. Въ верхнемъ городѣ живетъ воевода и полковники, и стрѣлецкіе полки всѣ; а въ нижнемъ городѣ все мѣщане; хохлы всѣ торговые люди; тутъ у нихъ и ратуша и ряды всѣ; всякіе торги;—а стрѣльцамъ въ нижнемъ городѣ не даютъ хохлы въ лавкахъ сидѣть: только всякіе на себѣ товары въ разносъ продаютъ. Утре всѣ стрѣльцы сходятъ на Подолъ торговать, а вечеромъ предъ вечернями такъ они на горѣ въ верхнемъ городѣ торгуютъ между себя; и ряды у нихъ свои; товарно сильно сидятъ. И кружало у нихъ свое; извощики по московски; мясный рядъ у стрѣльцовъ великъ за городомъ. Въ верхнемъ городѣ снаряду зѣло много, и хлѣбнаго припаса. Около Кіева зѣло привольно лугами, и всячиною, и овощемъ; и рыбы много; всячина и все недорого. Чрезъ Днѣпръ четыре моста живыхъ съ острова на островъ, мосты зѣло велики; а Днѣпръ подъ Кіевомъ островитъ; а мостовщину берутъ съ воза по два алтына, а порожній и по шести денегъ, а съ пѣшаго по двѣ деньги. А эти мосты дѣлаютъ всѣ миленькіе стрѣльцы; а сборная казна мостовая гдѣ идетъ— Богъ знаетъ! а они миленькіе зиму и осень по вся годы съ лѣсу не сходятъ; все на мосты лѣсъ рубятъ, брусья спѣютъ (15) а лѣтомъ на полковниковъ сѣно косятъ да кони ихъ пасутъ; хамутомъ миленькіе убиты! а кои богаты, тѣ и на караулъ не ходятъ; всѣ по ярмонкамъ ѣздятъ; мѣлочь-то вся задавлена. Въ Кіевѣ на Подолѣ грядъ деревянный, и грязно сильно бываетъ на Подолѣ. А жилье въ Кіевѣ въ верхнемъ городѣ и въ нижнемъ—все въ городѣ, а за городомъ нѣтъ ничего; только по мѣстамъ бани торговыя. Въ Кіевѣ школьниковъ очень много, да и воруютъ много; попущено имъ отъ Митрополита. Когда имъ кто понадокучитъ — тогда пришедши ночью да и укокошатъ хозяина-то; а изъ двора корову или овцу сволокутъ; нѣтъ на нихъ суда; скаредно сильно; попущено воровать пуще московскихъ солдатъ; а вечеръ пришелъ, то и пошли по избамъ псалмы пѣть, да хлѣба просятъ; даютъ имъ всячиною и деньгами и хлѣбомъ, а иные имъ даютъ убоясь (16). А гдѣ святый Апостолъ Андрей крестъ поставилъ, тотъ холмъ въ городовой стѣнѣ, зѣло красовитъ. На томъ мѣстѣ стоитъ церковь деревянная вѣтха, во имя Святаго Апостола Андрея Первозваннаго.

Февраля во 2 день, на праздникъ Срѣтенія Господня, поидохомъ въ Печерской монастырь и пріидохомъ въ соборную церковь, и помолихомся чудотворному образу; и поидохомъ во Антоніеву пещеру, и ту видихомъ преподобныхъ отецъ; въ нетлѣнныхъ плотѣхъ что живые лежатъ! и толь множество ихъ — что звѣздъ небесныхъ! всѣ яко живы лежатъ! дивное чудо! Тако Богъ прославилъ своихъ угодниковъ, боящихся его. Видѣхомъ и младенцевъ нетлѣнныхъ лежащихъ. Тутъ же видѣхомъ храбраго

---

(15) *Спѣть, доспѣвать* въ залогѣ дѣйствительномъ значитъ приготовлять. Стрѣльцы, какъ Московскіе люди и новички въ Малороссіи, очевидно внушаютъ сочувствіе нашему путешественнику.

(16) Лукьяновъ не совсѣмъ благопріятно смотритъ на Малороссійское духовенство; такъ ему не нравится и то, что у Кіевскаго Митрополита органистое пѣніе.

воина Илію Муромца въ нетлѣніи подъ покровомъ златымъ, ростомъ яко нынѣшнихъ крупныхъ людей; рука у него лѣвая пробита копіемъ; язва вся знать на рукѣ; а правая его рука изображена крестное знаменіе.... И тутъ же въ той пещерѣ преподобный Іосифъ. Тутъ же видѣхомъ двадесять зодчихъ, сирѣчь церковныхъ мастеровъ: подъ единымъ покровомъ тѣ мастера лежатъ, ихъ же Пресвятая Богородица послала изъ Царь-града въ Кіевъ. И тако мы грѣшніи сподобихомся мощи святыхъ всѣхъ лобзати; а сами дивихомся и рекохомъ (отъ слезъ не могохомъ удержатися): Слава Тебѣ Господи, слава Тебѣ Святый! яко отъ многихъ лѣтъ желаемое получихомъ; что воздамы, Владыко, яко сподобилъ еси насъ такихъ гражданъ небесныхъ видѣти и мощи ихъ лобзати! И ходихомъ по пещерѣ, и дивляхомся и пихомъ воду съ Маркова креста, что на себѣ нашивалъ преподобный, желѣзный великой крестъ; желоватъ онъ сдѣланъ. Тутъ же видѣхомъ крестъ Антоніевъ, деревянный великій, съ возглавіемъ, троечастный, на его гробницѣ стоитъ. Тутъ же стоятъ столбики деревянные, а къ нимъ придѣланы цѣпи желѣзныя: тутъ на ночь на тѣ цѣпи бѣсноватыхъ куютъ. Изъ Антоніевой пещеры поидохомъ въ Ѳеодосіеву пещеру; и тамо такожде мы грѣшніи сподобихомся мощи святыхъ лобзати и поклонихомся и возрадовахомся радостію неизрѣченною; и возвратихомся въ монастырь. И тутъ сподобихомся мы грѣшніи чудотворный образъ пресвятыя Богородицы лобзати и мощи святыя Іуліаніи княжны: рука у ней десная вся перстнями унизана; чудо! что у живой рука та! Въ Печерскомъ монастырѣ церковь зѣло предивна: строеніе короля Жигимонта на томъ же мѣстѣ на старомъ основаніи; а въ церкви стѣнное писаніе: всѣ князья русскіе написаны. Да тутъ же видѣхомъ въ той же церкви у праваго столпа изваянъ изъ камене Князь Константинъ Острожскій; лежитъ на боку въ латахъ, изображенъ какъ будто живой. Нынѣ кругъ монастыря ограду дѣлаютъ каменную зѣло великую; да дѣлаютъ же палату друкарню, гдѣ книги печатать. Около монастыря слобода зѣло велика и садовъ многое множество; торгъ у нихъ около монастыря своего. И помолившеся Пресвятѣй Богородицѣ и преподобнымъ отцемъ Антонію и Ѳеодосію, и прочимъ преподобнымъ отцамъ поклонихомся. И тако изыдохомъ изъ монастыря, и поидохомъ вспять во градъ Кіевъ; и начахомъ убиратися къ походу своему. Деньги обмѣняли, телегу купили; а наши товарищи Греки перевезлися чрезъ Днѣпръ въ Кіевъ: погода ихъ не допустила перевестися, такъ они на томъ боку жили двое сутки. И товарищи наши также изготовились. Совсѣмъ убравшись, тутъ у насъ отъ нашей братіи изъ артели одинъ братъ не похотѣлъ итти съ нами во Іерусалимъ за немощію и за плотскими недостатками; и я съ ними ходилъ къ воеводѣ: взявши указъ, да и отпустилъ его назадъ къ Москвѣ во своясы.

И помолившеся Господу Богу и Пречистѣй его Богоматери и святому славному пророку и предтечи и крестителю Господню Іоанну, и призвавъ на помощь святаго Ангела хранителя, Февраля въ 3 д. поидохомъ изъ Кіева въ Ляцкую землю и Воложскую, пойдохомъ рано на первомъ часу дни, и едва на Кіевскія горы съ трудомъ великимъ взъѣхали, нужда была велика; грязно вельми; земля иловатая;

все двойкою взъѣзжали. И когда мы на горы Кіевскія взъѣхали, тогда мы съ братомъ нашимъ Андреяномъ простихомся, и поклонихомся другъ другу до земли, и тако растахомся и послахомъ съ нимъ поклонъ ко братіи нашей всѣмъ правовѣрующимъ. А сами поидохомъ въ путь свой; и бысть радостно и плачевно: радостно яко къ таковому святому мѣсту поидохомъ, плачевно же яко пустихомся въ чужую землю, паче же басурманскую. А сами рекохомъ: буди воля твоя Господня и Пресвятыя Богородицы. И призвавъ всѣхъ святыхъ на помощь и глаголахъ: Владыко человѣколюбче, помози за молитвъ отца нашего инока схимника Спиридона! — И тако поидохомъ въ путь свой. Тогоже дни минухомъ городокъ именемъ Бѣлогородко на правой рукѣ, въ сторонѣ съ полверсты отъ дороги. Тутъ стоитъ на дорогѣ коло на деревѣ высоко; тутъ купецкіе люди платятъ мыто. А та Бѣлогородка монастырская, Софійскаго монастыря; такъ на монастырь мыто сбираютъ. И того дни мы ночевахомъ на бору, въ лѣсѣ склали огнь великій; и утре рано поидохомъ; и идохомъ той день весь; не видѣхомъ ни селъ, ничего; шли все дубровами. И дошедъ до Ѳастова (17) версты за три, и ночевахомъ у плотины (прежде сего мельница бывала); переправивши за плотину, тутъ и ночевахомъ. И та ночь зѣло холодна была; перезябли въ дрязгъ. И утре рано пріидохомъ подъ Ѳастово, городокъ Палѣевъ, часу во второмъ дни; и стахомъ у вала землянаго. А въ томъ городку самъ полковникъ Палѣй живетъ; прежде сегоже этотъ городокъ бывалъ Ляцкой, да Палѣй насиліемъ его у нихъ отнялъ, да и живетъ въ немъ. Городина хорошая, красовито стоитъ на горѣ; острогъ деревянный кругъ жилья всего; валъ земляной, по виду не крѣпокъ добре, да сидѣльцами крѣпокъ, а люди въ немъ, что звѣри. По земляному валу ворота частые; а во всякихъ воротѣхъ копаны ямы, да солома наслана въ ямы; тамъ Палѣевшина лежитъ, человѣкъ по двадцати, по тридцати; голы, что бубны, безъ рубахъ, нагіе, страшны зѣло; а въ воротѣхъ изъ селъ проѣхать не льзя ни въ чемъ; все рвутъ, что собаки: дрова, солому, сѣно, съ чѣмъ ни поѣзжай. Харчъ въ Ѳастовѣ всякая зѣло дешева, кажется дешевле Кіевскаго; а отъ Ѳастова пошла дороже вдвое или втрое; и тутъ купецкіе люди платили мыто. Стояли мы въ Ѳастовѣ съ полдня. И того же дня поидохомъ изъ Ѳастова, и ночевахомъ въ селѣ Палѣевѣ Мироновскѣ, а во второй день, въ мясные заговены, пріидохомъ въ городокъ Паволочь; тотъ городокъ у Палѣя уже порубежный отъ Ляховъ. А когда мы пріѣхали и стали на площади, а того дня у нихъ случилося много свадебъ, такъ насъ обступили, какъ есть около медвѣдя; всѣ казаки, палѣевщина и свадьбы покинули; а все голудба безпорточная; а на иномъ и клока рубахи нѣтъ; страшны зѣло, черны, что арапы и лихи, что собаки: изъ рукъ рвутъ. Они на насъ стоя дивятся, а мы имъ и втрое, что такихъ уродовъ мы отроду не видали; у насъ на Москвѣ и на Петровскомъ кружалѣ не скоро сыщешь такова хочь одного. Въ томъ же городку мы ночевали; ночь всю стереглися, и той ночи пожаръ учинился не далече отъ насъ

(17) *Ѳастово—Хвостово.*

да скоро потушили. Тутъ купецкихъ людей мытомъ сильно ободрали.

Февраля въ 6 день въ понедѣльникъ сырныя недѣли о полудни, ѣдши хлѣба и забравши всякой харчи себѣ, и конемъ овса и сѣна, и поидохомъ въ степь глубокую; и бысть намъ сіе путное шествіе печально и уныливо, бяше бо видѣти ни града, ни села; аще бо и быша прежде сего грады красны и нарочиты селы видѣніемъ — но нынѣ точію пусто мѣсто и не населяемо, не бѣ видѣти человѣка. Пустыня велія и звѣрей множество: козы дикія, и волцы, лоси, медвѣди; нынѣ же все развоевано да разорено отъ Крымцевъ. А земля зѣло угодна и хлѣбородна, и овощу всякаго много; сады, что дикій лѣсъ: яблоки, орѣхи воложскіе, сливы, дули, да все пустыня; не дадутъ собаки Татары населиться; только населятся селы, а они собаки пришедъ и разорятъ, а всѣхъ людей въ полонъ поберутъ. Не погрѣшу эту землю назвать златою, понеже всего много на ней родится. И идохомъ тою пустынею пять дней, ничто же видихомъ отъ человѣка.

Февраля въ 11 день пріидохомъ въ городъ Ляцкій Немѣрово, и стахомъ на постояломъ дворѣ у волошенина. Градъ Немѣрово жильемъ не добре великъ, да весь разоренъ отъ Татаръ; кругъ его земляной, а въ немъ жидовъ весьма много. Почитай всѣ жиды зѣло пригожи: родъ жидовскій вельми красовитъ, паче же женскій полъ красовитъ: какъ есть написанныя! другихъ жидовъ такихъ не наѣзжали во всей Турецкой землѣ и Воложской. Хлѣбъ въ Немѣровѣ дорогъ, и всякій харчь; вино дорого; холсты дороги зѣло: хрящь(?) по 8 ден. аршинъ; яблоки не дороги. Приходили къ намъ мытники Лятцкіе и у грековъ товаровъ досматривали, а у насъ не смотрѣли: только у меня увидѣлъ индучникъ (18) бочку винную—такъ въ честь перепросилъ; я ему и поступился; такъ онъ мнѣ и печать далъ пропускную; и тутъ въ Немѣровѣ индучники грекъ купецкихъ людей зѣло затаскали. Немѣрово отъ Кіева приходъ простъ, ровное мѣсто; а отъ Сороки на горѣ стоитъ высокой. И стояли мы въ Немѣровѣ два дня; и искупихомся харчью всякою довольно на четыре дня себѣ и конемъ, и поидохомъ въ пустыню глубокую.

Февраля въ 14 день поидохомъ изъ Немѣрова въ Воложскую землю ко граду Сороки; и того же дни пріидохомъ на Богъ-рѣку. Богъ-рѣка съ Москву рѣку шириною, но порожиста вельми; каменья великіе лежатъ во всю рѣку; шумитъ громко, далече слышать, вся вода пѣною идетъ, перебита; около ея горы высокія каменныя. И ту рѣку тогоже дня перевезохомся; паромишка плохой, а рѣка быстрая; только по одной телегѣ возили. И перевезши рѣку стали подыматься на гору; гора та зѣло велика; а рѣка Богъ отъ Немѣрова пятнадесять верстъ. И поидохомъ въ степь глубокую: все горы, да юдоли. Взъѣхавъ на гору да все шли межъ горъ яслями (19); и шли мы тою пустынею — не видали ни человѣка, ни звѣря, ни птицы; только тропы татарскія конныя. А мѣсты всѣ разорены отъ Татаръ; нынѣ починаютъ заводить селы, какъ миръ сталъ; и то въ сторонѣ отъ дороги далече. А когда мы шли—передъ

(18) Сборщикъ пошлинъ. *Индуктъ* по Польски значитъ взиманіе пошлинъ съ привозимыхъ изъ-за границы товаровъ. Замѣчательно что Лукьяновъ, ѣдучи по Малороссіи, употребляетъ въ своемъ описаніи и слова тамошнія.

(19) Тоже что *логъ*.

нами и за нами все степь вся горѣла. И идохомъ степью и дубровою четыре дня; и не доходя Сороки города верстъ за пятнадцать, крестъ каменный подлѣ той дороги, а на немъ подпись: какъ степь горѣла, такъ купецкихъ людей грекъ осьмнадцать человѣкъ и съ товаромъ и съ коньми сгорѣли, только три человѣка ушли. Мыже тутъ стояхомъ и дивихомся, какъ кости кучами лежатъ лошадиныя, а человѣческія собрали да въ Сороку отвезли и погребли; дивное чудо какъ сгорѣли, а всѣ не спали и видѣли, какъ огнь шелъ и трава горѣла по одной сторонѣ, а они смотрятъ, какъ дунетъ вѣтръ, да и перескочилъ черезъ дорогу, а они не успѣли уйти, да такъ и сгорѣли.

Февраля въ 17 день пріидохомъ въ городъ Сороку и стахомъ въ боку на Ляцкой сторонѣ и тутъ ночевахомъ. И утре къ намъ съ того боку пріѣхалъ индучникъ (по турецки ермучекъ) и стали съ греками уговариваться пошлиною, чтобъ шли на явки; и тутъ греки съ ними уговорились пошлиною. И тутъ къ намъ присталъ казакъ запорожской: Петромъ его зовутъ; а сказалъ, что де я иду во Іерусалимъ, пожалуйте де меня пріими Бога ради! И я сказалъ: братецъ, мы добрымъ людемъ рады: изволь итти. Да голъ бѣдный; и была у него полтина-то, да онъ больно свято сталъ жить, все идучи роздалъ; ему чуло, на Дунаи стоитъ Іерусалиматъ, а когда еще и дошедъ до Дуная-то, такъ подумалъ, да и назадъ поворотилъ. Тогоже дня, какъ договоръ былъ, положили о пошлинѣ, такъ стали Днѣстръ рѣку перевозитися на ту сторону, на турецкую и воложскую землю. Тутъ перевозъ дорого берутъ, по пяти алтынъ съ воза, жиды зарондованъ (20) перевозъ. Днѣстръ рѣка шириною съ Москву рѣку, подъ Сорокою бѣжитъ быстро, камениста. И переѣхавши стали на площади. Городъ Сорока стоитъ на рѣкѣ на боку на правой сторонѣ, на брегу подъ горою; а надъ нимъ гора высокая зѣло, городокъ каменной высокъ; мы же ходихомъ внутрь его, и мѣрихомъ; онъ круглъ; стѣна отъ стѣны двадцать пять ступней ножныхъ; и поперекъ тожъ. Харчь зѣло дорога, да и нѣтъ ничего; орженаго хлѣба отнюдь не сыщешь: все мѣлкій пшенный да ячный хлѣбъ; ячмень зѣло дорогъ: четверикъ московскій по пяти алтынъ; да имъ и самимъ нечего ѣсть; живутъ—а все вонъ глядятъ; хаты стоятъ, и тѣ не огорожены; отъ турка и отъ господаря воложскаго зѣло данью отягчены; Сорока — на одной сторонѣ Ляхи живутъ, по другую Волохи.

Февраля въ 20 день поидохомъ изъ Сороки города къ Ясамъ, а стояли въ немъ два дни. Гора зѣло высока подъ Сорокою; едва съ великою нуждою мы на гору взъѣхали, пришелъ дождь такой, ослизло, невозможно конемъ итти, а все камень; нужно было вельми; а иные у насъ отстали и не взъѣхали, да уже на стану достигли, какъ ночевать стали. Вельми тотъ день намъ нужно было; дождь весь день шелъ; студено было, всѣ перемокли да перезябли. Степь, а дровъ взять негдѣ; только на стану нашли дровъ малое число; стоялъ нашъ посолъ Московскій, посолъ Князь Дмитрій Михайловичь, такъ мы ихъ собравъ, да на возы поклали, да до стану везли: а если бы не тѣ дрова, то бы

(20) Заарендованъ.

совершенно померѣть намъ; всѣ мокры, а ночью сталъ морозъ, да снѣгъ съ дождемъ пришелъ, инъ не дастъ огню-то раскласть. А греки всѣ сухи; подѣлали епанечные шелаши, да и легли: а мы всю ночь, что рыба на удѣ, пробились; да спаси Богъ Петра казака! тотъ-то миленькій далъ свѣту видѣть; накрылъ меня куртою своею; такъ я подъ нею сидя, да сушился противъ огня; а то нельзя сушиться наружи; все дождь да снѣгъ идетъ; пощади Господи какова въ тѣ поры нужда была! полно забыта! слава Богу свѣту! И поутру востахомъ и поидохомъ въ степь и бысть наше шествіе зѣло печально и скорбно; переправы лихія, горы высокія: посидѣть негдѣ, чтобы отдохнуть; все пѣшіе брели, а кони устали; а пустошь: ничего нѣтъ, ни селъ ни лѣсу; все степь голая; ѣхали пять дней, не наѣхали на прутинку, чѣмъ лошадь погнать. Горы высокія, да юдольныя ѣхали; узорочистыя горы, холмъ холма выше; да такъ-то посмотришь, что горамъ-то и конца нѣтъ.

Февраля въ 24 придохомъ на Прутъ рѣку. Прутъ рѣка поменьше Москвы рѣки; и тутъ мы перевезлися, пріѣхали къ другой рѣкѣ; и тутъ перевозъ; та рѣка поменьше Прута; и тутъ вскорѣ перевезлись на другую сторону. И стахомъ взъѣзжать: глина лихая, а мѣсто тѣсное; едва съ великимъ трудомъ взъѣхали; а товарищи иные не выѣхали, такъ совсѣмъ въ Ясѣхъ и ночевали, да на другой день нанимали воловъ, такъ волами ихъ возы вывезли. И мы въ тѣ поры, не доѣхавъ Ясей за пять верстъ, ночевали; и поутру рано вставши на первомъ часу, поидохомъ къ Ясѣмъ въ самую недѣлю православія; и придохомъ въ Яси въ благовѣстъ къ обѣдни. Ясы градъ столица Воложская; тутъ Господарь самъ живетъ; и пришедши стали мы у таможни; а мытниковъ въ тѣ поры не было ихъ въ таможнѣ, во обѣднѣ стояли; такъ мы ихъ и дожидались; а когда пришли мытники и стали у грекъ товару досматривать; и досмотрѣвъ у грекъ пришли и къ намъ; стали наши возы разбивать; такъ я вземши листъ Царскій, да положилъ предъ ними; такъ они стали смотрѣть и велѣли мнѣ честь, а толмачь имъ рѣчи переводитъ, такъ они того часу велѣли возы наши завязать, не велѣли смотрѣть и отвели насъ въ монастырь къ Николѣ по рекломъ Голя. И тутъ мы стахомъ; игуменъ далъ намъ келью; потомъ игуменъ прислалъ къ намъ три хлѣба; а когда мы взъѣхали на монастырь, а игуменъ сидитъ передъ кельею своею, да тюмень тянетъ; и я, когда увидѣлъ, что онъ тюмень тянетъ и зѣло мнѣ бысть ужасно, что молъ это уже свѣту представленіе для того, что этому чину необычно и страмно табакъ пить; ажно поглядѣли, анъ и патріархи и митрополиты пьютъ; то у нихъ и забава, что табакъ пить.

Градъ Яси стоитъ на горѣ красовито; около его горы высокія; зѣло предивной градъ бывалъ, да нынѣ весь разоренъ отъ турка и отъ ляховъ; а господарь воложскій и до конца разорилъ, данью отяготилъ; съ убогаго человѣка, кой землю копать наймается, пятдесятъ рублей въ годъ дастъ Господарю кромѣ турецкой подати, а нарочитому человѣку тысяча талерей; средній пять сотъ дастъ; да какъ имъ и не ѣсть? а они у турка накупаются дачею великою, такъ уже безъ милости деретъ. Воложская земля вся пуста; разбрелися всѣ: иные въ Польшу, иные къ намъ въ Кіевъ, иные

къ Палѣю. Кабы эта земля не разорена — другой такой земли не скоро сыщешь! обѣтованная земля; всячину родитъ! они и сами сказываютъ, у насъ де есть и златая руда и серебренная, да мы де таимъ, а когда бы де свѣдалъ Турокъ, такъ бы де и по готову разорилося отъ такой руды. Въ Ясѣхъ монастырей зѣло много; предивные монастыри; старинное строеніе, да всѣ безъ призору; у прежнихъ господарей зѣльное радѣніе было къ церквямъ; письмо все стѣнное. А старцы воложскіе всѣ вонъ изгнаны изъ монастырей; а господарь тѣ монастыри продалъ греческимъ старцамъ; а они что уже черти ворочаютъ; а онъ съ нихъ дани великія беретъ, а старцы вельми растлѣнно живутъ и въ церквахъ стоятъ безъ каблуковъ, а Волохи въ церквяхъ въ шапкахъ молятся; а игуменъ самъ поетъ на крилосѣ. Анъ де я пришелъ въ недѣлю къ заутренней въ мірскую церковь: служитъ попъ воложскій; на утренней, пропѣвъ: *Богъ Господь*, да стали антифонъ пѣть, да попъ почелъ Евангелія; потомъ стали пѣть ирмосъ гласу воскресному, а покрыли катавасіемъ *отверзу уста моя;* да такъ-то пропѣвъ, ирмосъ да катавасіемъ покроетъ, да на 9 пѣсни пропѣли *величитъ душа моя Господа* да *достойно*. А я смотрю, гдѣ у нихъ каноны та дѣлись? знать-то во окно улетѣли; легка-та-су, хороша эдакъ служба-то говорить, да знать легко и спасеніе-то будетъ. Что же потомъ пропѣли? *Святъ Господь Богъ нашъ; хвалите Господа съ Небесъ* не говорили; стихеры хвалитныя пропѣли, славословіе великое да первый часъ; а на первомъ часу и псалмовъ не говорили, только *слава* и *нынѣ что тя наречемъ*; да *святы Боже*, потомъ *Христе свѣте* и отпустъ. Что говорить? уже и грековъ переще петили волохи службою церковною; а какъ литоргію пѣли—я уже того не вѣдаю, для того мракъ низшелъ и съ того ихъ кудосенья то; сполать хорошо поютъ. Въ Ясѣхъ прежде сего строенья было узоричное; много палатъ каменныхъ пустыхъ; а улицы всѣ были каменемъ мощены: а нынѣ все развалилось, только знакъ есть какъ были сланы каменемъ. А дворы въ Ясѣхъ не огорожены, развѣ у богатаго, и то плетнемъ. Господарскій дворъ зѣло хорошъ; много палатъ каменныхъ. Вино въ Ясѣхъ дешево и хлѣбъ; масло коровье дешево; конопное дорого, съ Руси идетъ. Яблоки, орѣхи, черносливъ необычно дешевъ; и кормъ лошадиный дешевъ. А люди доброхотны, хоть убоги; а отъ дешеваго вина всѣ пропали, въ конецъ отъ того разорились; вездѣ все шинки. Много и турокъ въ Ясѣхъ съ торгомъ; и жидовъ много тутъ живутъ; а жиды у господаря ряды дегтяныя откупаютъ, такъ деготь дорогъ: клягу дегтяную налить большую — гривны четыре. Дрова очень дороги; на копейку каша легонько сварить; а лѣсу много, да люди лѣнивы, не проворны, не какъ Московскіе. Купецкихъ людей въ Ясѣхъ пошлиною очень грабятъ; затѣмъ многіе объѣзжаютъ. Тутъ насъ въ Ясѣхъ греки, товарищи наши, покинули, не поѣхали съ нами въ Царьградъ; пришла имъ вѣдомость изъ Царяграда, что лисица и бѣлка дешева, такъ они поѣхали въ Молдавскую землю въ Буквареши; а мы тутъ и остались. А жили мы въ Ясѣхъ тринадцать дней, дожидались товарищей, да не дождались. Печально намъ сильно было; пути не знаемъ, а языка и поготову ничего не знаемъ; зѣло смутно было и мятежно;

мысль мялась; всяко размышляли, иттить или назадъ воротиться. Наняли было и языка до Іерусалима волошенина (многіе языки знаетъ) по тридцати алтынъ на мѣсяцъ, пить, ѣсть наше; да стали у него рѣчи не постоянны: нынѣ такъ говоритъ, а утре пришедъ другое все переговариваетъ, въ одномъ словѣ не стоитъ; помнилось ему, что дешево нанялся что-ли, Богъ знаетъ. Мы же, видѣвши его непостоянство, да и вовсе отказали. Печально было сильно стало въ томъ: хоть безъ толмача ѣхать. Господи помилуй! сколько переѣхавши да столько нужды принявъ—да назадъ ѣхать! Стыдно су будетъ. Что дѣлать? живемъ много, товарищей нѣтъ, а проводить никто не наймается. Сыскался миленькій убогій человѣкъ; нанялся у насъ до Галацъ; дали ему три двадцать три алтына двѣ деньги.

Марта въ 7 день взяхомъ у господаря воложскаго листъ и поидохомъ изъ Ясей къ Галацу; первый день идохомъ лѣсомъ; а въ тѣ поры припалъ снѣжокъ молодой; покуда до лѣсу доѣхали, а онъ и стаялъ; такъ горы-то всѣ ослизли; а горы высокія, не удобь проходимыя; едва двойкою выбились; сажень пятьдесять вывезши—да подъ другой поѣзжай; бѣдство великое было; проводникъ ропщется, не хочетъ итти съ нами; такъ мы его стережемъ, чтобы не ушелъ или лошади бы не увелъ. Охъ нужда была! плакать бы — да слезъ-то нѣтъ! а люди къ путному шествію не искусны и нуждъ никакихъ не видали, въ путѣхъ не хаживали, искусу никаково не знаютъ; а я на нихъ ропщу—такъ имъ несносно. Ну да слава Богу, хошъ другъ на друга ропщемъ, а таки бредемъ по маленьку. 13 дней въ Ясѣхъ лошади отдыхали, а тутъ одинъ день насилу снесли, чуть не стали. Этакая была нужда! А всего лѣсу верстъ съ десять; во всю дорогу такой нужды конемъ не было. День весь бились! этою дорогою мало коньми ѣздятъ, все волами; воловъ шесть, четыре запряжетъ — такъ они прутъ; а у нихъ арбы широкія. Земля иловатая, такъ дорога калястая; а наши телеги узки, такъ все телега бокомъ идетъ, такъ лошадь-то потянетъ сажень десять, да станетъ; а колеса-то по ступицу воротитъ, такъ лошадь-то бросается туда и сюда; все въ поводу вели лошадь-то; бѣдно было сильно; пощади Господи! у насъ-то на Руси такихъ путей нѣтъ. Едва къ ночи добились до мѣстечка, и то все разорено; хаты съ три стоятъ для почтарей, да церковь каменная зѣло хороша; и мы тутъ ночевали. И съ полуночи прибѣжалъ валакъ (а по русски гонецъ) съ тайными дѣлы отъ турка къ господарю; пришли къ намъ турки со свѣчами; ночь была зѣло темна; и сталъ нашихъ лошадей брать подъ себя; мыже не давахомъ ему, а онъ проситъ ключа конскихъ желѣзъ (лошади были скованы); такъ ключа у меня проситъ, а я не даю; турчинъ, выневши ножъ, да замахнулся на Луку, а онъ миленькій и побѣжалъ; и толмачь скрылся. Взявши коней, да и погнали скованныхъ до того мѣста, гдѣ стоятъ; а за ними я одинъ пришелъ, да плачу и Богомъ ихъ молю, чтобъ отдали. Едва собаки отдали, а на ока вина таки взяли; самому турчину будто стыдно, такъ онъ велѣлъ емшику взять. Слава Богу свѣту, что отдали, а то бѣда была не малая, мѣсто пустое, нанять не добудешь. И въ третій день пріидохомъ въ Борлатъ, мѣстечко воложское самое убогое; тутъ мы

ночевахомъ и искупихомся запасомъ себѣ и конемъ; и утре рано поидохомъ вонъ на нощномъ часу, за часъ до свѣта или больше; и дорога зѣло гориста. А толмачь нашъ мало пути знаетъ, и такъ велъ насъ не тѣмъ путемъ; иная дорога глаже, а онъ велъ все горами. да дубровами, и самъ милый не знаетъ; много на него и ропталъ, анде хотѣлъ и побить, да Богъ помиловалъ отъ такова грѣха; простой бѣдный мужикъ, какъ наймался, такъ сказывалъ: я дорогу до конца знаю; а какъ поѣхалъ— такъ ничего не знаетъ, да бѣгаетъ, да спрашиваетъ; ошибался миленькій много; послѣ уже повинился: я-де этою дорогою однова отъ роду проѣхалъ, и то де лѣтъ съ двадцать; какъ полно миленькій насъ дотащилъ, да, слава Богу, таки доволокъ насъ до Галацъ; спаси его Богъ! И тутъ мы, идучи отъ Борлата къ Галацамъ, видѣли горы Венгерскія, славныя, зѣло высокія, подобны облакамъ; и мы тѣмъ горамъ зѣло подивихомся, что намъ необычно такихъ горъ видать; а на нихъ снѣгъ лежитъ. А откудова мы тѣ горы видѣхомъ, и вопросихомъ языка: далече молъ тѣ горы видѣхомъ?—и онъ сказалъ: добрымъ-де конемъ бѣжать три дня до нихъ; а намъ зѣло дивно; якобы видится отъ Москвы до Воробьевыхъ горъ кажется; и древа-то на нихъ можно счесть: зѣло удивительныя горы. Аминь.

Марта во 12, уже часъ ночи, пріидохомъ въ Галацы и выпросихомся у волошанина ночевати. И онъ пустилъ насъ; и утре рано на первомъ часу дни пошелъ до попа русскаго, а то никто языка не знаетъ. Такъ попъ пожаловалъ, велѣлъ къ себѣ переѣхать. Такъ мы совсѣмъ переѣхали, да и стали у попа; а рухлядь склали въ избу; нужно у миленькихъ и хоромники особой. Потомъ намъ стали сказывать, что есть де корабль въ Царь-градъ; и мы зѣло обрадовалися, и стали коней продавать; а сказали, что сегодня корабли пойдутъ, такъ мы за безцѣнокъ лошадей отдали и телеги; не до того стало; только бы съ рукъ спихать; такъ уже земля ноетъ, путь надалысь(?); помянуть-то его не хочется. И когда опростались отъ лошадей, тогда пошли корабль нанимать; и нашли корабль греческій христіанскій; уговорились съ человѣка по левку до Царяграда; и раизъ приказалъ намъ досвѣта на корабль совсѣмъ пріѣхать.

Градъ Галацы небольшая городина, да славенъ корабленною пристанью; а то разоренъ весь отъ Турка и отъ Татаръ; монастырей много; и хороши, а только по старцу живутъ, подданные Цареградскихъ монастырей, пусты. И въ церквахъ пусто; а церкви узоричныя, каменныя; и кресты на церквяхъ и колокола малые, по два колокола. Градъ Галацы стоитъ на Дунаѣ рѣкѣ, на брегу на лѣвомъ боку; въ Галацахъ вино дешево и хлѣбъ; а кормъ лошадиный дорогъ: сѣна одной лошади на сутки на два алтына мало. Дунай рѣка широка и быстра: глубока, у берега купаться не льзя; круто, берега съ берегами въ ровень идетъ. Въ Галацахъ рыба дешева; свѣжей великой дать алтынъ, и осетры не дороги; Дунай рѣка рыбна, что Волга; много рыбы!

Марта въ 14 день рано за два часа до свѣта, всклавши рухлядь во всѣ телеги, и съѣхали на брегъ къ кораблю; а корабельники уже готовятся; матросы парусъ

готовятъ къ подъему; и тутъ намъ турки, караулъ, не далъ рухляди класть на корабль; повели насъ къ мытнику греческому; и я пришелъ; а индучникъ еще спитъ, такъ я дожидался, какъ онъ всталъ. И сталъ меня спрашивать, что за человѣкъ, откудова? и я ему сказалъ, что мы съ Москвы, да и подалъ ему господарскій листъ воложскій; и онъ прочетши листъ сказалъ: «идика-же съ Богомъ! «я съ твоего товару пошлины не возьму; «а турчинъ де возьметъ ли, нѣтъ, того «де я не знаю: инде я къ нему отпишу, «чтобъ де онъ съ тебя не бралъ.» — Такъ я ему поклонился, и онъ написалъ къ нему письмо; и когда пришли мы къ Турку, къ юмрукчѣю, и онъ прочетши письмо греческое да и плюнулъ; а товаръ весь отъ корабля велѣлъ предъ себя принести и пересмотрѣвши товаръ велѣлъ къ себѣ въ хоромину таскать, а самъ мнѣ чрезъ толмача сказалъ: дай мнѣ юмруку 20 талерей; и я выневши листъ московскій да подалъ ему; такъ турчинъ сталъ листъ чести; и прочетши листъ, сказалъ: Гайда! пошелъ де, возьми свой товаръ; нѣтъ де до тебя дѣла. И взявши товаръ, да пошли къ кораблю и стали кластися на корабль; и когда убрались мы совсѣмъ, и харчь тутъ всякій купили и сухари. — Да тутъ же къ намъ присталъ черный попъ изъ Ляцкой земли самъ другъ; сталъ бить челомъ, что пожалуй возьми съ собою въ Іерусалимъ; и мы его приняли; а онъ въ тѣ поры пошелъ съ корабля за сухарями; и раизъ кораблениикъ, не дождавъ его, поднявши парусъ, да и отпустился. А тотъ попъ Аѳонасій увидѣлъ съ горы, что корабль пошелъ, бросился въ лодку къ рыбаку; далъ пять алтынъ; чтобъ на корабль поставилъ; а лодка дырява, налилась воды; чуть не потонула; едва на корабль попали.

И марта въ 15 день рано на второмъ часу дня кораблениикъ раизъ велѣлъ поднимать на кораблѣ паруса; и корабль отъ берега отпихнули и пошли Дунаемъ; и бысть вѣтръ поносенъ зѣло. И того же дни яко о полудни пристахомъ къ городу, а имя ему Рень Воложскій живетъ, и турокъ много. Тутъ раизъ карабль пщеницею догружалъ. Градъ Рень полутче Галацъ; вино въ немъ дешево: по одной деньгѣ ока: и хлѣбъ дешевъ; только такихъ монастырей нѣтъ, что въ Галацахъ; стоитъ на Дунаѣ на лѣвой сторонѣ; и тутъ мы ночевавъ, рано вставъ да и пошли по Дунаю.

И Марта въ 16 день рано поутру поднявши парусъ пошли внизъ по Дунаю; Дунай рѣка многоводна и рыбна, а къ морю разшиблась на многія гирла, пошла подъ турецкіе городки; вверху она широка, а внизъ у́же, для того, что разбилась на многія гирла; да глубока, корабль подлѣ берега бѣжитъ, подлѣ берега трется. Песковъ на ней нѣтъ; все около ея тростникъ; была зѣло съ берегами вровень. И того дня минухомъ городъ турецкій на правой рукѣ Дуная, городокъ Сакча; а въ немъ мечети каменныя, побольше Рени; городокъ каменный; а къ нему не приставали.

А градъ Сакча турецкій на Дунаѣ. И того же дня минухомъ другой городокъ турецкій, Тулча; къ тому городку всѣ корабли пристаютъ; какъ изъ Царя-града идутъ, такъ осматриваютъ, не перевозятъ ли греки невольниковъ. Въ томъ городку берутъ гарачъ съ человѣка по пяти талерей; а когда невольники идутъ на Русь съ вольными листами, такъ съ нихъ бе-

рутъ турки въ томъ городку по червонному съ человѣка кромѣ гарачу. Градъ Тулча поменьше Сакчи у Дуная, близь воды стоитъ; и нашъ раизъ не приставалъ къ нему. Были люди лишніе, а вѣтръ былъ добрый; на себя надѣлъ чалму, такъ будто турецкій корабль, да такъ и прошолъ; а намъ велѣлъ прикрыться; и мы ему сказали: за что намъ крыться? у насъ Государевъ листъ есть; мы гарачу не дадимъ; и тако минухомъ его.

Градъ Турецкій Тулча. Прошедъ городокъ, пристахомъ ко брегу и ночевахомъ: и въ той ночи погода бысть великая и тускъ; стояхомъ весь день и ночь; не пустилъ насъ вѣтръ. И утре рано поидохомъ внизъ по Дунаю; и на лѣвомъ боку Дуная въ другихъ гирлахъ много городковъ турецкихъ: Килія-градъ съ товарищи. Тутъ и бѣлогородская орда подлегла: близь Дуная Татары бѣлогородскіе. И во второй день пріидохомъ на усть Дуная къ Черному морю; и тутъ стояхомъ полтора дни. Дунай рѣка зѣло луковата; не прямо течетъ, пуще малой рѣки. И тутъ мы стояхомъ у моря, и иные корабли турецкіе идутъ вверхъ по Дунаю; мы же ходихомъ близь моря и удивляхомся морскому шуму, какъ море пѣнится и волнами разбивается; а намъ диво! еще моря не видали. Тутъ кладбище на берегу турецкое; который турчинъ умретъ на морѣ, такъ пришедъ къ Дунаю да тутъ и и схоронятъ. И раизъ нашъ, взявши матросы да *зинбиръ*, насыпалъ, песку да взялъ бревно еловое, да сѣдши въ *сандалъ* (21) и поѣхалъ къ устью Дуная на приморье искать ходу, какъ бы кораблю попасть въ ворота. И вымѣривъ ворота и пустилъ мѣхъ съ пескомъ на воротѣхъ и къ нему привязалъ бревно; такъ бревно и стало плавать на воротѣхъ, такъ знакъ и сталъ ходу корабленному. Тутъ же мы видѣхомъ на Дунаѣ при морѣ всякихъ птицъ зѣло много; плаваетъ всякой породы безчисленное множество; а на морѣ не плаваютъ, и не увидишь ни какой птицы; и морская вода непотребна, для того что она солонá и горька.

И Марта въ 20 день утре рано, бысть вѣтръ зѣло поносенъ, и пустихомся на море Черное. И егда выплыхомъ изъ усть Дуная въ море, тогда морскій воздухъ зѣло мнѣ тяжелъ сталъ; и въ томъ часѣ занемощевалъ, и сталъ кормъ изъ себя вонъ кидать, сирѣчь блевать; велія нужда кто на морѣ не бывалъ! полторы дни да ночь все блевалъ; уже нéчему изъ чрева: только слюня зеленая тянется, не дастъ ничего ни ѣсть, ни испить; все назадъ кидаетъ; за десять лѣтъ пищу и ту вытянетъ! А корабленники намъ смѣются да передражниваютъ, а сами говорятъ: *токало*, сирѣчь то-де вамъ добро. А Лука у насъ ничѣмъ не крехнулъ; чтоже сдѣлаешь? Богу не укажешь; а кажется по виду, и всѣхъ хуже былъ, да ему Богъ далъ: ничто не пострадалъ; да онъ и послужилъ намъ: бывало испить принесетъ, или какой кусокъ съѣсть. А на морѣ бысть вѣтръ великъ; сверху съ корабля всѣхъ насъ сбило; чрезъ корабль воду бросало морскую. Охъ ужасъ! Владыко человѣколюбецъ! не знать нашего корабля; въ волнахъ, кажется, выше насъ вода-то вверхъ саженъ пять. И видя такую неминучую (бѣду) раизъ, что на кораблѣ морская вода всего меня подмочила, такъ онъ миленькій взялъ къ себѣ, въ коморку свою, гдѣ самъ спитъ, и поло-

(21) Вѣрнѣе *зинбилъ*—плетеный мѣшокъ: *сандалъ*—доска, досчаникъ: слова Турецкія.

жилъ меня на своей постели и *кодомъ* (?) прикрылъ, да и кадь поставилъ мнѣ, во что блеватъ. Спаси его Богъ! добрый человѣкъ былъ миленькій и умный. Когда станешь вставать, такъ закрутится голова да и упадешь; кабы да еще столько же плыть, то бы совершенно умереть быбыло; уже нельзя той горести пуще. Да по нашимъ счаскомъ далъ Богъ вскорѣ перебѣжали; такову далъ Богъ погоду, что отъ Дуная отъ устья въ полтора дни перебѣжалъ корабль; и раизъ намъ сказалъ: я де уже тридцать лѣтъ хожу, а такова благополучія не бывало, чтобы въ тѣ часы такъ перебѣжать; бывало де и скоро, что пять дней, четыре, а иногда же и мѣсяцъ, какъ Богъ дастъ! по вашему счастію, такъ Богъ далъ скорый путь. Мы же грѣшніи хвалу Богу воздахомъ: слава тебѣ Господи Святый! И егда вошли между горъ въ море къ Царю-граду, тогда раизъ ко мнѣ пришедъ, волочитъ вонъ, поди вонъ, поди вонъ! Стамбулъ близко! сирѣчь Царь-градъ. Такъ я кое-какъ выползъ на верхъ корабля. А когда мы вошли въ проливу межъ горъ — тутъ на воротѣхъ морскихъ, на горахъ высоко стоятъ столпы; ночью фонари съ свѣчами горятъ: знакъ, какъ кораблямъ ночью попасть въ гирла; а если бы не тѣ фонари, то ночью не попадешь въ устье. И мало пошедъ стоятъ два городка по обѣ стороны турецкіе, и пушекъ зѣло много; эти городки для воинскаго опасу сдѣланы; зѣло крѣпко. Мудро то мѣсто пройти, а тутъ уже до Царя-града по обѣ стороны селы турецкія и греческія; а отъ гирла до Царяграда узкимъ моремъ осьмнадцать верстъ.

Марта въ 22 на 5 недѣлю великаго поста въ четвертокъ великаго канона Андрѣева, яко-бы о полудни, придохомъ въ Царь-градъ. И стахомъ на галацкой странѣ; тогда турчане изъ юмруку къ намъ пріѣхали на корабль и стали товары пересматривать, тогда и нашъ товаръ взяли въ юмрукъ, сирѣчь въ таможню; мы же опасаемся, то дѣло незнаемо, и раизъ нашъ сказалъ, не бойся де ничего, твоего не пропадетъ, все де цѣло будетъ, мы же стояхомъ на карабли и дивихомся такому преславному граду, како Богъ такую красоту да предалъ въ руки басурманомъ; а сами удивляемся, что это будетъ, куда заѣхали, сидимъ что плѣнники, а турки пришедъ да въ глаза глядятъ, а сами говорятъ *бакъ папасъ московъ*, зачѣмъ де ты сюда пріѣхалъ, а мы или глядимъ въ глаза самимъ, а языка не знаемъ, потомъ къ нашему кораблю стали подъѣжжать русскіе неволники, кои извозничаютъ на мори койками и стали съ нами помаленьку переговаривать такъ намъ стала отраднѣе; потомъ у той пристани ночевали и утре рано раизъ велѣлъ корабль на другую сторону перевести на цареградскую: и когда мы пристахомъ ко брегу цареградскому къ сторонѣ, тогда мы, помолившися Богу и пресвѣтѣй Богородицѣ и великому Предтечи Іоанну, и стахомъ съ Царемъ-градомъ осматриваться. Потомъ пріѣхаша къ намъ на корабль Турки горачники и стали у насъ горачю просить, и я имъ показалъ листъ Царскій, и они спросили: *качь адамъ*, сколько де васъ человѣкъ и я сказалъ *бешь Адамъ*, сирѣчь пять человѣкъ и они сказали добро де, да и поѣхали долой съ коробля, и бысть намъ печально велми и скорбно, пришли въ чужое царство, языка не знаемъ, а товаръ взали турки, какъ ево выручить Богъ знаетъ и съ кѣмъ и тако бывши въ размышленіи.

ЦАРЬГРАДЪ.

И абіе присла Богъ намъ къ кораблю, приплылъ въ каюку невольникъ, а самъ на насъ глядитъ да по русски и спросилъ: откиль ты, отче, сирѣчь откуда, и мы сказали, что съ Москвы.—Куда де васъ Богъ несетъ? И я сказалъ, что по обѣщанію въ Іерусалимъ, и онъ молвилъ: хвала Богу, хорошо де, чтожъ де вы тутъ сидите, вить де вамъ надобно подворья. И я къ нему поближе подшолъ и сталъ ему говорить, какъ молъ тебя зовутъ, и онъ сказалъ: меня де зовутъ Корнильемъ; такъ я ему молвилъ: Корнильюшка, будь ласковъ, мы люди заѣжжіе, языка не знаемъ, пристать не къ кому, не смѣемъ, сидимъ что плѣнники; турки у насъ товаръ взяли, а выручить не знаемъ; такъ пожалуй, поработай съ нами. И онъ миленькой, христіанская душа, такъ сказалъ: я де тебѣ, отче, и товаръ выручу и дворъ добуду, гдѣ стоять. И я ему молвилъ: у насъ молъ есть и государскій листъ; и онъ у раиза спросилъ по турецки, гдѣ-де ихъ товаръ? въ которомъ юмрукѣ? И раизъ ему сказалъ, что на Галацкій юмрукъ взяли турки; такъ онъ велѣлъ мнѣ взять листъ царскій. Такъ я, взявши листъ, да сѣдши въ каикъ, да и поѣхали къ юмруку; и когда мы пришли въ юмрукъ, такъ тутъ сидятъ турки съ жидами. И турчинъ юмрукчей спросилъ у толмача: Корнилій, за чѣмъ де папасъ пришелъ? и онъ ему сказалъ: *е солтану босурманъ юмрукчей* (22), вчера де у него на кораблѣ взяли товаръ, а онъ де не купецкій человѣкъ, онъ де идетъ во Іерусалимъ; такъ де у него что есть непродажное де, у него пешкешъ, сирѣчь подарки де туда везетъ. Тогда турчинъ велѣлъ товаръ разбить и переписать, да и на кости выложить; и выложилъ да и сказалъ толмачу нашему: вели де папасу дать юмруку 20 талерей да и товаръ взять. И толмачь мнѣ сказалъ, что 20 талерей проситъ; и я ему турчину листъ подалъ, и турчинъ листъ прочелъ, да и сказалъ: *Альмалъ*, сирѣчь: не будетъ де того, что не взять съ него юмруку; знаемъ де мы указы! И тутъ миленькой толмачь нашъ долго съ ними шумѣлъ, такъ они и вонъ его со мною выслали; дашь де юмрукъ, такъ и товаръ возмешь. И мы вышедши стоя думаемъ, что дѣлать? Тогда, видя насъ, турчинъ какой-то добрый человѣкъ да и сказалъ толмачу, что де вы тутъ стойте? этутъ де не будетъ ваше дѣло сдѣлано; здѣсь де сидятъ собаки *иѳуты* (23), они де возьмутъ пошлину, поѣзжайте де на станбулскую сторону къ старшему юмрукчею, тотъ де милостивѣе и разсуднѣе, а жиды де немилостивы, они бы де и кожу содрали, не токмо пошлину взять!—Такъ мы су и послушали турчина, хошь и босурманъ, да дѣло и правду сказываетъ. Такъ мы, сѣдши въ каикъ, да и поѣхали на цареградскую сторону, и пришли въ юмрукъ, и въ юмрукѣ сидитъ турчинъ да тютюнъ пьетъ (24), спросилъ у толмача: что де, за

(22) Слово въ слово: *Е, господинъ, музульманскій юмрукчей*, т. е. сборщикъ таможенныхъ пошлинъ.

(23) *Ифуты* вм. *чифуты* или *яхуды*, значитъ *жиды*.

(24) *Тютюнъ пить*—табакъ курить, общеупотребительное на востокѣ и у насъ въ старину выраженіе. Тамошній табакъ такъ легокъ для вдыханія, что имъ дѣйствительно какъ бы *упиваются*.

чѣмъ папасъ пришелъ? и онъ ему сказалъ: это де папасъ московъ, идетъ во Іерусалимъ, у него де есть указъ московскаго царя, чтобы де по перемирному договору нигдѣ его не обижали, и здѣсь де въ Станбулѣ вчера на кораблѣ пріѣхали съ Галацкаго юмрука, да взяли де у него пешкешъ Іерусалимскій, который де онъ туда везъ. Взялъ, да и подалъ ему листъ; такъ онъ сталъ честь листъ, а другой турчинъ, товарищъ ему, съ боку тутъ же въ листъ смотритъ, да другъ на друга взглядываютъ да сами смѣются, и прочетши листъ да сказалъ: я де товару не видалъ, сколько его, вотъ де пошлю пристава въ юмрукъ да велю де роспись привезти, да посмотрю, будетъ де что малое дѣло, такъ де поступлюся, а что де много—такъ де не льзя не взять. И приставъ турчинъ сѣлъ въ каикъ, да и поѣхалъ на другую сторону въ юмрукъ, а мнѣ турчинъ велѣлъ сѣсть, такъ я сѣлъ. Съ полчаса помѣшкавъ, приставъ пріѣхавъ подалъ товару роспись, и юмрукчей, прочетши роспись, сказалъ толмачю: не будетъ де того что не взять пошлины: *чокъ* де товару, сирѣчь много. И толмачь долго съ нимъ спирался: онъ де всего отступится, а не дастъ ни аспры (25), онъ де поѣдетъ до Едрина (26) до самаго Салтана. Спаси его Богъ миленькаго! Много съ турчиномъ бился что съ собакою. И турчинъ сказалъ: не льзя де что не взять, хоть половину де, десять талерей. И онъ ему сказалъ: а то де какова аспра—такъ де аспры не дастъ. И турчинъ разсмѣялся да молвилъ: *анасыны секемъ евуръ* (27), лихой де папасъ, ничего не говоритъ, а онъ де шумитъ!—И онъ ему сказалъ: а папасъ де что, языка не знаетъ и вашихъ де поступокъ, что ему говорить? Я де то все знаю, что говорить. Я су что петь (?) дѣлать? сталъ бить челомъ, чтобъ отдалъ. Такъ онъ разсмѣялся, да сказалъ: *Е папасъ гайда, гайда*, пошелъ де, велю отдать! И велѣлъ письмо написать до тѣхъ юмрукчеевъ, чтобъ товаръ папасу отдали; и я сталъ говорить толмачю, чтобъ онъ пожаловалъ такое письмо на товаръ, чтобы ни въ Царѣ, ни по пути градѣ на городахъ, ни во Египтѣ, ни во Іерусалимѣ, гдѣ ни будетъ съ нами тотъ товаръ, чтобъ съ него юмруку не брали. И толмачь сталъ ему мои рѣчи говорить, такъ онъ разсмѣялся, да велѣлъ подъячему память написать да и запечатать. И мы, взявши того же пристава съ памятью, да и поѣхали на ту сторону, и пришли въ юмрукъ, и они собаки турки въ тѣ поры въ мечети молились въ самый полдень, такъ мы ихъ ждали, и когда пришелъ юмрукчей, такъ приставъ подалъ память, чтобъ товаръ отдали. И онъ память прочетши самъ что земля сталъ чёренъ, и велѣлъ отдать. Да въ честь, юмрукчей да жиды выпросили у меня пять козицъ въ подарки, а не за пошлину; и тутъ я приставу далъ алтынъ съ десять за его работу: много и трудовъ было, дважды ѣздилъ въ юмрукъ, въ третій съ нами. И тако, мы, взявши товаръ и поѣхали на свой корабль, и приставши къ кораблю, расплатившися съ раизомъ за из-

(25) Счетъ турецкихъ денегъ см. ниже у самаго Лукьянова.

(26) Лукьяновъ пишетъ разно: *Едринъ, Эдрино, Адринополь* и т. д.

(27) Слово въ слово: *е... твою мать, собака.*

возъ, да и поклались въ каикъ всю рухлядь.

И повезъ насъ Корнильюшка къ патріаршему двору, и вылезши изъ каика мы съ нимъ двое (а прочія братія въ каику) да и пошли на патріаршовъ дворъ. И толмачь спросилъ у старца: гдѣ де патріархъ? и старецъ сказалъ, что де патріархъ сидитъ на выходѣ на крыльцѣ, и мы пришли предъ него да поклонились. И патріархъ спросилъ у толмача: что де это за калугеръ? (28) откудова и за чѣмъ пришелъ? И толмачь сказалъ: онъ де съ Москвы, а идетъ во Іерусалимъ. Потомъ я ему листъ подалъ; такъ онъ листъ въ руки взялъ, а честь не умѣетъ, только на гербъ долго смотрѣлъ, да и опять отдалъ мнѣ листъ. Потомъ спросилъ у толмача: чего де онъ отъ меня хочетъ (и ему помнилося, что я пришелъ къ нему денегъ просить)? И толмачь ему сказалъ: *деспото огія* (29), онъ де ничего отъ тебя не требуетъ, только де у тебя проситъ кельи пожить, докуда пойдетъ во Іерусалимъ, такъ о томъ милости проситъ; онъ де человѣкъ странный, языка не знаетъ, знати нѣтъ, главы преклонить не знаетъ гдѣ; а ты де здѣ Христіанамъ начало; кромѣ тебя кому его помиловать? Ты де вѣдь отецъ здѣ всѣмъ нарицаешься; такъ де ты пожалуй ему келью на малое время. И патріархъ толмачю отвѣщалъ: А что де онъ мнѣ подарковъ привезъ?—И толмачь сказалъ ему: я де того не знаю; есть ли у него подарки, нѣтъ ли—того де я не вѣдаю. И патріархъ толмачу велѣлъ у меня спросить: будетъ де подарки есть у него, такъ дамъ де ему келью. И патріарховы рѣчи толмачь сказалъ мнѣ всѣ. И такъ стало мнѣ горько и стыдно! а самъ стоя думаю: не съ ума ли онъ сшелъ? на подарки-то напался? люди всѣ прохарчились, а дорога еще безконечная! И тако я долго отвѣту ему не далъ; что ему говорить—не знаю, а далѣ отъ горести лопонулъ, есть что не искусно, да быть такъ; никакъ молъ онъ пьянъ вашъ патріархъ-то? вѣдаетъ ли онъ и самъ, что говоритъ? знать молъ ему ѣсть нéчего, что уже съ меня страннаго и съ убогова человѣка да подарковъ проситъ. Гдѣ было ему насъ странныхъ призрѣть, а онъ и послѣднее съ насъ хочетъ содрать! у нашего молъ патріарха и придверники такъ искуснѣе того просятъ! а то едакому старому шетуну какъ не соромъ просить то подарковъ! знать молъ у него пропастей-то мало! умретъ молъ, такъ и то пронадетъ! И толмачь меня унимаетъ: полно де, отче; тутъ де греки иные русскій языкъ знаютъ. И я ему молвилъ: говори молъ мои ему рѣчи. И патріархъ зардился; видитъ, что толмачь меня унимаетъ; такъ у толмача спрашиваетъ: что де онъ говоритъ? И толмачь молвилъ: такъ, деспота, свои де рѣчи говоритъ, не до тебя. Патріархъ же у толмача прилежно спрашивать сталъ: а то де про меня говоритъ? скажи! И я ему велѣлъ: говори молъ ему; я вѣдь не его державы; не боюсь, меня онъ власти вязать (не имѣетъ), хошь онъ и патріархъ. И толмачь ему сказалъ мои всѣ рѣчи со стыдомъ; такъ онъ милый и пуще зардился, да и молвилъ толмачу: да я де

---

(28) *Калугеръ*—греческое Καλόγερος, значитъ буквально *добрый старецъ*, а употребляется въ смыслѣ *монахъ*.

(29) Собственно: *деспота агіа*, владыка святый.

у него какихъ подарковъ прошу? не привезъ ли де онъ образковъ московскихъ, я де у него того прошу. И я ему сказалъ: нѣтъ молъ у меня образковъ; есть молъ, да только про себя. Такъ онъ сказалъ толмачу: нѣтъ де у меня ему кельи; пойдите въ Синайскій монастырь; тамъ де ваши москали церковь поставили; тамъ де и келью ему дадутъ. Такъ я плюнувши да и съ лѣстницы пошелъ. Опять бы де ко мнѣ не приходилъ, онъ толмачу говоритъ; не дамъ де кельи! Эдакій миленькій патріархъ; милость какую показалъ надъ страннымъ человѣкомъ!

Такъ су чтодѣлать? Мы и пошли съ патріархова двора; да сѣдши въ каикъ и поѣхали въ Синайскій монастырь. Пришли ко игумну; толмачь сталъ игумну говорить, что пришелъ де съ Москвы калугеръ и проситъ де кельи до времени посидѣть. Тотъ милый себѣ взметался: какъ быть? да у меня нѣтъ кельи порожней, инъ бы де его во Іерусалимскій монастырь отвелъ; готова де тутъ, кстати онъ де въ Іерусалимъ идетъ, такъ де ему игуменъ и келью дастъ. Все бѣда, миленькая Русь! не токмо накормить, и мѣста не дадутъ, гдѣ опочинуть съ пути. Таковы-то греки милостивы, да еще бѣдный старецъ не въ кои-то вѣки одинъ забрелъ, инъ ему мѣста нѣтъ; а кабы десятокъ другой, такъ бы и готова перепуталися. А какъ сами... дѣти, что мошенники, по вся годы къ Москвѣ-то человѣкъ по 30 волочатся за милостыною; да имъ на Москвѣ то отводятъ мѣста хорошія, да и кормъ государевъ. А пріѣхавъ къ Москвѣ мошенники плачутъ предъ государемъ, предъ властьми и предъ боярами: отъ турка насиліемъ отягчены! А набравъ на Москвѣ, да пріѣхавъ въ Царьградъ, да у патріарха иной купитъ митрополитство, иной епископство; такъ-то они всѣ дѣлаютъ. А плачутъ: обижены отъ турка! А кабы обижены, забыли бы простые старцы носить рясы луданныя, да комчатныя, да суконныя по три рубля аршинъ. Напрасно миленькаго турка-то старцы греческіе оглашаютъ, что насилуетъ; а мы сами видѣли, что имъ насилія ни въ чемъ нѣтъ; и въ вѣрѣ ни въ чемъ; все лгутъ на турка. Кабы насилены, забыли бы старцы въ луданныхъ да комчатныхъ рясахъ ходить. У насъ такъ и властей зазираютъ, какъ луданную-то надѣнетъ; а то простые, да такъ ходятъ. Прямъ что насилены отъ турка! А когда къ Москвѣ пріѣдутъ, такъ въ такихъ рясахъ худыхъ таскаются будто студа нѣтъ; а тамъ бывши не заставишь его такой рясы носить.—На первое возвратимся: что потомъ будетъ, увы да горе! незнаемо что дѣлать? Стоитъ тутъ старчикъ (имя ему Кипріанъ), тотъ миленькій по русски знаетъ (30): ну де, отче, не печалься; я де тебѣ добуду келью. Взявши насъ, да и поѣхали до Іерусалимскаго монастыря. Пришли на монастырь, вышелъ къ намъ игуменъ; спросилъ про меня у толмача: умѣетъ ли де по гречески? И толмачь сказалъ, что не умѣетъ; такъ игуменъ молвилъ: откудова де онъ, и за чѣмъ ко мнѣ пришелъ? И толмачь сказалъ обо мнѣ весь порядокъ, откуда и куда идетъ; и игуменъ молвилъ: *токало* (добро), готова де у меня келья. И тотчасъ велѣлъ двѣ кельи очистить; а самъ сѣлъ, да велѣлъ дать вина церковнаго. Ино намъ не до питья еще: и не ѣли весь

---

(30) Вѣроятно Славянинъ.

день, пробилися то съ турками, то съ греками, а греки намъ тошнѣе турокъ стали. Такъ намъ игуменъ, поднесши вина, велѣлъ со всею рухлядью приходить: я де вамъ и корабль промыслю въ Іерусалимъ; мы же ему поклонихомся, добрый человѣкъ тотъ миленькій игуменъ! Мы же, шедши на пристань, гдѣ нашъ каикъ стоитъ съ рухлядью, нанявши гамаловъ, сирѣчь работниковъ (тамъ такіе нарочно мѣсто извощиковъ), и пришли въ монастырь, да и сѣли въ кельѣ. Слава Богу! будто потраднѣло. Игуменъ же прислалъ къ намъ трапезу въ келью, всякаго кушанья и вина. Спаси его Богъ! добрый человѣкъ! не какъ патріархъ. Мы же взявши тому толмачу дали ему за работу два ворта (?), онъ же миленькій поклонился, человѣкъ не богатый, да тако его и отпустили, а сами опочинули мало. И ночь преспавши поутру въ субботу акаѳистову, игуменъ намъ также прислалъ трапезу, и вина прислалъ, кандило и масла деревяннаго сулею въ ночь зажигать; у нихъ обычай таковъ: по всѣмъ кельямъ во всю ночь кандилы съ масломъ горятъ, масло тамъ дешево: фунтъ четыре деньги. Потомъ стали къ намъ приходить греческіе старцы и греки. Свѣдали про насъ Русскіе невольники: стали къ намъ въ монастырь приходить и спрашивать, что водится на Москвѣ, а мы имъ все сказываемъ, что на Москвѣ ведется и въ Русскихъ городѣхъ. Потомъ мы стали выходить на улицы и съ Царемъ-градомъ опознаваться; такъ на улицѣ мимо ходятъ невольники, невольницы; кланяются намъ: ради миленькіе! Потомъ вышли мы на пристань морскую; тутъ мы погуляли да и пошли на монастырь. И въ недѣлю шестую пріиде къ намъ въ монастырь Кипріанъ старчикъ, кой насъ тутъ поставилъ, да и говоритъ: пошлите де, погуляемъ по Царю-граду, я де васъ повожу. Такъ мы ему ради, да и пошли; а когда мы вышли къ Ѳенарскимъ воротамъ и къ патріаршу двору, тогда съ нами встрѣтился нашъ московскій купецъ Василій Никитинъ Путимецъ; мы же зѣло ему обрадовались: намъ про него сказали, что уѣхалъ; а онъ себѣ намъ радъ и удивляется, за чѣмъ де васъ Богъ сюда занесъ? И мы сказали зачѣмъ, и онъ молвилъ: хочете ли погулять въ Софійскую церковь? И мы зѣло обрадовались и стали бить челомъ: пожалуй, поводи насъ по Царю-граду и продай намъ товаръ. Такъ онъ сказалъ: Богъ де знаетъ; я де вѣдь ѣду и давно бы уѣхалъ, да вѣтру нѣтъ; развѣ де я васъ сведу съ грекомъ, съ Иваномъ Даніиловымъ; онъ де вамъ товаръ продастъ; я де ему побью челомъ. Такъ мы опять въ монастырь возвратихомся и взяхомъ товаръ и поидохомъ въ Велдеганъ, сирѣчь царицынъ-ганъ (дворъ) (31) и тутъ свелъ насъ съ греченином и товаръ ему отдалъ продать. Потомъ мы пошли съ нимъ Васильемъ гулять по Царю-граду; онъ намъ указываетъ: этою улицею ходить, этими рядами, такъ вы не заблудите; а съ турками говорите смѣло, такъ де они на васъ не такъ нападаютъ; да училъ насъ миленькій. Спаси его Богъ!

Потомъ повелъ насъ до церкви Софіи Премудрости Божія; и пришли къ монастырю, и на монастырь взошли, пришли ко дверямъ западнымъ, а западныхъ дверей 9; ворота всѣ мѣдныя. И въ тѣ поры турки въ церквѣ молятся;

---

(31) *Валиде*—мать султана.

мы же стояхомъ у вратъ и смотрѣхомъ бѣснованія ихъ, какъ они сидя молятся. Потомъ турчинъ вышедъ сталъ насъ прочь отбивать: *гайда, папасъ, гайда*, пошелъ де прочь! за чѣмъ де пришелъ тутъ, глядишь тутъ басурманъ! такъ мы и прочь пошли. Потомъ вышелъ иной турчинъ да и зоветъ насъ: *гель, московъ, гель*, пойди де сюда! такъ мы подошли; и Василій сталъ съ нимъ по турецки говорить. Чего де хочете? такъ Василій и сказалъ: *Московъ папасъ варъ тягатъ*; есть у него указъ; пустите де его посмотрѣть церкви; и турчинъ спросилъ, сколько васъ человѣкъ? и мы сказали 6 человѣкъ; и онъ молвилъ: *биръ адамъ учь пара*, по алтыну де съ человѣка. Такъ мы дали по алтыну, а онъ насъ и повелъ; а повелъ насъ турчинъ въ верхнюю церковь (а въ нижнюю не пущаютъ); а когда мы взошли на верхнія палаты, тогда умъ человѣчь премѣнился, такое диво видѣвши, что уже такова дива въ подсолнечной другова не сыщешь, и какъ ее описать—невозможно. Но нынѣ уже вся ограблена, стѣнное письмо ескребено; только въ ней скляничныя кандила турки повѣсили многое множество, для того что они ее въ мечеть претворили. И ходихомъ мы и, дивихомся таковому строенію; уму человѣчью не вмѣстимо! А какова та церковь узоричиста, ино мы ея описаніе здѣ внесемъ. Іустиніана царя, какъ онъ строилъ, все роспись покажетъ; тутъ читай, да всякъ увѣсть; а чтобы кто теперево самъ, видя эту церковь, да могъ бы ее описать—и то нашему бренному разуму невмѣстно, хошь нынѣ и разорена. Но мы собою объ ней не хощемъ писать для того, чтобъ не погрѣшить описаніемъ, а иное забудешь, такъ погрѣшно и стало. Мы же ходихомъ и смотрѣхомъ и дивихомся такой красотѣ, а сами рекохомъ: Владыко человѣколюбче! како такую прекрасную матерь нашу отдалъ на поруганіе басурманамъ, да руками розна; а все-то наши греки сдѣлали! А предѣлы въ ней всѣ замуравлены, а иныя врата сами замуравились. Турчинъ намъ указывалъ: это де не турча замуравили, сами де, Алла Богъ де! А что въ томъ предѣлѣ есть — про то греки и турки не знаютъ; кое тамъ таинство, про то Богъ единъ вѣсть! Тутъ мнѣ турчинъ далъ камень и съ помосту каменный мраморный, а самъ мнѣ велѣлъ спрятать въ нѣдра: а то де увидятъ, такъ де не добре. Добрый человѣкъ турчинъ, кой насъ водилъ.

И тако мы изыдохомъ изъ церкви и поидохомъ съ монастыря, и мало отшедши тутъ видѣхомъ диво не малое: виситъ сапогъ богатырскій въ саду, аршина воловая кожа въ него пошла цѣлая, и пансырь лошади его что на главу кладутъ; лукъ его желѣзный и не великъ добре, да упругъ; двѣ стрѣлы желѣзныя булдыга кость, а нога его—что бревешко хорошее, толста вельми. Потомъ пришли къ звѣриному двору; сказалъ намъ Василій: тутъ де есть левъ, изволите ли смотрѣть? Мы же толкахомъ у вратъ; и турчинъ отворилъ врата и вспросилъ: чего де хочете? И мы сказали, что хочемъ льва смотрѣть. А что де дадите? И мы молвили *биръ адамъ, биръ пара*, и онъ насъ пустилъ; а левъ лежитъ за рѣшеткою, на лапы положа голову; такъ я турчину сталъ говорить: подыми молъ его, чтобъ всталъ, и турчинъ говоритъ: нѣтъ де, не льзя; таперво де только накормилъ,

такъ спитъ. И я взявши щепку да бросилъ, а онъ молчитъ; такъ я узналъ, что онъ мертвый да соломой набитъ; что живой лежитъ! такъ я ему молвилъ: е, басурманъ, для чего ты обманываешь? *веръ пара*, отдай молъ наши деньги; такъ онъ сталъ ласкать: е, папасъ, пошли де, я вамъ еще покажу! да зажегъ свѣщу сальную, да и повелъ насъ въ палату; темно сильно, ажно тутъ волки, лисицы насажены; мясо имъ набросано; дурно сильно воняетъ: немного не сблевали. А лисицы некорыстны, (32) не какъ наши; а волчонки малые: лаютъ на насъ глядя. Потомъ показалъ намъ главу единогорову и главу слоновую: будетъ съ ушатъ большой; хоботъ его, что чрезъ зубы виситъ, съ великія ношвы (33) въ человѣка вышины. Тутъ же и коркодилову кожу видѣли. Такъ намъ поотраднѣло, что такія диковинки показалъ; а то лихоманъ обманулъ было мертвымъ то львомъ. А мы пришедъ, своимъ, кои дома были, не сказали, что мертваго льва видѣли; сказали, что живой; а они на другой день пошли смотрѣть, и пришедъ хвалятся: и мы де то видѣли льва, не одни-та де вы видѣли! и мы смѣемся: чтожъ молъ, скакалъ ли передъ вами? Нѣтъ де, спитъ; сколка молъ онъ недѣль спитъ? Такъ они задумались; что, братъ, полно, не мертвый ли онъ? Мы стали смѣяться, такъ имъ стыдно стало: обманулъ де собака турокъ.

Потомъ пріидохомъ на площадь великую, подобна нашей Красной, да лихъ не наше урядство: вся каменемъ выслана, величиною будетъ съ Красную площадь. Тутъ стоятъ три столпы, два каменныхъ, а третій мѣдный; единъ столпъ изъ единаго камня вытесанъ, подобенъ башнѣ, четвероуголенъ, шатромъ, верхъ острый, саженъ будетъ десять вышины; а видъ въ немъ красный съ рябинами; а таково гладко выдѣланъ, что такъ стань противу его — аки въ зерцало всего тебя видать. Подъ нимъ лежитъ положенъ камень, въ груди человѣку вышины, четвероугольный; а на немъ положены плиты мѣдныя, подставы, а на плитахъ тотъ поставленъ столпъ. Хитро зѣло! лишь подивиться сему, какъ такъ такая великая громада поставлена, что ни на перстъ никуда не похилилось; а только лѣтъ стоить, а такая тягость; и како мѣсто не погнется, гдѣ поставленъ? а поставилъ де его царь Константинъ; въ немъ же и гвоздь единъ задѣланъ. У земли оный ширины сажени полторы сторона; такъ онъ кругомъ саженъ шесть. А который подъ нимъ лежитъ камень, и на томъ камнѣ кругомъ рѣзаны фигуры воинскія, пѣхота, конница, а выше фигуръ подпись кругомъ латинскимъ языкомъ да греческимъ; а что подписано, и мы про то не довѣдались у грековъ; Богъ знаетъ! А говорятъ греки, будто тотъ камень съ моря тянули три года до того мѣста, а переволока̀ такова, что у насъ отъ Тайницкихъ воротъ до Ивановской колокольни; мощно этотъ камень назвать чудомъ, что въ подсолнечной нѣтъ, другова такова чуда не сыщешь. А писано про этотъ столпъ: когда будетъ Царь-градъ потопленъ—тогда только одинъ сей столпъ будетъ стоять; и корабленники, кои при-

---

(32) *Некорыстный* въ смыслѣ нехорошій, отъ котораго нѣтъ *корысти*, прибыли.

(33) *Ношвы* или *ночвы*—отлогій лотокъ у разнощиковъ; по Болгарски *ноштвы*.

дутъ и станутъ къ тому столпу корабли привязывать; а сами будутъ рыдати по Царю-граду. Другой столпъ складенъ изъ дробнаго камени; тотъ площе гораздо; видомъ, что наша вверьху Ивановская колокольня: уже иныя каменья и вывалились. Да тутъ же стоитъ третій столпъ мѣдный; а на немъ были три главы зміевы, да въ двѣсти осьмомъ году тѣ главы съ того столпа свалились доловъ; и осталось столпа яко бы аршина три вышины, и турки зѣло ужаснулись того столпа разрушенію, а сами де говорятъ: уже де хощетъ Богъ сіе царство у насъ отнять, да иному царю христіанскому предать. Сами милые пророчествуютъ неволею!

Описаніе Царя-града, како онъ стоитъ и на коемъ мѣстѣ и какимъ подобіемъ, и каковы къ нему проходы моремъ и землею, и каковъ онъ самъ есть. Дивный и преславный Царь-градъ стоитъ межь двухъ морь, на разливинахъ у Чернаго моря и по конецъ Бѣлаго. А градъ трехстѣнный. Первая стѣна протянулась по Бѣлому морю, а другая стѣна по заливѣ, а третья отъ степи. А около Царя-града 21 верста. А вратъ въ немъ 20, стрѣльницъ 365, башенъ 12, 1-я ворота отъ церкви бакчи жидовскія противъ полаты, 2-я рыбныя, 3-я мучныя, 4-я дровяныя, 5-я мучныя, 6-я чубалыя, 7-я оякъ, 8-я ѳенаръ, 9-я лахерна, 10-я голать, 11-я ависорантъ: тѣ ворота на одной сторонѣ отъ лимана Чернаго моря, 12-я отъ Едріанополя, грекопе, 13-я адрійскія, 14 романавскія, 15-я пушечныя, 16-я сеневрейскія, 17 салахайскія, 18 отъ Бѣлаго моря кумпопейскія, 19 когарь галіи мойдискія, 20 архикопе отъ церкви бакчи христіанскія, двои ворота на Бѣлое море. А именъ Царю-граду седмь: 1) Византія, 2) Царь-градъ, 3) Богомъ царствующій градъ, 4) Константинополь, 5) Новый Римъ, 6) Седьмихолміе, 7) турецкое прозваніе—Станбулъ.

Великій и преславный Царь-градъ стоитъ надъ моремъ на седьми холмахъ, зѣло красовито, и зѣло завиденъ градъ, по правдѣ написанъ: всей вселенной зѣница ока. А когда съ моря посмотришь, такъ весь будто на дланѣ. Царь-градъ отъ моря не крѣпко дѣланъ и стѣны не высоки, а отъ Едринской степи зѣло крѣпко сдѣланъ, въ три стѣны; стѣна стѣны выше, и ровъ кругъ его копанъ да каменемъ стланъ. А башни или стрѣльницы въ Царѣ-градѣ зѣло часты, башня отъ башни 30 саженъ, 20 саженъ; а ворота узки, уже нашихъ, для того что у нихъ мало тележнаго проѣзда бываетъ, а въ воротахъ у нихъ пушекъ нѣтъ. А всякій снарядъ у нихъ на корабляхъ, и опаска всякая воинская вся на морѣ, а по землѣ у него нѣтъ опасенія, потому у него ни на городѣ, ни въ городовыхъ воротахъ нѣтъ пушекъ, а во всѣхъ городовыхъ воротахъ караулъ крѣпокъ; все полковники сидятъ. А по улицамъ ходятъ янычары; кто задерется, или пьянаго увидятъ—то всѣхъ имаютъ да на караулъ сводятъ. Въ Царѣ-градѣ по вся ночи турчане ходятъ, и ѣздятъ съ янычары и съ полковники по всѣмъ улицамъ съ фонарями, и ѣздятъ, смотрятъ худыхъ людей, то и знакъ будетъ: встрѣтится съ фонаремъ—то добрый человѣкъ, а безъ фонаря—то худой человѣкъ, потому поймавъ да и отведутъ на караулъ.

Въ Царѣ-градѣ царской дворъ въ Византіи стоитъ внутрь града, а Византія подобенъ нашему Кремлю: только башни наши лучше, строенье палаты царской

зѣло узорично, дворъ царскій весь въ садахъ, да кипарисовыя древа растутъ зѣло узорично. Царскій дворъ стоитъ на мысу моря, зѣло предивно и узорично, а по другую сторону Царя-града за моремъ Халкидонъ градъ; тамъ много царевыхъ сараевъ, сирѣчь дворцы царскіе; тутъ цари тѣшатся, и зѣло жило. А по другую сторону Царя-града, за лиманомъ, градъ Колаты, великъ же градъ, кругъ его будетъ верстъ десять. Царь-градъ весь, и Халкидонъ, и Колаты огибою, какъ его весь объѣзжать, поменьше Москвы, да гуще жильемъ. Москва рѣдка, а се слободы протянулись, да пустыхъ мѣстъ много, Донская, Новодѣвичь, Преображенескъ; а Царь-градъ весь въ кучѣ; да и можно быть больше для того, что старинное царство, а Москва еще вновѣ. Въ Царѣ-градѣ строенье все каменное, а крыто все черепицею, а улицы и дворы всѣ каменемъ мощены; такъ у нихъ ни градъ (?) ни соръ отнюдь не бываетъ; все вода въ море сноситъ, потому что у нихъ улицы скатистыя: хотя малый дождь прыснулъ—то все и снесетъ. А строенье у нихъ пошло отъ моря на гору, палата палаты выше, а всѣ окны на море; а чужихъ оконъ не загораживаютъ; у нихъ честно на море глядѣнье. Въ Царѣ-градѣ зѣло строенье узорично; улица улицы дивнѣе, а по улицамъ, по дворамъ вездѣ растутъ древа плодовитыя и виноградъ, зѣло узорично: посмотришь—райское селеніе! А по улицамъ вездѣ по всему граду, и у мечетей, вездѣ колодези провидены съ щурупами (34), и ковши мѣдные повѣшены, и корыта каменныя коней поить, а индѣ турки сидятъ въ палаткахъ да въ кушницы воды наливаютъ, а турки пришедъ пьютъ, а иные себѣ это въ спасенье вмѣняютъ. Вездѣ у нихъ отходы по улицамъ и у мечетовъ; испразнивши да умывъ руки, да и пошелъ; зѣло у нихъ этимъ довольно, у нихъ нѣтъ такова обычая, чтобъ просто заворотясь къ стѣнѣ да мочиться: зѣло у нихъ зазорно, у нихъ эта нужда не изойметъ: гдѣ ни поворотился — вездѣ отходы; у насъ на Москвѣ скаредное дѣло, наищешься, гдѣ испразниться; да не осуди, пожалуй, баба и при мужикахъ такъ и прудитъ: да гдѣ денешься? Не подъ землю! Въ Царѣ-градѣ турецкихъ мечетовъ сказываютъ восемь тысячь; а таковы въ Царѣ-градѣ мечеты—не можно описать, зѣло предивны, уже такихъ дивъ по вселенной не сыщешь! У насъ на Москвѣ не возможно такова единаго мечета сдѣлать для того, что такихъ узоричистыхъ камней не сыщешь. А церквей христіанскихъ въ Царѣ-градѣ сказываютъ не много: тридцать добро бы и было. Воровства въ Царѣ-градѣ и мошенничества отнюдь не слыхать, тамъ за малое воровство повѣсятъ, да и пьяныхъ Турки не любятъ, а сами вина не пьютъ, только воду да кагве, черную воду грѣтую (35), да солоткой щербетъ; изюмъ мочатъ, да пьютъ. Въ Царѣ-градѣ рядовъ зѣло много, будетъ передъ Московскимъ втрое, и по улицамъ вездѣ ряды, а товаромъ Царь-градъ гораздо товарнѣе Москвы, всякихъ товаровъ впятеро передъ Московскимъ, а гостиныхъ дворовъ въ Царѣ-градѣ семдесять. А въ мечетахъ турецкихъ все

(34) *Щурупъ*—кранъ.

(35) *Кагве*—турецкое названіе *кофея*, который видно тогда еще не былъ у насъ въ употребленіи; ибо Лукьяновъ не зналъ назвать его.

столпы аспидные да мраморные; и воды приведены со многими щурупами хитро очень; а когда Турки идутъ въ мечетъ молиться, тогда придетъ всякій къ щурупу да и умываются: и руки и ноги, да и пойдетъ въ мечеть. Пятью Турки молятся въ сутки, а колоколъ у нихъ нѣтъ, но взлѣзши на столпъ да кричитъ, что бѣшеный: созываетъ на молбище бѣсовское. А въ мечетахъ турецкихъ нѣтъ ничего, только кандила съ масломъ горятъ. Станбулъ — мощно его назвать златымъ градомъ—не погрѣшишь, строенье тамъ зѣло дорого каменное и древянное. Дрова въ Царѣ-градѣ не большимъ чѣмъ дороже Московскаго: десять пудъ—гривна. Въ Царѣ-градѣ сады въ великій постъ на первыхъ недѣляхъ отцвѣтаютъ, овощь всякій къ Свѣтлому Воскресенью поспѣваетъ: бобъ, свекла, ретька и всякій огородный овощь; и всякіе цвѣты: піонъ съ товарищи. Турки до цвѣтовъ зѣло охочи; у нихъ ряды особые съ цвѣтами, а когда пойдешь по Царю-граду, то вездѣ по окнамъ въ *буквахъ* (?) цвѣты стоятъ. По Царю-граду и за Царемъ-градомъ вездѣ древа кипарисовыя ростутъ. По Царю-граду, когда пойдешь гулять, ненасытный градъ чтобы присмотрѣлся; тутъ хорошо, а индѣ и лутче; паче жъ у нихъ у мечетовъ забудешься; все на нихъ смотрѣлъ бы, да около ихъ гулялъ, да древа такія большія съ плодомъ; у насъ такихъ въ дикомъ лѣсу не сыщешь величиною. Горлицъ въ Царѣ-градѣ весьма много; радостно очень, какъ онѣ на зарѣ курлукуютъ, соловьи плошае нашихъ. Хлѣбъ въ Царѣ-градѣ дешевле Московскаго; квасовъ и меду въ Царѣ-градѣ нѣтъ, ни пива тамъ, ни солоду не знаютъ растить: турки пьютъ воду, а греки вино, и то тихонько отъ турокъ. Въ Царѣ-градѣ хлѣбъ все пшеничный, арженаго нѣтъ хлѣба; пекутъ все армяне, а мельницы все лошадьми мелятъ, а запасу турки и греки въ домахъ не держатъ, и печей у нихъ нѣтъ ни у самаго Салтана; хлѣбъ все съ базара ѣдятъ, а къ ужину иное приспѣваютъ; а хлѣбъ поутру да въ вечерѣ пекутъ, а въ полдни у нихъ денежныхъ хлѣбовъ по три за копейку. Харчевыхъ у нихъ рядовъ нѣтъ, что наши. Въ Царѣ-градѣ нѣтъ такова обычая, чтобы кто придетъ къ кому въ гости, да чтобы ему поставить хлѣба ѣсть; у нихъ нѣтъ того больше, что поднесетъ черной воды, да и пошелъ съ двора, а у насъ такъ хлѣбомъ да солью подчуютъ, хоть кто не богатый—по своей мочи; у грекъ не такъ: когда кто кого позоветъ обѣдать, такъ всѣ ѣствы на столъ поставитъ, такъ кто хочетъ, тотъ то и ѣстъ. Въ Царѣ-градѣ рыба дешевле нашего; въ Царѣ-градѣ раки велики зѣло, по аршину; а купятъ рака по пяти и по четыре алтына, а рыбъ такихъ нѣтъ, что нашихъ; у нихъ Московская рыба не сладка, и осетровъ свѣжихъ нѣтъ у нихъ, ни бѣлугъ, ни щукъ, и ни семги, соленая бѣлужина противъ Московскаго; вяленыхъ осетровъ много; икра паюсная по два алтына фунтъ. Яицы по семи, по осьми, по девяти за копѣйку. Капуста кислая дешева; и огурцовъ много, и всякой овощь дешевъ; изюмъ по грошу фунтъ; орѣхи малые и большіе дешевы; чеснокъ и лукъ зѣло дешевъ, дешевле нашего. Вино ока по алтыну, а на торгахъ — по грошу, въ шинку—по осьми денегъ. Бобъ дешевъ: по пяти окъ за копѣйку. Въ Царѣ-градѣ всячину и овощь всякій, все по улицамъ носятъ подъ окны. Мясо очень дорого, масло коровье доброе по два гроша, а

поплошае—по алтыну; сыры не дороги, да и хороши, вкусны сильно; кислое молоко дорого. Уксусъ дешевъ, да и лучше нашего: изъ винограда дѣлаютъ. Мыло грецкое по семи копѣекъ ока. Хлѣбъ и икра идетъ съ Чернаго моря. Въ Царѣ-градѣ нѣтъ печей, да и во всей державѣ Турецкой, ни лавокъ въ палатахъ, ни столовъ: все на землѣ сидятъ; ковры разославъ да и подушки—лежатъ, такъ подогнувъ ноги сидятъ, да такъ и ѣдятъ; мы не привыкли; намъ было тяжко. А варятъ ѣства на таганахъ, а въ зимнее время держатъ уголь въ горшкахъ, да такъ и грѣются. Въ Царѣ-градѣ деньги ходятъ: левки червонныя, аспры, пары, а червонный левокъ ходитъ по 43 пары, а червонный турецкій 105 паръ, а венецкій 111 паръ, 112; а пары больше нашихъ копѣекъ гораздо, а аспры по четыре въ пару. Въ Царѣ-градѣ все въ вѣсъ продаютъ, не мѣрою, ни счетомъ; хошь на денежку чего—все въ вѣсъ. А дворы гостинные всѣ крыты свинцомъ. Въ Царѣ-градѣ шолкъ родится; въ Царѣ-градѣ всякія парчи турки сами ткутъ, комки, отласы, бархаты, тафты и всячину; и красятъ всякія парчи всякими разными краски, а всякіе товары въ Царѣ-градѣ дороги, хошь много; для того дороги, что расходу много; пышно ходятъ; не увидишь по Московски въ овчинныхъ шубахъ или въ сермяжныхъ кафтанахъ, а у нихъ всѣ ходятъ въ цвѣтномъ; въ чемъ самъ, въ такомъ и слуга; только сказываютъ, что нынѣ де турки оскудали передъ прежнимъ. Въ Царѣ-градѣ на всякъ день, кажется, сто кораблей пріѣдетъ съ товаромъ, а другое сто прочь пойдетъ за товаромъ. На Бѣлое море и на Черное часто мы гуливали на катаргахъ, гдѣ наши миленькіе невольники, а на которую катаргу ни придешь—какъ пойдешь по катаргѣ, такъ иной руку цѣлуетъ, иной полу; таковы миленькіе, рады! какъ есть во адѣ сидятъ; всякъ къ себѣ тянетъ; подчуютъ хлѣбомъ-солью, виномъ церковнымъ; осядутъ тебя вкругъ человѣкъ пятьдесять да спрашиваютъ: что вѣстей на Москвѣ? въ украинскихъ городѣхъ? Да говорятъ: для чего де Государь съ туркомъ замирился? Турокъ де зѣло уторопѣлъ отъ Москвы. А сами миленькіе плачутъ: кажется, не видать де тѣхъ дней, кабы де сюда Государь пришелъ! Дай де Господи! А то Государя то въ Царь-градъ желаютъ всѣ, что Бога! какъ пророки Христова ждали сошествія во адъ, такъ-то Государя!—А на иную катаргу придешь, такъ на Емельяна Украинцова пѣняютъ, съ туркомъ де замирился, а насъ де для чего не свободилъ, мы де за него Государя умирали и кровь свою проливали; а теперево де неволю терпимъ; да кричатъ лихоманы не опасаючи во весь голосъ! А турки почти всѣ русскій языкъ знаютъ, такъ мы опасаемся; а имъ даромъ, а иные забытыя головы! а турки вездѣ подслушиваютъ, а мы уже имъ говоримъ: потерпите молъ Господа ради! Какъ придетъ время—Богъ васъ свободитъ! А они миленькіе говорятъ: Ой де, отче, терпѣли, да уже и терпѣнія не стало; хоча бы де и камень—отъ такова насилія, инъ бы де разсѣлся! Иной скажетъ: я де на катаргѣ сорокъ лѣтъ, иной тридцать, иной двадцать. Только ужасъ отъ ихъ басенъ: того и глядишь; какъ тутъ же и тебя турки свяжутъ. Ты имъ говоришь: Господа ради, поискуснѣе говорите, намъ отъ васъ будетъ бѣдство; уже молъ опять къ вамъ не придемъ.

А они турокъ бранятъ, да они ихъ не боятся. А на всякой лопатѣ человѣкъ по пяти, по шти прикованы (36), гдѣ сидитъ, тутъ и спитъ, тутъ и проходъ пущаетъ. Уже на свѣтѣ такой нужды нельзя больше быть! терпятъ миленькіе—а вѣры христіанской въ поруганіе не предаютъ; дай имъ Богъ за сіе страданіе царство небесное! А когда пойдешь долой съ каторги—такъ всѣ провожаютъ да бьютъ челомъ, чтобъ опять пришли; ради миленькіе! У турка большихъ голенъ (37) съ тридцать будетъ; хороши голены очень, а пушекъ на голену по 100, по 120 по 130, по полтораста. На большихъ катаргахъ у турка съ тридцать же. А голены у турка и катарги всегда на Бѣломъ морѣ таскаются: имѣетъ турокъ съ Бѣлаго моря опасеніе. А зимовать приходятъ въ Царьградъ. Георгіевъ день на море пойдутъ, а Дмитревъ день въ Царь-градъ придутъ. Пристани корабленныя въ Царѣ-градѣ зѣло хороши; всякіе товары — хлѣбъ, вино, дрова и всякіе припасы въ Царьградъ все кораблями приходятъ. Въ Царѣ-градѣ лѣтнее время ночь 8 часовъ, а день 16 часовъ. У турокъ большой праздникъ бываетъ послѣ Георгіева дни; мѣсяцъ весь постятся: какъ увидятъ мѣсяцъ молодый — такъ у нихъ постъ и станетъ, а мѣсяцъ пройдетъ, да когда молодый увидятъ, тогда у нихъ праздникъ три дни бываетъ; и на голенахъ все и на катаргахъ стрѣльба бываетъ, и въ трубы играютъ и въ рядахъ не сидятъ. А постъ у нихъ таковъ; какъ солнце взойдетъ—такъ они станутъ поститься; а солнце зайдетъ — такъ они станутъ ѣсть; во всю ночь ѣдятъ и блудятъ; такой-то у нихъ постъ. А когда у нихъ діавольскій постъ-атъ живетъ, такъ въ часъ ночи зажгутъ кандила во всѣхъ мечетяхъ на столпахъ (на всякомъ столпу пояса въ три или въ четыре кандилъ навѣшаютъ съ масломъ), такъ они до полуночи горятъ; кажется, у всякой мечети кандилъ пятьдесятъ будетъ, да такъ-то во весь мѣсяцъ по ночамъ творятъ. Да и льстиво, когда ночью случится выдтить на дворъ; посмотришь по Царю-граду — какъ тѣ-то огни вездѣ; инъ будто Царь-градъ каменемъ драгимъ унизанъ или (не въ примѣръ) что небо звѣздами украшено. Льстиво у собакъ это дѣло! Турецкія жены ходятъ неблазненно, и греческія, и жидовскія; турецкія, завязавъ ротъ, ходятъ: только одни глаза не закрыты. Въ Царѣ-градѣ привольно по морю сильно гулять въ кайкахъ; нанялъ каикъ—да и поѣхалъ, гдѣ ни похотѣлъ, а извозъ дешевъ; а перевощики турки да невольники Русскіе, а лодки у нихъ дорогія; по сту талерей, по 80, по 60, зѣло изрядны. На голенахъ, на каторгахъ—всегда стрѣльба живетъ. Въ Царѣ-градѣ, когда паша придетъ къ голенѣ—такъ знакъ даютъ: выстрѣлятъ съ голены по заряду со всякой пушечному; а пойдетъ доловъ—также выстрѣлятъ. А на турецкихъ голенахъ бываетъ человѣкъ по 1000 служивыхъ, по 900. Передъ нашимъ приходомъ пошли голены къ Магметовой пропасти, да всѣ и пропали; громомъ побило да молніей; три дня надъ ними тьма стояла; только человѣкъ остался. Турецкіе люди, мужескъ полъ, зѣло крупны и пригожи, а жонки не таковы; турки для того пригожи, что отъ русскихъ невольницъ ражаются; у султановъ многихъ матери русскія бываютъ; да у ту-

---

(36) *Лопаты* вѣроятно значатъ здѣсь *весла* на каторгѣ или галерѣ.

(37) *Голена*—небольшое судно.

рецкихъ салтановъ и всѣ жены русскія, а туркень нѣтъ. А когда у турокъ бываетъ бояранъ, тогда у нихъ на всѣхъ монастыряхъ у мечетей со всякимъ харчемъ сидятъ и всякіе овощи продаютъ. Дворцы царскіе у турка около моря вездѣ подѣланы; не добре узорично, не какъ наши Коломенскія, Воробьевы горы: у него поземныя, только тѣмъ узоричисто, что надъ водою сады, около древа кипарисовыя. А по тѣмъ у него сараямъ все жены живутъ. Въ Царѣ-градѣ платье на водахъ не моютъ, все въ домахъ въ корытахъ мыломъ. Въ Царѣ-градѣ турокъ прямыхъ развѣ четвертая часть, а то все потунарки (38), русскіе да греки. Турокъ много у грекъ, у сербовъ, у болгаръ у бѣдныхъ: кому нечего дани дать— такъ онъ дѣтей отнимаетъ да турчитъ да въ служивые ставитъ. Да тѣ-то у него и служивые, а отъ турокъ нѣтъ служивыхъ; да изъ грекъ вольницу накликаетъ, когда у него война бываетъ (у насъ вольница, а у нихъ *левентъ*). Къ намъ многіе потунарки прихаживали; говорятъ (а сами плачутъ): когда бы де Государя сюда Богъ принесъ, всѣ бы де мы чалмато даловъ поскидали, а турокъ-то собакъ своими руками ихъ всѣхъ подавили; чудо— для чего де полно замирился; а уже де было время то пришло, что уже турки зѣло ужаснулись отъ Государя; да уже де такъ Богъ изволилъ! знать де, что грѣхи наши не допустили. Передъ нами въ Царѣ-градѣ пожаръ великъ былъ; ряды всѣ выгорѣли; а теперво всѣ ряды дѣлаютъ каменные. Когда Богъ Царь-градъ предастъ христіанамъ, тѣ мечеты посвятитъ на церкви—то уже дива такова въ подсолнечной не обрящешь. Радость бы неизрѣченная была! забудешься отъ радости! Въ Царѣ-градѣ женскій полъ зѣло искусно ходятъ, не прелестно; безстыдныхъ женъ не увидишь или дѣвокъ; и покощюнить надъ женкою нельзя: лучшему шлыкъ разшибетъ. Да и не увидишь гдѣ бы кто посмѣялся надъ женкою, а блудницъ потаенныхъ много. Озорничества у нихъ нѣтъ и суды у нихъ правые; отнюдь и лучшаго турка, съ христіаниномъ судимаго, не помилуютъ; а кой у нихъ судья покривитъ или что мзды возьметъ—такъ кожу я сдерутъ да соломою набьютъ, да въ судейской палатѣ и повѣсятъ; такъ новый судья и смотритъ. Въ Царѣ-градѣ послѣ Георгіева дня была хортуна (39) велика: пятдесятъ кораблей потонуло. Въ Царѣ-градѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ съ паши кожу сдирали за письма потаенныя отъ хана Крымскаго присланы, а онъ потаилъ. Въ Царѣ-градѣ Салтанъ не живетъ, но все въ Едринополѣ живетъ, а тутъ боится жить отъ янычеръ: убьютъ. У нихъ янычеры своевольны, пашу ли или полковниковъ, хошь малую увидятъ противность, такъ и удавятъ. Въ Царѣ-градѣ часто бунты бываютъ, а все отъ янычеръ; и при насъ былъ. Въ Царѣ-градѣ когда бываетъ пожаръ — больно сильно горитъ; много у нихъ внутри поставы кое что деревяннаго — такъ и отнимать нельзя; только унеси Богъ самаго. Въ Въ Царѣ-градѣ турки (и вездѣ) платье носятъ зеленое да красное; а грекамъ и жидамъ не велятъ; жиды все носятъ платье черное да вишневое, а греки также. Нынѣ и греки красное носятъ;

(38) *Потурнаки* или *потураки*—потурченные христіане.

(39) *Хортуна* или фортуна—буря на морѣ.

только зеленаго не дадутъ турки ни грекамъ ни жидамъ носить. Московскіе люди, когда прилучатся въ Царѣ-градѣ — носятъ зеленое платье. Въ Царѣ-градѣ и по всей Турецкой державѣ со всѣхъ христіанъ, съ грекъ и со армянъ и съ жидовъ, кои въ его области живутъ—то *горачь* на всякій годъ берутъ по 5 талерей съ человѣка; по 6 кто ни придетъ въ его землю, и иноземецъ, со всѣхъ берутъ; только съ Московскихъ людей не берутъ: въ перемирномъ договорѣ такъ положено, чтобъ съ нашихъ не брать. А съ кого возьмутъ — такъ значекъ дадутъ, печатку; такъ всякій человѣкъ съ собою печатку носитъ; а горачники турки вездѣ по улицамъ ходятъ, досматриваютъ печатокъ; а у кого нѣтъ печатки, такъ горачь и возьмутъ; и съ патріарха и съ митрополитовъ и съ старцовъ — со всѣхъ берутъ; нѣтъ никому спуску.

Описаніе греческаго устава и поступокъ внѣшнихъ и духовныхъ, и како они съ турками въ соединеніи пребываютъ и какихъ они поступокъ турецкихъ держатся. Въ праздникъ Благовѣщеніева дни игуменъ того монастыря, гдѣ я стоялъ, звалъ меня въ келью къ себѣ обѣдать и нарочно многихъ звалъ грекъ для меня и для разговоровъ со мною; о Московскихъ вѣдомостяхъ и про Государя спрашивали; и когда я пришелъ въ келью, тогда игуменъ посадилъ меня подлѣ себя, и греки всѣ сѣли и старцы греческіе, кои тутъ прилучились; и стали на столъ ставить ѣствы; что ни приспѣли (были рыбныя и не рыбныя) — всѣ вдругъ на столъ ставили. И игуменъ сталъ Отче Нашъ говорить сидя, и греки всѣ сидятъ; а я всталъ, да гляжу: то еще первоначальная ихъ игрушка—такъ у меня голова-то стала крутиться отъ ихъ игрушекъ; а игуменъ меня сажаетъ: у насъ де не вставаютъ. А когда мы стали ѣсть—такъ греки не какъ русаки: кто что захотѣлъ, тотъ тую ѣству и ѣстъ. А я гляжу — такъ игуменъ передъ меня подкладываетъ хлѣбъ и рыбу; такъ и сталъ ѣсть; нечто вѣдь дѣлать! И по малѣ началъ у меня игуменъ чрезъ толмача спрашивать: есть ли де на Москвѣ такая рыба? да подложитъ кусокъ да другой: есть ли де эдакая? А я сидя (да только что нельзя смѣяться) да думаю: куда молъ греки то величавы! мнятъ, что на Москвѣ то и рыбы нѣтъ; а бываетъ бы и рыба то какая зависная! А то наши пескори, окуни, головли, язы, да коропатицы съ товарищи, раки съ раковинными мясами и всякая движущаяся въ водахъ. Такъ я сидя сталъ про свои московскія рыбы фастать; такъ толмачь ему сказалъ, такъ онъ носъ-атъ повѣсилъ, а самъ говоритъ: лжетъ де; я де вось призову грека, кой де на Москвѣ былъ: брюхо-то у него заболѣло; похвалился— да не въ часъ; не удалось; послалъ по того грека, и грекъ пришелъ да тутъ же сѣлъ. И сталъ у него игуменъ спрашивать: такъ ли де Московскій калугеръ говоритъ, что эдакія де рыбы есть на Москвѣ, что де въ Станбулѣ нѣтъ такихъ? Это де расплевка рыба, у насъ де эту рыбу убогіе ѣдятъ мало; а я су и прифасталъ кое что; и грекъ смотритъ на меня да смѣется; что де у васъ за прѣніе стало о рыбѣ-то? какая де въ этомъ нужда спириться? И я ему молвилъ: мнѣ молъ нужды не было; игуменъ у меня спросилъ, есть ли де у васъ на Москвѣ эдакая рыба? Такъ я ему сказалъ, что у насъ эдакія рыбы есть; и ты ему сказывай про наши рыбы; ты вѣдь знаешь

московскія рыбы и всякій харчь передъ станбульскимъ. И грекъ сталъ игумну сказывать, что есть; и игуменъ только мнѣ молвилъ: *токало* сирѣчь добро де, ну станемъ де ѣсть. По малу сталъ мнѣ говорить: для чего де не ѣшь раковъ и мясъ, что въ раковинахъ, и коропатицъ? И я ему молвилъ: у насъ молъ это гнусно, и обычая таковаго нѣтъ, чтобъ намъ ѣсть; такъ молъ мнѣ смердитъ. И онъ молвилъ: какъ де хочешь, а намъ не зазирай; у насъ де это добро ѣсть и безгрѣшно; индѣ раки ѣшь — это де указано. И я молвилъ: у насъ молъ и то не всякій ѣстъ; у насъ молъ и рыбы много; у васъ не на рыбѣ, такъ вы ѣдите, а намъ нужды нѣтъ—такъ мы не ѣдимъ. Такъ онъ и пересталъ говорить. Бывало, какъ ни позоветъ обѣдать, а раковъ не скучаетъ ѣсть. И распрашивали у меня греки про Государя, для чего де Государь замирился съ туркомъ? чего де ради онъ насъ изъ неволи и изъ насилія не свобождаетъ? а онъ де вѣдь христіанскій царь; а онъ де заведши войну да и замирился, да и съ инымъ де сталъ биться. И я имъ сказалъ, что вѣдь вы приплетаетесь къ нашему царю, да еще и укоряете; вѣдь это не вашъ царь; вы у себя имѣли своего царя да и потеряли; а это Московскій царь, а не греческій; у васъ свой царь есть, а вы ему и служите. Такъ они сказали: да мы де христіане; такъ де на него надѣемся, что онъ насъ отъ турка свободитъ. И я имъ молвилъ: да вѣдь на Москвѣ уже не одинъ царь былъ и никой васъ не свободилъ; вѣдь молъ и этотъ не крѣпость вамъ далъ, чтобъ отъ турка васъ свободить. Такъ они молвили: да такъ де писано, что Московскому царю свободить насъ и Царь-градъ взять! Такъ я сказалъ: да хошь и писано, да имя ему не написано, кто онъ будетъ и кто возьметъ Царь-градъ. Такъ они молвили: се де прежніе цари турку не страшны были, а этого де турокъ боится. Да и стали говорить: для чего де вашъ Царь вѣру нѣмецкую на Москвѣ завелъ и платье нѣмецкое? и для чего де царицу постригъ въ монастырь? И я имъ сказалъ: что вѣдь у васъ вѣстей то въ Царѣградѣ много, кто вамъ приноситъ! у насъ на Москвѣ нѣмецкой вѣры нѣтъ; у насъ вѣра христіанская, а платье у насъ московское, а царица не пострижена. Диво! далече живете, да много вѣдаете. Такъ они еще молвили: для чего де царь вашъ нашихъ грекъ къ Москвѣ не велѣлъ пускать, и съ Москвы сослалъ доловъ? что де ему сдѣлали? какіе де мы ему злодѣи; а мы де за него и Богу молимъ. И я имъ молвилъ: обычные греки нашему государю доброхоты, турецкому де больше радѣютъ; того ради Государь не велѣлъ грекъ къ Москвѣ пускать, что они всякія вѣдомости турку внушаютъ; вотъ молъ кто это вамъ сказалъ, что у насъ чего не ведется? гдѣ на Москвѣ вѣра нѣмецкая или царица пострижена? такъ то молъ ваши греки, тамъ бывши на Москвѣ то, да здѣ пріѣхавши врутъ невидницу, чего отнюдь нѣтъ. Вправду ихъ Государь не велѣлъ къ Москвѣ пущать, малые молъ греки нашему Государю доброхоты; а что вы говорите—что мы за него Государя Богу молимъ — и въ томъ вы неправду сказываете: молите вы Бога за царя, а не вѣмъ за турскаго, не вѣмъ за московскаго? глухо еще молится попъ вашъ! въ ектиніи говоритъ: *за царя нашего;* такъ явно стало: за турскаго— для того, что тотъ вашъ царь, а не за нашего. А вы въ томъ льститеся! кабы

такъ-то: *за благовѣрнаго царя нашего* — то бы на дѣло походило; а то Богъ знаетъ! Такъ они молвили: намъ де нельзя такъ, чтобы молить за благовѣрнаго; услышатъ де турки, такъ худо будетъ намъ. Такъ молъ потому, какъ ни разсуждай: молите вы за турка! А они таки въ томъ крѣпятся, что мы за московскаго царя Бога молимъ, а не за турка. И много кое о чемъ рѣчей было всякихъ. А два старца тутъ гречанина такъ и рыбы не ѣли; такъ игуменъ у меня спрашивалъ: ѣдятъ ли де у васъ на Москвѣ рыбу въ великій постъ? и я сказалъ, что у насъ добрые люди въ великій постъ только дважды ѣдятъ рыбу (на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, да въ Вербное Воскресенье), а дураку законъ не писанъ; вольно кому хошь мяса ѣсть. И игуменъ молвилъ: для чего де у васъ на Москвѣ въ среду и въ пятокъ рыбу ѣдятъ? и я сказалъ ему, что у насъ добрый человѣкъ да постоянный — тотъ отнюдь въ среду и въ пятокъ рыбу не ѣстъ; у грекъ только это добродѣтель мотается — что въ великій постъ рыбы не ѣдятъ; а что табакъ-то и въ великую пятницу изъ рта не выходитъ; и всякую гадину ѣдятъ. Въ Царѣградѣ въ Вербное Воскресенье церковь всю выстилали масличнымъ вѣтвіемъ и монастырь (40) весь, и за заутреней съ тѣми же масличными вѣтми стояли; послѣ литургіи игуменъ звалъ меня опять къ себѣ обѣдать, и грекъ было много; тутъ послѣ обѣда греки всѣ смотрѣли нашъ указъ, государевъ листъ, и рѣчи кое-какія были про турка.

---

(40) *Монастырь* въ смыслѣ церковный дворъ, погостъ, какъ и теперь въ Москвѣ говорится.

Въ Царѣградѣ подъ Свѣтлое Воскресеніе стояли мы въ монастырѣ Іерусалимскомъ въ церкви въ заутрени. Въ вечеръ въ суботу противъ Свѣтлаго Воскресенія въ часъ ночи собрались въ церковь греки, да по мѣстамъ и сѣли. Потомъ стали чести Дѣяніе Апостольское, по перемѣнамъ и когда прочли Дѣяніе, тогда начали полуночницу пѣть, а на полунощницѣ канонъ пѣли со ирмосомъ на шесть. Пропѣвъ полуношницу да сѣли. Потомъ игуменъ взявъ свѣщи да и пошолъ грекомъ раздавать, а за нимъ старецъ носитъ блюдо, и греки игумну давали за свѣчи, иной червонной, иной талеръ, иной орлянку, послѣдній тюлтъ (?) дастъ, а кои убогіе, тѣ со своими свѣчами приходили; и раздавъ свѣчи подняли иконы также что у насъ, вышли вонъ изъ церкви, да и пошли кругъ церкви и пришедъ къ церковнымъ дверемъ пѣли Христосъ Воскресе; потомъ вошли въ церковь, начали пѣть канонъ Пасцѣ, а канонъ по крилосамъ канархистъ сказовалъ, а канонъ пѣли на шесть съ ирмосомъ, а послѣ единожды покрывали; потомъ пѣли стихиры пасцѣ, по стихирамъ вышелъ игуменъ со крестомъ, діаконъ со Евангеліемъ, да праздникъ Воскресенія была икона, а четвертый человѣкъ держалъ блюдо на деньги. Потомъ пошли греки ко иконамъ и стали цѣловаться со игумномъ, а за цѣлованье игумну на блюдо клали кой червонной, иной талеръ, иной тюлтъ, а иной паръ пять и шесть, послѣдній пару, не по нашему, чтобъ яица красныя давать. По цѣлованіи начали пѣть литургію, а на обѣдни чли Евангеліе, игуменъ стоялъ во олтари во вратѣхъ царскихъ, а то по всей церкви стояли попы со Евангеліемъ, а на прагѣ церковныхъ запад-

ныхъ вратѣхъ стоялъ діаконъ со Евангеліемъ, да такъ всѣ чли по статьямъ; чинно это у грекъ хорошо; долго чли, для того, что много было поповъ, а церковь вся была постлана вѣтми масличными и монастырь былъ весь выслан, и послѣ обѣдни прислалъ къ намъ игуменъ съ діакономъ блюдо пироговъ, да блюдо яицъ красныхъ, сыръ; спаси его Богъ, до меня былъ сильно добръ, часто зывалъ къ себѣ въ келью обѣдать, да и говоритъ: кабы де ты нашъ греческой языкъ зналъ, я бы де съ тобою говорилъ: то-де наша съ тобою бѣда, что-де языка не знаемъ межу себя; а съ монастыря какъ ни пойдешь или гулявъ на монастырь придешь, то и позоветъ къ себѣ вина церковнаго пить, а мнѣ часто говорилъ: учись де нашему языку; зѣло миленькой добръ былъ, радѣлъ о нашемъ походѣ, корабль намъ до Египта сыскалъ, грамотки въ свои монастыри давалъ, кои по Египетскимъ странамъ; такъ намъ по тѣмъ грамоткамъ отъ тамошнихъ игумновъ добро было, и въ Іерусалимъ къ намѣстнику грамотку писалъ, та грамотка много намъ добра сдѣлала, и тотъ намѣстникъ зѣло меня любилъ, хлѣбъ и вино присыловалъ и за трапезу часто зывалъ къ себѣ въ келью, добрый человѣкъ и смирной. Въ самое Свѣтлое Воскресенье, противъ понедѣльника, на вечерни тѣмъ же подобіемъ выходъ съ Евангеліемъ, и игуменъ крестъ держалъ, также цѣлованіе было, и греки игумну деньги давали тѣмъ же подобіемъ, что на заутрени; да у грекъ и всю святую недѣлю послѣ службы цѣлованіе, что на праздникъ.

Въ понедѣльникъ на свѣтлой недѣлѣ ходили греки на гору гулять, зѣло было грекъ и турокъ, а то гулбище патріархъ у турка откупаетъ только на три дни на святой недѣлѣ, а даетъ турку по 1000 ефимковъ на годъ, а гуляютъ только до полденъ, а то турки избиваютъ даловъ, кричатъ грекомъ ходя съ дубьемъ: гайда, гайда, долой-де пошелъ. Тутъ бываютъ со всякимъ овощемъ. А тѣ ефимки патріархъ у нихъ же по церквямъ сбираетъ; старосты выбраны да съ ящиками по церквямъ ходятъ. Греки на святой недѣлѣ ходятъ по улицамъ, по монастырямъ, съ медвѣди, съ козами, съ бубнами, съ скрипицами, съ сурнами, съ волынками, да скачутъ и пляшутъ: взявши за руку человѣкъ двадцать, тридцать, да такъ вереницами по дворамъ, по монастырямъ ходя скачутъ да пляшутъ, а греки деньги даютъ, и къ патріарху и къ митрополитамъ ходятъ, а они миленькіе имъ деньги даютъ, виномъ поятъ за то скаканье: безчинно это у грекъ сильно, у турокъ таковаго безчинія нѣтъ. У грекъ, когда бываетъ мѣсяцу первое число, то все ходитъ попъ со святою водою по домамъ, по кельямъ, да кропятъ, да цвѣты по окнамъ тычютъ; малодушны греки ектемъ къ цвѣтамъ (41) и турки какъ есть малые младенцы!

О церковномъ пѣніи и о уставѣ греческомъ, како поютъ и како говорятъ и какъ въ церкви стоятъ, и каково сами крестятся, и како крестятъ младенцевъ, и всякая поступка внѣшняя и духовная. Въ началѣ церковнаго пѣнія греки, когда пріидутъ въ церковь, такъ они шапокъ не снимаютъ; станутъ въ стойлѣ лицомъ не къ иконамъ, но на сторону къ стѣнѣ, противно другъ ко другу лицемъ, да такъ и молятся не на иконы,

(41) Живое народное употребленіе вмѣсто *къ этимъ цвѣтамъ.*

но на стѣны другъ ко другу, и такъ во всю литургію стоятъ въ шапкѣ, только сойметъ какъ съ переносомъ выдутъ, да кенаничное аллилуіа пропоютъ, да и то тафей не скидаютъ. А крестятся странно: руку на чело взмахнетъ, а до чела далѣ не донесетъ, да и опуститъ къ землѣ: отнюдь не увидишь, кто бъ изъ грекъ на плеча доносилъ; а духовный чинъ у грекъ хуже простова народу крестятся; срамно сильно, какъ войдешь въ церковь, а рукою махаетъ, а самъ-то на ту сторону, то на другую озирается, что коза; а царскихъ вратъ у нихъ ни попъ, ни діаконъ не отворяетъ, ни затворяетъ, но простолюдинъ мужикъ или робенокъ, а на городахъ мы видѣли, такъ и бабы отворяютъ и затворяютъ врата царскія, и во олтарь бабы ходятъ и кандила раздуваютъ; а когда попъ ектенью въ церкви говоритъ, то греки Господи помилуй по клиросамъ не поютъ, но просто гдѣ кто стоитъ, тутъ тотъ и ворчитъ *киръ іелейсонъ*, а попъ ектинью проговоря да и скинетъ патрахиль; а Евангеліе попъ чтетъ оборотясь на западъ: во олтари, стоя у вратъ, держитъ на рукахъ. Слава Господи по клиросамъ не поютъ, такъ же всякъ стоя ворчитъ *доксаси, киріе, доксаси*; Блаженъ мужъ не поютъ, просто говорятъ; Господи возвахъ поютъ, а стихиры и каноны все по клиросамъ сказываютъ, хошь одинъ на клиросѣ, все поетъ и стихиры и каноны самъ, и конархъ и пѣвецъ. Иже херувимы, гдѣ на клиросѣ коемъ кто захотѣлъ, тотъ и запѣлъ. На исходѣ у грекъ ничего не поютъ ни Достойна, ни догматовъ, все по клиросамъ; Свѣте тихій не поютъ, говорятъ говоркомъ, Прокименъ по клиросамъ также не поютъ, но чтецъ говоркомъ проговоритъ. Греки къ нищимъ въ церквахъ податливы, на нищихъ у нихъ сборъ особый въ церкви живетъ, да и человѣкъ у денегъ приставленъ: какъ пойдутъ нищіе въ церковь, такъ той, кой приставленъ, даетъ по аспрѣ по двѣ на человѣка, а патріархъ греческой безпрестанно даетъ листы невольникамъ, такъ они ходятъ по церквямъ сбираютъ, да откупаются. Въ Царь-градѣ вешнему Николѣ не празднуютъ. Греки вѣру велику держатъ къ Георгію, да къ Митрію Селунскому. Греки по славословіи начинаютъ литургію и первой часъ не пѣвъ, а когда похотятъ, поютъ часы; а панихиду поютъ, кутья у нихъ у царскихъ вратъ стоитъ на земли такъ. Не отпустя вечерни или литургіи, вышедъ изъ олтаря съ кадиломъ, да одну только ектенію проговоритъ, да вѣчная память, то у нихъ и большая панихида и малая, все тутъ. А когда у нихъ выдутъ съ переносомъ, то на пути всѣ лягутъ, а попъ и діаконъ идутъ черезъ людей съ переносомъ, а иной со стороны поповы ризы цѣлуетъ, а простолюдинъ предъ попомъ идетъ задомъ да кадитъ, кадиломъ махаетъ, что попъ; странно сильно. Греки служатъ на одной просфирѣ, а крестъ на просфирѣ четвероконечный, а тую просфиру скроша на блюдо да послѣ обѣдни людямъ раздаютъ, а просфира большая, а просфира хошь недѣлю лежитъ чорствая — служитъ на ней; даромъ, они то ни за что не ставятъ. Греки въ крещеніи совершенно обливаются: мы самовидцы. У грекъ всенощныхъ не бываетъ никогда, и великаго ефимона противъ Рождества Христова и Богоявленія и Благовѣщенія не поютъ, но простую заутреню. У грекъ пѣніе хорошо, да не по многу поютъ людей: только по человѣку на клиросѣ, да

по два; а поютъ высокимъ гласомъ. Хвалите имя Господне греки не поютъ, ни поелеоса у нихъ во весь годъ никогда не бываетъ, ни празднику господску, ни святому нарочитому. А Евангеліе чтутъ иногда послѣ антифоновъ, а иногда на 9 пѣсни, какъ похощетъ. Богъ Господь на заутрени не поютъ никогда, а пѣсни во псалтыри предъ канономъ всегда говорятъ; а каноны поютъ по крылосамъ только три пѣсни 1, 2, 9, больше того нѣтъ. А церкви у грекъ что простая хоромина, не узнаешь; и крестовъ на нихъ нѣтъ, ни звону нѣтъ же. Противъ Воскресенія ходятъ по улицамъ да кричатъ, чтобъ шли до церкви. А патріархъ греческій по вся годы церкви отдаетъ на откупъ, а беретъ за церковь по двѣсти талерей и по полтора ста, а что годъ, то переторжка: кто больше дастъ, тому и отдаетъ; хошь два талера передастъ, тому и отдаетъ. У нихъ и митрополитъ митрополита ссаживаетъ: далъ лишнее да и взялъ епархію. Такъ у нихъ много безмѣстныхъ митрополитовъ и поповъ—такъ таскаются по базару, живутъ въ Царѣ-градѣ да собакъ бьютъ, ходя по улицамъ. Етоковы греки-то постоянны; хуже они басурмановъ дѣлаютъ, какъ церквами Божіими торгуютъ. Греки, какъ имъ похощется, иногда на заутрени каѳизмы говорятъ, а иногда нѣтъ, только каноны; а и каноны они не всѣ говорятъ, только по три пѣсни. А чтенія у нихъ мало бываетъ. Греки крестовъ на себѣ не носятъ, и въ хоромѣхъ у нихъ иконъ нѣтъ, а съ турками во всемъ смѣсились и зѣло порабощены: какъ турокъ идетъ улицею, то все ему грекъ лучшее мѣсто вездѣ уступаетъ, а гордостію таки еще дышатъ; да еще турки-то добрые люди, что еще милостивѣе поступаютъ надъ такимъ непокоривымъ родомъ; кабы де грекамъ такъ Богъ попустилъ турками владѣть— отнюдь бы греки такъ туркамъ свободно не дали жить; всѣхъ бы въ работу поработили: таковы греки непостоянны, обманчивы; только малые христіане называются, а и слѣду благочестія нѣтъ. Да откуда имъ и благочестія взять? Имъ турокъ не даетъ и книгъ печатать: грекамъ книги печатаютъ въ Венеціи, такъ они по нихъ и поютъ; а Венеція папежская, а папа главный врагъ христіанской вѣрѣ; какъ у нихъ быть благочестію? и откуда взять? каковы имъ ни пришлютъ книги изъ Венеціи — такъ они по нихъ и поютъ. И такъ малымъ чѣмъ разнились съ папежцы; а что пьютъ, ѣдятъ — то все съ ними вмѣстѣ, а въ церкви мы сами видѣли, что папежцы къ грекамъ ходятъ, а греки къ папежцамъ: такъ недалеко отъ соединенія. Греки нравы и поступки внѣшнія и духовныя всѣ съ турецкова переводу: головы всѣ голятъ, то отъ турокъ взяли, таѳей отъ нихъ же; въ шапкахъ въ церквахъ Богу молятся, отъ нихъ же; другъ со другомъ на улицѣ кланяются въ шапкахъ, отъ нихъ же; во отходъ съ кушинцами ходятъ да аѳедроны моютъ, все то по турски; рубаху въ штаны спрячетъ, все по ихъ же, и всѣ нравы у грекъ, и поступки внѣшнія и духовныя всѣ басурманскія, а что прежнія ихъ бывали христіанскія, тѣхъ у нихъ отнюдь и слѣду нѣтъ. Турки милостивѣе грековъ и жиды нравами лучше ихъ; неволникъ у турка въ седмь лѣтъ отживется, а умеръ турчинъ, такъ хошь и въ годъ свободится; и у жида также въ семь лѣтъ — такъ и свобода; а у грекъ хошь самъ издохнетъ, а на волю не пуститъ; таковы

греки милостивы; а гдѣ случится невольнику уйтить отъ турка, да греку въ руки попадетъ, а онъ опять его продастъ турчину или на каторгу. Греки московскихъ людей зѣло не любятъ. Греки до Вознесенія въ церквяхъ противу недѣли на стиховнѣ воскресныхъ стихѣръ не поютъ, только одну стихѣру пропоютъ, да и стихѣры пасцѣ поютъ; греки на Георгіевъ день гуляютъ и великое собраніе бываетъ, на колодезь и въ рядахъ Георгіевъ день не сидятъ. У грекъ жены самовольны; будетъ которая женка не восхотѣла съ мужемъ жить — пошедъ къ патріарху, подала челобитную, что не хочу съ мужемъ жить, а патріархъ призоветъ мужа и станетъ распрашивать, и будетъ не сыщетъ вины за мужемъ и не похощетъ развести, а жена скажетъ: а коли не похощешь меня развести—я шедъ до турка, да буду туркенею, а патріархъ миленькой и разведетъ, чтобы не потурчилась. Грекамъ ни женъ, ни дѣтей поучить, побить нельзя; за какую вину будетъ сталъ бить, а онъ и сталъ въ окно кричать: хощу туркомъ быть, а турки пришедъ да и возьмутъ и потурчатъ. Этакое житіе греческое! невольная управа съ женами и съ дѣтьми; а таки гордостію неотмѣнны. Патріархъ греческій ходитъ, что простой старецъ и не узнаешь, что патріархъ; а куда греки позовутъ обѣдать, то онъ взявши простой посошокъ да и пошолъ, а за нимъ только одинъ діаконъ. Митрополиты ихъ и всѣ власти греческія по улицамъ, по рядамъ просто таскаются, хошь бы на шесть денегъ чего купить, то самъ поволокся; а старцы греческіе что стрѣльцы гоняютъ, безъ клобуковъ по рядамъ, по улицамъ. И въ церкви зѣло неискусны греки; и жены ихъ къ бѣлымъ попамъ не ходятъ на исповѣдь, все къ чернымъ. Греки во весь великій постъ рыбы не ѣдятъ, а раки и всякую гадину ѣдятъ. А въ царскія врата въ церкви всякъ у нихъ сквозь ихъ ходитъ. А митрополиты греческіе въ церквахъ зѣло неискусны; все смѣются и съ греками говорятъ со стороны на сторону; и пѣнія не слыхать, а самъ что коза назадъ оглядывается, кричитъ по церкви, зѣло не хранятъ своего чина ни церковнаго; наши поселянскіе попы лучше ихъ митрополитовъ. А всѣ греческія власти у себя въ кельи красиковъ держатъ, а греки сказываютъ, всѣ содомства насыпаны. Греческія дѣти зѣло тщательны къ грамотному ученію; мнится, что въ пеленкахъ учатся; лѣтъ по пяти, по шти робятка стихѣры сказываютъ, и пѣть горазди. Сильно греки книжному ученію, зѣло тщательны, всѣ книги церковныя учатъ изустно: псалтырь, евангеліе, апостолъ, минеи, октай — всѣ эти у нихъ книги наизусть говорятъ. У грекъ жены въ церквяхъ особе стоятъ, за рѣшетками; этимъ у нихъ искусно! А гдѣ ихъ жены стоятъ, нѣтъ иконъ и перекреститься нечему. Греки, патріархъ и всѣ власти табакъ тянутъ и старцы, и носовый безъ разбору, и жены греческія. Въ Царѣградѣ видѣли мы свадьбы греческія, армянскія. Въ воскресенье и понедѣльникъ ходитъ женихъ съ невѣстою по улицамъ, а передъ ними и за ними турки караулъ съ дубьемъ, а передъ женихомъ съ невѣстою молодежъ: скачутъ, пляшутъ, пѣсни поютъ, въ ладони бьютъ, въ свирѣли, въ скрипицы, въ волынки играютъ, а кои богатые, такъ невѣста въ каретѣ; а когда пѣши идутъ — такъ женихъ съ невѣстою рука съ рукою сцѣпившись

идутъ, а за ними уже турчинъ съ дубиною въ шлыку высокомъ, что халдей, оберегаетъ, чтобъ обиды не было и дорогу очищаетъ; а греки тѣхъ турокъ многою цѣною нанимаютъ.

Въ Царѣ-градѣ у грекъ во Іерусалимскомъ монастырѣ, послѣ вознесенія Христова въ субботу, ставили въ митрополиты не такъ, какъ у насъ на Москвѣ. Амвона не дѣлали, только три стула поставили да коврами покрыли, а у ставки былъ митрополитъ Ираклиской, да два епископа, а патріарха не было; да и не ставитъ патріархъ самъ никого, ни поповъ, ни діаконовъ, все присылаетъ въ Іерусалимскую церковь; та церковь честна у грекъ; властей и поповъ все въ ней ставятъ; а какъ поставили митрополита, такъ вышедши изъ церкви да и скинутъ пеструю манатью и посохъ, да и пошли въ палату обѣдать, и митрополита пошли греки здравствовать; ту сидя пьютъ и всѣмъ даютъ, кто ни пришелъ, всѣмъ подносятъ, да и закуски даютъ. И поставивши того митрополита—я про него спросилъ, куда-молъ его поставили; и они смѣются, да и сказали: бѣдный де митрополитъ, на село де поставленъ, а церковь одна, а митрополитъ слыветъ; и то все и у патріарха накупаются дачею великою. У греческихъ властей нѣтъ пѣвчихъ; только попъ да діаконъ, а новый митрополитъ поутру въ недѣлю на клиросѣ пѣлъ. Въ Царѣ-градѣ пріѣзжій человѣкъ не познаетъ греческихъ властей, приличья нѣтъ никакова, что власть ли, простой ли старецъ, одѣяніе равно что рядовый старецъ—такожъ и власти.

О несогласіи Греческомъ съ восточною церковью. 1. Греки въ крещеніи обливаются. 2. Крестовъ на себѣ не носятъ 3. Неистово крестятся, ни на чело, ни на плечо не доносятъ; махаютъ сѣмо и овамо. 4. Въ церквахъ стоятъ въ шапкахъ, какъ молятся не скидаютъ, а стоятъ въ стойлахъ гордо, искривя бокъ и глядятъ не къ иконамъ, но на стѣны. 5. Служатъ на одной сторонѣ просфиры (и то на чорствой), а мірскіе у нихъ не говѣвъ причащаются. 6. Патріархи, митрополиты и всѣ духовные играютъ въ карты и въ шахматы. 7. Патріархи, митрополиты табакъ пьютъ и во грѣхъ того не ставятъ. 8. Патріархи, митрополиты и попы усы подбриваютъ и игуменцовъ (42) себѣ не простригаютъ, но нѣкако странно съ низу кругомъ голову подголяютъ до полголовы, а иные сопреди подбрѣютъ до полголовы, что Абысы (?) турецкіе, да знать что съ тѣхъ переводовъ, такъ дѣлаютъ что у нихъ научились. 9. Всякія гадины и ползающія въ водѣ ѣдятъ и въ великій постъ. 10. Простолюдины и бабы ходятъ сквозь царскія врата во олтарь и затворяютъ бабы, а кадятъ простолюдины по поповски: какъ идетъ съ переносомъ, а онъ мужикъ идетъ передъ попомъ задомъ, да кадиломъ махаетъ на Святая. 11. Греки, когда за трапезу садятся, то всѣ сидя Отче Нашъ говорятъ и послѣ трапезы Достойно есть; все сидя, не встаютъ. 12. Евангеліе чтутъ оборотясь на западъ въ церкви. 13. Свѣчи у нихъ: воскъ мѣшаютъ съ саломъ да съ смолою, а воскъ бѣлой, инъ, когда свѣчи горятъ — зѣло въ церкви тяжко свѣжему человѣку стоять, а щипцовъ у нихъ не держатъ въ церквахъ: когда нагоритъ на свѣчи хорошій огаръ свѣтильна, тогда, снявъ свѣчу съ подсвѣч-

---

(42) *Гуменцо*—простриженное мѣсто на головѣ, на макушкѣ; уменьшительное отъ *гумно*—очищенное мѣсто для молотьбы хлѣба.

ника, да наступитъ ногою, да и оторветъ свѣтильню: странно! Пощади Господи! 14. Часовъ предъ обѣднею не поютъ какъ обѣдни не будетъ. 15. Патріархъ греческій церкви во откупъ отдаетъ погодно на годъ по сту, по двѣсти талерей, а кто больше дастъ, хошь талеръ передастъ, такъ тому и отдастъ: странно зѣло!

Въ Царѣ-градѣ на Богоявленіевъ день греки мечутъ въ море кресты деревянные, а за то турку даютъ дачу великую, чтобъ велѣлъ въ море кресты метать, и съ того дня корабли греческіе пущаются въ море въ промыслъ. А греческимъ патріархамъ ставки не бываетъ, какъ святая соборная Церковь пріяла, и ставитъ ихъ турецкій Салтанъ; они у турка накупаются на патріаршество дачею великою; а когда въ Царѣ-градѣ патріархъ умретъ, тогда паша цареградскій ризницу патріаршу къ себѣ возметъ, и отпишетъ къ Салтану во Адринополь; тогда греческія власти многія поѣдутъ во Адринополь и тамо съ Салтаномъ уговариваются, и торгъ ставятъ о патріаршествѣ и кто больше дастъ — того Салтанъ турецкій и въ патріархи поставитъ, и дастъ ему письмо къ пашѣ, а паша возметъ съ него подарку тысячи три золотыхъ и дастъ ему ризницу и патріаршеску одежду; мантію, со источниками надѣнетъ на него и посадитъ на конь свой, а передъ нимъ идутъ и за нимъ человѣкъ двѣсти турокъ съ дубьемъ, а иные за стремя держатся его, и тако съ великою помпою (43) и пыхою ѣдетъ до двора патріарша; а у патріархова двора въ тѣ поры стоятъ множество грекъ, а власти у вратъ ожидаютъ патріарха и тутъ его власти во вратѣхъ стрѣтятъ, и пріимутъ съ коня подъ руки и введутъ въ палату патріаршу и сядутъ съ нимъ на коврахъ, и турки тутъ-же сядутъ начальные другіе люди; и потомъ принесутъ имъ питіи табачныя, архидіаконъ растянетъ пипку съ табакомъ, да подастъ патріарху, а протодіаконы митрополитамъ и епископамъ своимъ и туркамъ; потомъ у нихъ пойдетъ столъ, а туркамъ служивымъ и янычерямъ особый столъ, а начальные турки съ патріархомъ ѣдятъ, а послѣ обѣда патріархъ станетъ турокъ дарить, начальнымъ людямъ по 30, по 20, а рядовымъ по пяти золотыхъ. Таково поставленіе бываетъ всегда греческимъ патріархомъ, а своими митрополиты не ставятся и дѣйства никакова не бываетъ, а сами патріархи отъ постановленія въ митрополиты берутъ по 3 тысячи золотыхъ, а съ епископовъ по 5 тысячь ефимковъ, а съ поповъ по сту золотыхъ. А патріархъ и власти и попы греческіе рукою не благословляютъ никого никогда; только руку даютъ цѣловать, да и то богатымъ, а моломощнымъ не даютъ цѣловать; и попы такожде не благословляютъ, только руку даютъ цѣловать, и то убогимъ, а богатымъ грекамъ не даютъ цѣловать; да богатые греки и сами ими гнушаются, рукъ таковыхъ не цѣлуютъ и ни во что ихъ ставятъ. Нѣкогда у меня было съ греками сопрѣніе о ихъ поступкахъ худыхъ; а прѣніе у насъ было на кораблѣ, какъ плыли изъ Египта въ Царь-градъ въ великій постъ предъ Свѣтлымъ воскресеньемъ. И я имъ говорилъ: для чего вы молъ многія турецкія поступки держите и всякія гадины ядите? И они мнѣ сказали: мы де еще маячимъ, будто

(43) Весьма любопытно это слово въ русской рукописи, писанной полууставомъ.

христіане нарицаемся; есть де у насъ такіе грады греческіе—такъ де ни близъ хрістіанства не хранятъ; въ посты де въ среду, и въ пятокъ мясо ѣдятъ и ничего христіанства не хранятъ.

Іюня въ 22 день поидохомъ изъ Царяграда во Адринополь для грамоты салтанской; а ходятъ изъ Царяграда въ Эдрино въ понедѣльникъ да въ четвертокъ, а въ иные дни не ходятъ; и отыдохомъ двѣ мили и стахомъ въ селѣ на приморьи; а село стоитъ подъ горою; тутъ застава стоитъ: турки товаръ досматриваютъ у торговыхъ людей; тутъ въ селѣ мостъ зѣло великъ каменный чрезъ рѣку; и въ томъ селѣ ряды что въ Царѣ-градѣ со всячиною, и строенье все каменное, улицы всѣ каменемъ выстланы; а та рѣка зѣло широка, будетъ съ Оку; изъ той рѣки вода приведена въ Царь-градъ. И въ томъ селѣ сжидались всѣ; стояли до вечера да и спустились въ ночь. Отъ Царь-града до Едринополя дорога вся каменемъ слана; гдѣ ручей хоша малый — тутъ мостъ каменный съ возводами. А хлѣбъ въ Турецкой землѣ поспѣлъ яровой за двѣ недѣли до Петрова дни. А ходятъ все въ Едрино вьюками, коньми, верхами все ѣздятъ, а телѣгами нѣтъ; только малое число арбами на волахъ. Тояже нощи минухомъ три села: всѣ стоятъ при морѣ; въ единомъ селѣ мостъ зѣло дивенъ каменный, веденъ чрезъ губу морскую; на добрую полверсту будетъ; дивно зѣло тотъ мостъ сдѣланъ; у насъ на Москвѣ чрезъ Москву дивно сдѣланъ, а тутъ добро бъ не дивнѣе нашего; въ Турецкой землѣ, гдѣ ни поѣзжай, всѣ мосты каменные; и селы — все строенье каменное, и улицы всѣ каменемъ слаиы; а воды всѣ по дорогѣ приведены въ столпы каменные; вода вездѣ подъ землею изъ дальныхъ мѣстъ; на трехъ верстахъ столпъ, на двухъ; нигдѣ нужда водная не изойметъ; зѣло предивно; во истинну златое царство и удивленію достойно. Тогоже дни придохомъ во градъ Веливри и тутъ стояхомъ до вечера; градъ хорошій, съ Бѣлевъ будетъ; городъ каменный. А стоялые дворы по дорогѣ зѣло удивительны сдѣланы: полаты длинныя съ воротами; а когда въ него въѣдешь, такъ по одной сторонѣ ясли, конемъ кормъ класть, а по другую людямъ лавки широкія подѣланы, да и горнушки: что хошь вари. Да въ тѣхъ же сараяхъ и отходы подѣланы, и воды приведены съ щурупами. А хозяинъ, чей дворъ, и рогожи принесетъ да и постелетъ всякому человѣку; а харчь всякую держатъ чего похощешь и вина; всего много; а постоялаго не берутъ; только харчь покупаютъ у нихъ. Изъ Царяграда ѣздятъ въ Ядринополь большими караванами, человѣкъ пять сотъ, четыреста, триста; обычай таковъ надлежитъ; и смирно зѣло; хошь одинъ поѣзжай.

Іюня въ 24 день пріидохомъ въ мѣстечко Чорное; зѣло хорошо; больше инаго городка; мечетей въ немъ много и всякій харчь много; и тутъ стояхомъ до ночи; и въ ночь поидохомъ; идохомъ ночь мало не всю; и въ утрій день

25-й пріидохомъ въ мѣстечко Бургасъ; будетъ съ городъ хорошій; и тутъ пребыхомъ до ночи; а шли мы изъ Царя-града въ Ядрино подлѣ моря полтретья дни; на третій день обратихомся отъ моря въ право къ Едрину; а шли въ Едрино все въ западъ лѣтній. А какъ подлѣ моря идешь ночью, и въ день двѣ шубы такъ хошь надѣнь, то въ пору зѣло подлѣ моря холодно; а когда отъ моря поворо-

тили въ степь, то было отъ жару всѣ сгорѣли; и того ради и ходъ бываетъ ночью, а въ день все стоятъ, что не льзя отъ зноя итти; оводъ сильный. Дивная та дорога и шествіе, когда изъ Царяграда до Едринополя идешь или въ Царь-градъ — посмотришь на караванъ: верстъ на пять идетъ; что въ маковой цвѣтъ посмотрѣть; всякій въ цвѣтномъ; да по вся дни такъ; тѣ въ Станбулъ, а иные изъ Царяграда: радостно то шествіе сильно и льстиво; нуждей никакихъ не бываетъ. А въ тѣхъ караванахъ турки, греки, жиды, армяне и многіе языки; а мы только двое да проводникъ; а никто насъ не обидилъ, ни хульнымъ словомъ не злословилъ, ни турчинъ, никто; только какъ наѣдетъ турчинъ, такъ молвитъ: бакъ папасъ московъ; а ты скажешь: московъ — онъ и поѣхалъ прочь. Отъ Царя-града до Едрина все степь голая, ни прутика нѣтъ; а дорога сильно гладка; горъ большихъ нѣтъ; а взволоки хорошіе таки есть. И еще минухомъ два мѣстечка; а въ послѣднемъ мѣстечкѣ тутъ царевъ сарай, тутъ стоялый дворъ лучше гостина двора; и тутъ ночевахомъ; тутъ среди двора колодезь зѣло великъ; а вода ровна съ обрубомъ стоитъ, зѣло премудро, а безъ престани берутъ воду и коней поятъ, а она такъ въ ровности стоитъ. Шли мы до Едринополя четыре дни; и въ пятый день о полудни пришли въ Едринополь.

Іюня въ 26 день пріидохомъ въ Едринополь и стахомъ въ ханѣ, сирѣчь въ стояломъ гостиномъ дворѣ; а держитъ тотъ дворъ (44) его земля и его строенія. Тутъ мы пріѣхавъ тогоже дни подали челобитную, чтобъ намъ дали указъ во Ерусалимъ; и торжаманъ (45) Александра сказалъ: сидите де въ ханѣ, указъ де вамъ готовъ будетъ. И во второй день захворалъ у меня товарищъ Григорій, а лежалъ три дни трудно сильно, да и нужно было; дни жаркіе такъ. Сильно тяжко въ Едринѣ отъ зною; въ Царѣградѣ лучше; отъ моря холодно бываетъ, и въ день прохладнѣе гораздо едринскова; а въ Едринѣ тяжко сильно въ день, когда въ день вѣтру не бываетъ.

Градъ Адринополь стоитъ въ степи, полъ его на горѣ, а полъ на ровномъ мѣстѣ; окладомъ и жильемъ побольше Ярославля; градъ каменный, хуже Царяграда; строенія, рядовъ много и товарны сильно ряды; мечетей сильножъ много; дворъ царскій стоитъ у рѣки, весь въ садахъ; рѣка подъ нимъ поменьше Москвы рѣки, да тиновата. А харчь гораздо дороже цареградскаго; а черезъ рѣку мостъ каменный, такой же что на Москвѣ рѣкѣ (чрезъ Москву рѣку длиненъ очень), а у моста также мельницы, что у насъ на Москвѣ рѣкѣ, только не тѣмъ переводомъ; у нихъ амбары на столбахъ, а шестерня высокая, а на колесахъ перья набитыя, а мелетъ хорошо; мы смотрѣли. А въ мечеть самъ Салтанъ ѣздитъ въ пятницу. Тутъ патріархъ Іерусалимскій живетъ; мы были въ его церкви, а въ тѣ поры онъ выѣхалъ въ Молдавскую землю за милостынею; митрополитъ тутъ живетъ; христіанскихъ греческихъ церквей много;

---

(44) Въ подлинникѣ пропущено, кто именно держитъ дворъ.

(45) *Торжаманъ* или *терджоманъ* тоже что толмачь, переводчикъ; до сихъ поръ употребляется на востокѣ.

жидовъ очень много, и армянъ много. Около Едринополя турецкому царю привольно за зайцы ѣздить: много лѣсу и садовъ. Турецкій царь великій трудъ даетъ своимъ всѣмъ подданнымъ, что онъ живетъ въ Едринѣ безъ престани: изъ Царяграда ѣздятъ турки, греки, жиды за челобитьемъ; а кабы онъ не жилъ въ Едринѣ, такъ бы такова пріѣзду не было. Въ Едринополѣ предъ нашимъ пріѣздомъ великій пожаръ былъ; много сильно выгорѣло; стали строиться вновь. Въ Едринѣ послѣ пожару зѣло христіанскую церковь приходскую выстроили греки хорошу; сказывали, что визирь де добрый человѣкъ; въ Царѣградѣ такой отнюдь ни самому патріарху не выстроить. Тако въ Едринѣ къ намъ турки добрѣе были цареградскова. Въ Едринополѣ поселянскаго народу больше цареградскова; тутъ уже все изъ селъ семьею и хлѣбъ и дрова и сѣно и всякій лѣсъ все буйлами (?) да привозятъ болгары. Жихомъ въ Едринополѣ шесть дней; и въ шестый день принесли къ намъ на дворъ указъ турецкій совсѣмъ запечатанъ. Такъ мы, нанявши подводы, да и въ седьмый день и поѣхали въ четвертокъ, а извозу отъ Царяграда до Едрина по три левка съ человѣка мы давали, а изъ Едрина по полтретья левка съ человѣка.

И поидохомъ изъ Едринополя въ Царьградъ Іюля въ 13 день и идохомъ до Царьграда также 5 дней: и въ пятый день рано пріидохомъ въ Царьградъ опять въ монастырь, гдѣ стояхомъ; а въ монастырѣ у насъ у рухляди жилъ нашъ третій товарищъ Лука; и тамъ мы опочихомъ, и утре рано поидохомъ къ Савѣ Венедику; онъ нами радѣлъ; спаси его Богъ! а мы имъ радѣли; выправили ему указъ къ Москвѣ ѣхать на Азовъ. И тако съ Савою мы поидохомъ къ пашѣ, чтобъ паша указъ подписалъ. Ходихомъ къ пашѣ четыре дня и въ пятый день паша намъ указъ подписалъ, и взяхомъ указъ у паши.

Іюля въ 26 день, помолившися Господу Богу и Пресвятѣй его Богоматери и святымъ небеснымъ силамъ и всѣмъ святымъ угодникомъ божіимъ — сѣдохомъ въ корабль и въ нощь отвезохомся отъ пристани, и стахомъ на Бѣломъ морѣ на якори противу Кумпопейскихъ воротъ, и тутъ ночевахомъ. И утрешній день стояхомъ мало на весь день тутъ; сжидались сидѣльцевъ, турокъ, грекъ во Египетъ; многіе шли греки и турки; и въ день недѣльный во исхожденіи дня на вечеръ подняша паруса и поидохомъ въ путь свой по Бѣлому морю; и бысть вѣтръ добръ и поносенъ; и во вторый день по захожденіи солнца минухомъ городокъ Калиполя: городокъ каменный хорошій и жильемъ пространенъ; въ томъ городку турки и греки живутъ.

И того же дни пріидохомъ въ городъ Старыя Костели. Два городка по обѣ стороны сидятъ; городки хорошіе; тутъ мы стояхомъ ночь и утро часу до пятаго; тутъ раизъ бралъ пропускную на свой корабль; а море узко то мѣсто, а тѣ городки у турка поставлены для воинскаго дѣла: не льзя кораблямъ то мѣсто пройти, тутъ море узко. И отъ того городка, поднявши паруса въ пол-дерева, и поидохомъ версты съ двѣ; опустили паруса, въ сандалъ (?) сѣли матросы и побѣжали ко брегу, отдали письмо проѣзжее, а ко брегу не приставали, опять на корабль возвратились. И поднявши парусъ, поидохомъ мимо городка, а сей городокъ, Новыя Костели, также по обѣ

стороны; отъ тѣхъ городковъ море уже разшиблось островами и шире: въ право пошло подъ Святыя горы. Отъ Царяграда до Костелей полтораста верстъ; а мы поидохомъ въ лѣво, и отъ тѣхъ городковъ видишь Аѳонская гора по захожденіи солнца; въ день не видать.

И въ 29 день пріидохомъ въ градъ Сакизъ; градъ зѣло хорошъ, старинный христіанскій; жильемъ пространенъ; а городовыя стѣны всѣ отъ Француза разбиты, какъ онъ его бралъ; вѣтренныхъ мельницъ зѣло много, всѣ каменныя. Тутъ нашъ раизъ отдавалъ сухари на каторги невольникамъ; въ Царьградѣ бралъ. Полатное строеніе все каменное; садовъ много зѣло всякихъ, и виноградъ дешевъ зѣло, вино дешево: по парѣ око; арбузы дешевы; лимоны по 20 за копѣйку; дыни дешевы. А стоитъ, какъ во Іерусалимъ идешь, на правой сторонѣ, на брегу моря, низко подъ горами высокими; невозможно пѣшему человѣку взойти; а горы всѣ каменныя; тутъ наши товарищи пошли въ городъ за харчемъ, такъ ихъ горачники засадили за горачь; такъ пріѣхавши намъ сказали, что вашихъ де турки посадили за горачь; такъ сѣдши въ сандалъ да и поѣхалъ ихъ выручать: ажъ ихъ турка и выпустилъ; сказались, что Московъ — такъ они и отпустили. А когда я вышелъ на брегъ ко граду, тогда меня обступили невольники; спрашивали про всячину: ради миленькіе; дѣлаютъ тутъ городъ, стѣны каменныя изъ земли ведутъ. Тутъ мы гуляли по городу и всякій харчь покупали, и вино, и виноградъ, и арбузы, и дыни, всячину на путное шествіе. Тутъ въ городѣ зѣло много грекъ; и митрополитъ тутъ живетъ; и тако мы ходихомъ по граду, а меня уже горачники не брали и не спрашивали; а когда нашихъ турки брали— тогда они сказали, что у насъ де на кораблѣ указъ у папаса. И пришедши на корабль ночевахомъ и утре подняхомъ парусъ и поидохомъ.

Августа въ 1 день пріидохомъ въ городокъ Сенбяки; въ томъ городку живутъ все греки, а турокъ нѣтъ ничего; а все корабленники до одного человѣка; когда они пойдутъ на море, такъ у нихъ одни бабы дома останутся; а то и попы всѣ на коробляхъ ходятъ въ промыслу; у иныхъ поповъ свои корабли. Городокъ Сенбяки стоитъ на горѣ зѣло высоко, а за нимъ еще втрое горы выше. Тутъ монастыри есть по горамъ, да я въ нихъ не былъ. Тутъ раизъ корабль съ запасомъ выгружалъ; и стояли мы тутъ семь дней; всѣхъ тутъ матросахъ домы и жены, такъ они изъ Царяграда всякій припасъ годовый привезли да выгружали всю семь дней и тоскали на себѣ на гору; чудное дѣло, каковы ихъ жены сильны; одна баба пщеницы полосминки въ мѣшку несетъ въ городокъ; а такая нужда на гору итти: мы бывало порожены, то пятью (46) отдохнешь на гору идучи, а онѣ безъ отдышки да еще босы, а такія острыя что ножи торчатъ; мы подивились тѣмъ бабамъ: богатыри!

Лиманъ подъ городкомъ, сирѣчь заводъ или пристань видѣхомъ. На острову школа греческая; прежде сего бывало тутъ греки учивалися, а турокъ нынѣ не даетъ тутъ учиться грекомъ. И того дня мы стояхомъ; вѣтру намъ не было; весь день мотались и туда и сюда; и тако весь день не было вѣтру попоснова; а отъ того мѣста море пошло безконечно ши-

---

(46) *Пятью*, т. е. пять разъ.

роко; въ право пошло подъ Египетъ, а въ лѣво подъ Іерусалимъ. А мы пошли къ Египту. И утре на первомъ часу рано подняли парусы всѣ и поидохомъ въ путь свой, и бысть вѣтръ зѣло добръ, и плыхомъ мы тою пучиною трое сутки день и нощь; зѣло было нужно: все блевалъ.

И Августа въ 11 день пріидохомъ къ Нилу-рѣкѣ, что изъ рая течетъ; зѣло мутна; море все смучено съ глиною верстъ на тридцать всюду кругомъ; и недошедъ устья Нила рѣки верстъ за пять стахомъ на якори, для того что тутъ отъ рѣки море мелко: пескомъ нанесло; а корабль всѣмъ грузомъ въ устья не пройдетъ, такъ пришли изъ Египта малова (а имя ему Рахитъ) малые корабли, да и взяли весь корабль что въ немъ грузу было, въ малые выклали, а карабль назадѣ порозжій повели; а насъ арапы взяли на маломъ кораблѣ да и привезли насъ въ Рахитъ городъ. Рахитъ зѣло хорошъ; пристань великая, а отъ устья моря Нила до Рахита—пристани верстъ съ десять будетъ, а строенье въ немъ лучше Царигородскаго. И когда мы пристахомъ ко брегу и увидѣхомъ арапскій родъ, зѣло ужасохомся; необычно такихъ людей видать что звѣри; кажется, тебя съѣсть хотятъ; а иные наги что мать родила, а всѣ изувѣрные; иной кривъ, иной разноокъ, иной кривоносъ, иной криворотъ, иной слѣпъ; а языкъ грубой что псы лаютъ. Такъ мы смотримъ, что будетъ; языка не знаемъ, а гдѣ стать, Богъ вѣсть? а есть ли тутъ греки или нѣтъ, Богъ вѣсть! спросить не у кого; что дѣлать? Тутъ-то уже горесть-та была; кажется, на онъ свѣтъ пришли и мнили, что конца дошли. А они арапы вскочили на корабль да рухлядь нашу долой волокутъ; работники у нихъ такіе; обычай таковъ: съ веревками пришли; они тянутъ, а мы имъ не даемъ для того что куда съ рухлядью-та итти. Потомъ пріиде въ разумъ, что у меня была грамотка въ Рахитъ ко игумену, такъ я сталъ кричать арапамъ *метоха* — молъ, туда насъ отведите. Такъ они сказали: знаемъ де, да взявши нашу рухлядь да и понесли; такъ тутъ стали юмручники досматривать, и я показалъ указъ салтанскій; они и смотрѣть не стали. Такъ насъ арапы повели до метохи сирѣчь до монастырскова подворья; и привели насъ не въ тое метоху, во Александринскую, а мы не знаемъ. Подали игумну грамотку; игуменъ намъ сказалъ: не ко мнѣ де грамотка; но къ Іерусалимскому игумну; такъ мы пошли искать. Повелъ насъ гречинъ; пришли въ метоху, анъ игумна нѣтъ; все бѣда! мы тутъ его ждемъ, анъ ему тамъ на бозарѣ про насъ сказали; такъ онъ, нанявши араповъ подъ нашу рухлядь, да и принесъ въ метоху, а мы только смотримъ; мы же игумну поклонились; игуменъ нашъ намъ радъ; я жъ ему подалъ грамотку; онъ же прочелъ да и сказалъ: добро-де, все что писано въ грамоткѣ, я де вамъ сдѣлаю. И услышалъ, что онъ трошки (47) по русски натяковаетъ, и я зѣло обрадовался; слава Богу, что хоть маленько языка русскаго знаетъ. Потомъ намъ молвилъ: не печальтесь-де, да насъ сталъ и хлѣбомъ кормить, да потомъ далъ по рюмкѣ вина церковнаго; такъ намъ поотраднѣло; мракъ-атъ сталъ сходить; добрый человѣкъ миленькой былъ этотъ игуменъ; грѣхъ его добродѣтель забыть; бывало, безъ меня пяди не пой-

(47) Немножко.

детъ; гулять ли на бозаръ? взявши за руку меня да и пойдетъ: добре де, не печалься, я де тобою уже буду радѣть; въ Іерусалимъ я де тебѣ корабль добуду, да не печалься; дѣло де твое все будетъ у меня сдѣлано. Такая была ужасть отъ араповъ, боимся съ двора сойти; страшны; ходятъ наги; дѣвушки лѣтъ по 12, по 15 ходятъ нагія; такъ какъ не ужасъ! а какъ уже присмотрѣлись, такъ и съ ними нѣтъ ничего; все сперва всякое дѣло съ приступа лихо, а потомъ оборкаешься — такъ и знакомо станетъ; а когда мы пришли въ Палѣевшину, такъ намъ тѣ казаки бѣси казались; а какъ пришли въ турки — такъ и ума не стало; вотъ молъ су то-то бѣси та; а когда съ турками опознались— будто русскіе стали; а когда пришли во Египетъ, такъ мы смотримъ на араповъ, да межъ себя говоримъ: вотъ молъ су то-то прямые-та бѣсы; а хошь и опознались, а таки что отъ бѣсовъ опасались; эти люди не разнились съ бѣсами и нравами, и поступками, и видѣніемъ, и лихостію; и слава про нихъ лежитъ во всю вселенную, что они люди добрые; стоятъ хорошихъ бѣсовъ.

И стали мы тамо въ Рахитѣ жить, а со арапами осматриваться, и по Нилу рѣкѣ гулять. Нилъ рѣка будетъ съ Волгу шириною, а бѣжитъ быстра и мутна, а воды пить не льзя ни по коему образу; а такъ наливаютъ въ сосуды, да миндальныя ядра кладутъ, такъ она отстоится и хороша станетъ; а Нилъ рѣка три мѣсяца мутна бываетъ; потомъ и счищаться станетъ. Въ великой Еѳіопіи, когда у насъ бываетъ зима, а у нихъ лѣто; отъ насъ къ нимъ солнце де забѣжитъ— такъ у нихъ въ мѣсяцѣхъ въ тѣхъ лѣто бываетъ; а когда настанетъ мѣсяцъ Май, такъ у нихъ станетъ зима становиться, а отъ нихъ къ намъ солнце въ сѣверныя страны зайдетъ; такъ у нихъ Май, Іюнь, Іюль, зима, морозы, снѣги глубокіе; а когда настанетъ Августъ мѣсяцъ, тогда у нихъ бываютъ дожди и зима пойдетъ долой; такъ та вода полая прійдетъ во Египетъ, Успеньевъ день и идетъ мутна три мѣсяца, и рыба не ловится въ тѣ поры; а изчистится въ Ноябрѣ: тутъ уже ловъ рыбной пойдетъ. Въ рѣкѣ Нилу рыбы много зѣло, а рыба все тарань, иной мало. Въ Рахитѣ по Нилу зѣло садовъ много и ѳиниковъ; ѳиники не дороги: фунтъ копѣйка сушеныхъ. Во Египтѣ дождя никогда не бываетъ; все рѣкою всю Египетскую землю напояютъ, вездѣ борозды проведены да воду по нивамъ пущаютъ. А Нилъ рѣка низка, берега низки, бѣжитъ въ ровень съ берегами. Овощь всякій въ Египтѣ дважды въ годъ поспѣваетъ, и хлѣбъ такожде дважды снимаютъ, а лимоны что мѣсяцъ, то плодъ. Отъ усть Нила рѣки до большаго Египта Ниломъ рѣкою пять сотъ верстъ, а кораблемъ въ верхъ, какъ добрый вѣтръ, въ три дни поспѣваютъ. По Нилу рѣки до Египта такіе комари сильные, что сказать нельзя; невозможно быть безъ полога, единой ночи не уснешь безъ полога, а когда мы пришли, такъ насъ комари объѣли, такъ рожи наши стали что пьяныя, угреваты, другъ друга не опознаешь, а на нихъ знаку никакова нѣту, хошь ихъ и ѣдятъ. И жихомъ мы въ Рахитѣ семь дней; и нанялъ намъ игуменъ корабль до Домятъ, до другой пристани, а иттить верхъ по Нилу рѣкѣ; а корабль арапскій былъ, и игуменъ насъ отдалъ арапомъ въ руки и приказалъ, чтобы никакой налоги намъ не

было, такъ раизъ очистилъ намъ корну и мы въ корну поклали рухлядь свою, да и сами сѣли и убрались всякою харчью.

И Августа въ 17 день сѣдохомъ въ корабль и поидохомъ вверхъ по Нилу рѣкѣ къ Домятину, къ другой пристани Египетской, а дали съ человѣка извозу по талеру. И той вѣтръ бысть зѣло поносенъ и добръ до полунощи, а съ полуночи престалъ, и стояхомъ тутъ до полудни, и видѣхомъ тутъ по Нилу рѣкѣ городковъ арапскихъ и селъ безчисленное множество, невозможно изчести, что песка морскаго, городокъ отъ городка верста да двѣ версты, а селы также, а жилье все каменное и селы узоричистыя вельми. А земля около Нила добрая и черная и ровная, будто нарочно дѣлана, нигдѣ нѣтъ ни бугорчика, хошь яицо покати, такова гладка, а людей многое множество, а вода во всю землю Египетскую пущена изъ Нила. Ино какъ съ корабля поглядишь, по всей землѣ только что небо да вода вездѣ. А гдѣ берега высокіе, такъ тутъ волами воду тянутъ, а колеса сдѣланы что мельничныя, да кушины навязаны, да такъ и наливаютъ: а индѣ кошелями люди льютъ. Зѣло земля Египетская довольна всѣмъ, и людьми и жильемъ. Что говорить! эта земля у Турка золотое дно, всячина изъ Египта въ Царьградъ кораблями идетъ. Нилъ рѣка что выше то шире, къ Египту индѣ есть верстъ на пять шириною. И шли мы Ниломъ рѣкою вверьхъ три дни и не дошедъ Египта верстъ за двадцать, поворотихомъ въ другую проливу внизъ по Нилу подъ Домятино. Тутъ Нилъ рѣка отъ Египта розшиблась двѣма гирлома: одно гирло пошло подъ Рахитъ, а другое подъ Домять. Удивительная земля Египетская, какъ посмотришь по берегу-то, вездѣ арбузы горами лежатъ, дыни, арбузъ дать копѣйка великъ, и дынь такожде въ подъемъ. А когда мы съ моря пришли подъ Рахитъ, такъ отъ усть Нила рѣки видить Александрія, а мы въ ней не были, верстъ съ десять только мы отъ нея стояли. А когда мы поворотихомъ внизъ три дни, и на четвертый день пришли въ Домять. Пристань Домять мѣсто хорошее, добро бы не больше Рахита и строеніе такое жъ. Зѣло этимъ у Турка пристани велики, и корабли египетскіе велики. А когда мы шли на корабли со Арапами, горько было сильно, люди то что бѣси видѣніемъ и дѣлы, а мы трое насъ что плѣнники, языка не знаемъ, а куда насъ везутъ, Богъ вѣсть, а хотя бы насъ куда и продали—кому насъ искать и на комъ? Да спаси Богъ игумена! онъ радѣлъ миленькой и приказалъ насъ беречи, такъ насъ хозяинъ арапъ сильно снабдѣвалъ и берегъ. А когда мы пришли въ Домять, такъ онъ арапъ кликнулъ греченина, да и отдалъ меня въ руки: на-де, отведи его въ метоху, такъ греченинъ нанялъ арановъ подъ нашу рухлядь да и пошли въ метоху въ монастырское подворье. Тутъ насъ игуменъ принялъ съ любовію и трапезу добрую учредилъ, а языка не знаетъ, да старецъ у него поваръ Сербинъ, онъ спасибо языкъ русской знаетъ, такъ намъ отраднѣе стало. Слава Богу! тутъ отъ печали поутѣшились, подали игумну грамотку, такъ онъ прочелъ грамотку, да и сказалъ мнѣ: добро де, корабль готовъ есть во Іерусалимъ, утре готовься со всѣмъ; такъ мы ему поклонились, а сами обрадовались, слава Богу, что безъ задержки Богъ далъ корабль идетъ.

И Августа 24 дня сѣдохомъ мы въ малый каикъ и поидохомъ внизъ по Нилу рѣкѣ на море, а корабль въ тѣ поры грузили на морѣ, и когда мы стали выходить во усть Нила рѣки на море, тогда насъ взяла погода великая. Зѣло мы убоялися, уже отчаяхомся своего спасенія и другъ съ другомъ прощахомся, только уже всякъ молкомъ (48) Бога въ помощь призываетъ, а въ сандалъ воды много налилось, и пришли на то мѣсто на устье самое, тутъ рѣка мелка, а волны къ мели, что горы высокія, съ моря гонитъ, а мнѣ грѣшнику пришло въ разумъ про отца Спиридона, и я началъ Богу молитися: Владыко человѣколюбче, помилуй насъ грѣшныхъ за молитвъ отца нашего Спиридона! О дивное чудо! какъ косенъ Богъ на гнѣвъ, а скоръ на послушаніе: видимъ какъ волна хощетъ пожрать совсѣмъ сандалъ, инъ недошедъ за сажень да и разсыплется; другая также напряжется, хочетъ пожрать да и разсыплется, а я су тожъ да тожъ: Господи помози за молитвъ отца нашего Спиридона. Да такъ-та насъ Богъ Свѣтъ спасъ, а уже до конца извѣстно, что въ томъ мѣстѣ насъ Богъ спасъ за молитвъ отца Спиридона. А когда перешли лихое мѣсто, вышли уже на море, тогда наши извощики окаянные арапы не везутъ насъ на корабль, дай-де намъ талеръ, мы де было отъ васъ пропали, потонули было, а имъ собакамъ тамъ напередъ за извозъ дали, а ихъ враговъ обычая-то не знали. Мы су то такъ, то сякъ, а они и веслы покинули, да и грѣсть перестали. Охъ бѣда! что съ собаками дѣлать? а до корабля будетъ еще съ версту добрую, а видимъ, что корабль готовится къ подъему, а они не везутъ, дай-де талеръ такъ и повеземъ, такъ стали переманивать: у меня молъ денегъ нѣтъ, раизъ молъ тебѣ за насъ дастъ, такъ они собаки едва повезли; а когда привезли къ кораблю, такъ насъ матросы тотъ часъ приняли и рухлядь нашу, а Арапы и стали просить дай талеръ, такъ я раизу сказалъ, что молъ мы имъ за работу, что рядили, то въ Домяти напередъ и дали, они молъ насъ безъ денегъ и не повезли, такъ раизъ ухватя рычагъ да кинулся на нихъ, а они и отпихнули скорѣй отъ корабля да и поѣхали на море: люты собаки злодѣи арапы.

Августа въ 24 день противу пятаго часа въ нощь поидохомъ по морю и поднявши парусы все бысть вѣтръ добръ, и идохомъ три дни и три нощи и не бысть намъ вѣтру добраго во Іерусалимъ, но поидохомъ мимо выше. Намъ же сказаша матросы, что Іерусалимъ минухомъ, такъ намъ тогда бысть печально и скорбно зѣло, и тако въ четвертый день придохомъ въ градъ Птоломаиду, а турецкое именованіе Акри, градъ бывалъ зѣло хорошъ и предивенъ бывалъ, а нынѣ весь разоренъ отъ турка. Тутъ живетъ митрополитъ Птоломаицкой; церковь въ немъ одна только христіанская, а христіане арапы; добры миленькіе сильно до насъ были, а иные насъ къ себѣ и въ домы зывали хлѣба ѣсть. Отъ того града до Ѳаворской горы верстъ съ тридцать, а до Назарета верстъ съ двадцать. Тутъ подъ тѣмъ градомъ гора Кармилская, гдѣ Илія заклалъ жерцовъ идолскихъ Езавелиныхъ; зѣло гора узорична, брусомъ вышла въ море, высока зѣло; тутъ и потокъ Киссовъ подъ го-

(48) Вмѣсто *молчкомъ*.

рою, рыбы въ немъ зѣло много; въ той въ полугорѣ монастырь Иліи пророка, а живутъ въ немъ французы; турокъ имъ отдалъ. а отъ града до Кармилскія горы верстъ съ десять черезъ затонъ, около затона верстъ съ двадцать будетъ. Межъ града и горы великій затонъ; тутъ корабли убѣгаютъ отъ хартуны въ затишіе. Тутъ мы по граду ходихомъ гулять; видѣхомъ, прежняго царя какъ палатное было строеніе; зѣло узорично. Церковь была Іоанна Богослова зѣло предивна. А когда мы ходихомъ и увидѣхомъ въ башнѣ много плотей человѣческихъ не въ разсыпаніи цѣлы, и саваны какъ теперьво положены; и мы вопросихомъ старца, кой насъ водилъ, что молъ это за тѣла лежатъ что они въ цѣлости и чего ради въ такомъ мѣстѣ и въ презорствѣ? И онъ намъ сказалъ: дивная де вещь надъ этими людьми сотворилась; уже де имъ близь трехъ сотъ лѣтъ; когда де турокъ подъ этотъ градъ приступилъ и не взялъ, такъ де измѣнщики, похотя турку градъ сдать, выстрѣлили письмо на стрѣлѣ и указали, съ которой стороны приступать. Такъ турки съ той стороны стали приступать да и взяли градъ Птоломаиду; потомъ довѣдался митрополитъ, что стала изъ города измѣна, да въ церкви и проклялъ ихъ тѣхъ измѣнниковъ и родъ ихъ; и тотъ де весь родъ тутъ лежитъ: коего де не погребутъ, а земля и выкинетъ вонъ; такъ де потомъ и знаемъ, что тотъ человѣкъ того роду; да все де ихъ отъ тѣхъ поръ тутъ кладутъ: такъ де бывало ужасъ отъ нихъ; мимо пройти нельзя, что живые лежатъ. А когда де патріархъ Іерусалимскій ѣхалъ въ Царь-градъ и тутъ де къ намъ заѣхалъ, такъ де стали его граждане молить, чтобъ ихъ разрѣшилъ; такъ де патріархъ Досиѳей проговорилъ надъ ними молитву разрѣшальную, такъ де они разсыпались, а то де ужасъ былъ. Этакая диковинка, а теперво на нихъ такъ ужасъ смотрѣть.

И жихомъ во Акрѣхъ четыре дня и поидохомъ еще выше, а намъ сильно печально, что насъ раизъ не везетъ къ пристани Іерусалимской; да нечто сдѣлаешь, коли ему не въ путь; онъ все наровитъ какъ назадъ пойдетъ во Египетъ, такъ такъ-то хощетъ завесть. И добывахомъ проводниковъ, ктобы проводилъ до Іерусалима; такъ намъ сказали, что ни по коему образу этимъ де путемъ не пройдешь отъ арапъ, а всего хода четыре дня, да нельзя. Увы да горе! а хочется во Іерусалимъ, чтобы къ Воздвиженіеву дню, да уже такъ промыслъ Божій былъ. А въ тѣ поры въ Іерусалимѣ не ладно было; арапы было весь Іерусалимъ разорили. Горько было намъ; мы уже у раиза прошались, чтобы насъ отпустилъ: въ тѣ поры корабль шелъ до пристани; а онъ намъ сказалъ, что вѣть де спѣшите; ай де мой хлѣбъ-отъ вамъ надокучалъ? да еще де будетъ съ васъ, не отпущу де я васъ, не поставивши у пристани; срамота де моя, что де васъ на иной корабль отпустить; не будетъ де того. Добрый человѣкъ былъ раизъ, спаси его Богъ! Христіанская душа миленькій былъ. Бывало, приказываетъ всячину давать намъ ѣсть и пить, возилъ насъ по морю четыре недѣли, поилъ и кормилъ, и за корабль не взялъ. А матросы что братья были родные; все безъ выбора были добры; да полно языка-то не знали, а тобы и лучше того было. Изъ Акрей поидохомъ въ Виѳсаиду-градъ и идохомъ день.

Сентября во 2 день пріидохомъ въ

Виѳсаиду градъ. Виѳсаида зѣло стоитъ при морѣ красовито и пристань хороша корабленная. Тутъ мы поидохомъ во градъ; тогда про насъ сказали митрополиту; такъ митрополитъ велѣлъ насъ къ себѣ позвать; и мы пришли; такъ онъ велѣлъ сыскать толмача съ нами говорить; потомъ велѣлъ намъ обѣдать дать; и мы обѣдали; рыбы было довольно; а митрополитъ родомъ арапъ; а голова у него обрита почитай вся. Потомъ пошли мы въ церковь и митрополитъ пришелъ; а мѣсто у него сдѣлано у царскихъ дверей межъ иконъ; такъ люди на него глядя и молятся; съ иконами врядъ стоитъ лицемъ на западъ. Мы смотримъ, что молъ это еще за уставъ? инъ глядимъ, такъ еще не видали. Послѣ вечерни мы спросили про него; анъ сказали: да что де су онъ де христіанства отступилъ; онъ де принялъ папежство; а патріархъ Антіохійскій и клятвѣ его предалъ; онъ де и мясо ѣстъ въ посты. А Виѳсаида градъ епархіи Антіохійскаго патріарха; такъ мы су отъ него уклоняться; пропади молъ онъ окаянный. Опять за мною не единожды присылалъ, такъ я не пошелъ; ну онъ къ Богу! А тутъ во градѣ церковь папежская, костелъ; такъ его французы обольстили въ свою вѣру. Тутъ мы стояли пять дней; потомъ раизъ корабль со пшеницею выгрузилъ, да инымъ тутъ товаромъ нагрузилъ, кой потребенъ во Египетъ, малымъ лѣсомъ. Потомъ поднявши парусъ пошли вспять ко Акрѣмъ и идохомъ съ полдня; изъ дерева увидѣлъ караулщикъ и закричалъ, что идетъ голенъ разбойническій; такъ взмѣтался раизъ; велѣлъ парусы оборачивать; и поидохомъ вспять къ Виѳсаидѣ; и тако ночь всю бродили на одномъ мѣстѣ; вѣтръ былъ намъ противный, такъ по морю корабль шатался туда и сюда. А поутру поглядимъ, анъ на томъ же мѣстѣ все шатаемся. Потомъ сталъ вѣтръ по насъ, и къ полудни пріидохомъ опять въ Виѳсаиду; и тутъ мы стояхомъ еще три дни; прослушивали про разбойниковъ; и въ четвертый день поидохомъ подъ Акри (что Птоломаида) и тутъ о полуночи пристахомъ. Тогда нощи бысть буря зѣло велика, а корабль нашъ отъ нужды волнъ зѣло разбивашеся, и тако та буря зѣло меня утомила, и бысть весь огнемъ палимъ; тако въ одной свиткѣ на кораблѣ ночь всю валялся, а вѣтръ въ меня билъ; да и забѣжалъ въ меня вѣтръ морской; такъ я и занемощевалъ, такова была болѣзнь: три дни ни сидѣть, ни лежать, ни стоять, ни ходить; матъ да и все тутъ. А корабленники миленькіе кой что несетъ, изъ города купятъ, тотъ то, иный иное, да сидятъ надо мною да и заставливаютъ ѣсть; иной арбузъ принесетъ да дастъ, иной алимоновъ, иной яблокъ райскихъ, иной дыни, иной винограду; не опишешь ихъ добродѣтели, каковы миленькіе добры были; кажется ни сродницы таковы. Что дѣлать? уже мнѣ смерть ставится; такъ я легъ, да шубами куцами меня укутали; такъ я вспотѣлъ, такъ полегче стало. Въ Виѳсаидѣ дыни, арбузы зѣло недороги, винограду на копѣйку полу насыпать; райскихъ яблокъ двадцать за копѣйку, яицъ двѣнадцать, тринадцать за копѣйку; смоквины свѣжія зѣло недороги: ведро великое копѣйку дать; во Акрѣхъ все дороже.

Сентября въ 14 день, на праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста Господня, ѣдши хлѣба послѣ полуденъ, поидохомъ изъ Птоломаиды на пристань Іерусалим-

скую и въ нощи пріидохомъ ко граду Іопіи, а по турецки преименованъ яфа, пристань Іерусалимская; тутъ апостолъ Петръ пребывалъ у Симона, у сморя (49) градъ хорошій да нынѣ весь разоренъ: прежде отъ турка, потомъ отъ француза. Іопія стоитъ при морѣ на горѣ красовито, а въ немъ жилья не много. Турки живутъ да арапы христіане. У христіанъ одна церковь, и та на полѣ; только стѣны, ато не покрыта; верьхъ сбитъ и дверей нѣтъ, а служитъ въ ней черный попъ, присланъ изъ Іерусалима, тутъ таки живетъ на подворьѣ Іерусалимскомъ; а тутъ онъ живетъ для богомольцевъ; пришедши богомольцы тутъ и стоятъ на подворьѣ томъ. А служитъ той попъ въ церкви по воскресеньямъ да по праздникамъ, а въ прочіе дни въ кельи служитъ. А какъ мы съ корабля пріѣхали въ городъ и пришли въ метоху, и тотъ попъ насъ принялъ и мѣсто намъ далъ; потомъ учредилъ намъ трапезу хорошую; а богомольцовъ еще никто на пристань не бывалъ, мы еще перьвые пришли. И препочихомъ тутъ два дни; прислалъ по насъ бей турченинъ, кой тутъ начальникъ; онъ сбираетъ на турка дань, мы же пріидохомъ къ нему въ палату; онъ же вопроси насъ: что за люди? откуда пришли? давайте де горачь. Мы же сказалися ему, что мы люди Московскіе; мы, молъ, тебѣ горачю не дадимъ.—Для чего де не дадите?—И мы сказали, что у насъ есть ферманъ Салтанскій, да и подали ему листъ Салтана Турецкаго, онъ же сталъ чести, а сами межъ себя сидя другъ на друга взглядываются да головами качаютъ. И прочетши листъ, спросилъ у меня: бакъ папасъ, московскій де царь бьется ли съ нашимъ царемъ Турскимъ? и я ему сказалъ: что у нашего царя Московскаго съ Турецкимъ миръ, брани нѣтъ. И онъ Турчинъ молвилъ мнѣ: бакъ папасъ, смотри де; и я на него гляжу, такъ онъ поднявши листъ царскій поцѣловалъ, на главу положилъ, потомъ къ челу приложилъ, а самъ мнѣ молвилъ: вотъ такъ де мы царскій указъ почитаемъ, все де тебѣ противъ указа сдѣлаемъ; поидите де топерьво въ метоху, по времени де тебѣ подводы дадимъ и отпущу де тебя во Іерусалимъ. Такъ я и пошелъ, чтобы подводы далъ и проводниковъ; и бей мнѣ сказалъ: не отпущу де я тебя, нельзя де тебѣ итти во Іерусалимъ, тамъ де за меня теперьво великій разбой де стоитъ на дорогѣ. А въ тѣ поры въ Іерусалимѣ паша Турецкій казнилъ араповъ воровъ и бунтовщиковъ; лучшихъ араповъ паша казнилъ, да головы ихъ на колья воткнулъ, да и поставилъ надъ градскими воротами: такъ за то арапы возмялися, да и писали во всѣ веси арапскія, чтобъ съѣзжались ко Іерусалиму; такъ потому арапы-дичь изъ пустыни, изъ Египта отъ Синайской горы съѣхалися; а паша въ тѣ поры въ Іерусалимѣ не былъ; онъ ѣздилъ за разбойниками имать ихъ; а воевода согласился со арапами да и пустилъ ихъ въ городъ; да заперся съ ними; а иные поѣхали за пашей, лазятъ; такъ паша съ ними бился, что съ собаками. А въ городъ его во Іерусалимъ арапы не пустили; такъ онъ ѣздилъ да улусы арапскіе разорялъ, а ихъ ималъ, такъ арапы-то насъ не пропустили; всѣ собаки пути залегли; да такъ-то паша-то съ ними бился недѣль съ семь, а мы

(49) *Усморь* или *усмарь*—кожевникъ.

всѣ тутъ сидѣли: грустно было сильно. Градъ Іопія стоитъ убогая самая; только славенъ приходомъ Іерусалимскимъ, что тутъ пристань изъ Іерусалима: везутъ мыло, бумагу хлопчатую, а изъ Египта приходитъ пшеница, пшено сарочинское, да во Іерусалимъ везутъ. А изъ Іерусалима всячину, дрова, товаръ—все велбудами да и шаками малыми возятъ, что ослята называются, все вьюками. Тамъ нѣтъ да не льзя телѣгами; горы непроходимыя и высокія. А когда мы жили въ Іопіи, видѣхомъ бѣдство великое, какъ разбойники разбиваютъ корабли; а разбойники Малтискаго острова нѣмцы, люты злодѣи; все море затворили; ихъ отпущаетъ разбивать папа Римской изъполу да и благословеніе даетъ имъ; на всякій годъ отпущаетъ по тринадцати голенъ; такъ они, какъ поймаютъ корабль христіанскій, такъ товаръ, деньги поберутъ и сары (?) христіанскія всѣхъ отпустятъ, и корабль кораблеиннику порозжій отдадутъ; а турки прилучатся на христіанскомъ кораблѣ, то всѣхъ въ полонъ возьмутъ да и на каторги къ папѣ пошлютъ; возмутъ такъ совсѣмъ, въ свою землю отведутъ, а турокъ всѣхъ на каторгу отдадутъ. Горе отъ собакъ отъ Малтизовъ! все Бѣлое море затворили; турокъ не можетъ съ ними управиться; они подъ самый Царь-градъ подъѣзжаютъ да селы разбиваютъ; таковы лихи Малтизы.

И жили мы въ Іопіи три недѣли; потомъ послѣ Покрова пришелъ корабль изъ Царь-града, а на кораблѣ были богомольцы разныхъ вѣръ, греки, армеи, французы, жиды. А на другой день турчинъ начальникъ прислалъ подъ насъ подводы и повели насъ арапы въ городокъ Ромель, пятнадесять верстъ отъ Іопіи. И того же дни придохомъ въ Ромель-городокъ, а когда богомольцы пришли во Іопію, тогда турки со всякаго человѣка съ грека брали по восьми талерей; а со армянъ и съ французовъ, съ жидовъ по шестнадцати талерей; вдвое кто не греческой вѣры; да и печатки всякому человѣку даютъ; а куда пойдутъ изъ города, такъ печатки обираютъ, чтобъ другъ другу инымъ межъ себя не давали; да такъ въ воротѣхъ по одному человѣку перебираютъ да печатку возьмутъ да и пропустятъ. А когда въ кой день пришли богомольцы, такъ тутошній черный попъ, кой въ метохѣ живетъ, дѣлалъ обѣдъ про богомольцовъ а на обѣдъ ходилъ съ блюдомъ и бралъ съ человѣка по червонному, по талеру; меньше не бралъ. Въ Іопію харчью сильно убого, нѣтъ никакой харчи; виноградъ дорогъ; хлѣбъ также; яицы дороги; а рыба временемъ бываетъ дешева, а иногда дорога. Да тутъ же передъ нами въ Іопію шелъ изъ Египта корабль зѣло великъ и разбойники Малтизы за нимъ гнали; такъ ужъ близь Іопіи верстъ за десять корабелникъ подержался близь берега, а корабль весь и разразился о камень; а товаръ потонулъ весь, разнесло моремъ; такъ кораблеиники съ корабля покидались иные въ сандалъ, иные такъ совсѣмъ бросались въ воду да выплывали; а прилучилось ночью; такъ раизъ со всѣми матросы прибѣжали пѣши во Іопію; такъ бей съ войскомъ пошелъ до того мѣста, да таскали кое что; а товаръ весь разнесло, ничего не нашли; только кораблеиныя снасти побрали; а то все пропало.

Октября 7 день пріидохомъ въ Ромель градъ и стахомъ въ метохѣ монастырской; тутъ одинъ старецъ Іеруса-

лимскій живетъ для богомольцевъ. Градъ Ромель побольше Іопіи, а стоитъ въ полѣ, нѣтъ подлѣ его ни рѣкъ, ни колодезей, а отъ моря 15 верстъ; да отъ турка весь разоренъ; а приволенъ всячиною; много селъ подлегло; два торга въ недѣли бываетъ; винограду на копѣйку полу насыпать; финики дешевы; лимоновъ 30, 40 за копѣйку; смоквы зѣло не дороги: плетенка за копѣйку сушеныхъ; яицъ восемь и десять за копѣйку; масло коровье дорого: десять денегъ, два алтына; бумага хлопчатая дешева; фунтъ четыре деньги; а пряденая по осьми денегъ; то и торгъ, что бумага. И земля хлѣбородная и хлѣбъ дешевъ печеный. А когда сошлись всѣ богомольцы, тогда всякій харчь дорогъ сталъ, потому человѣкъ тысячи полторы было, а городина небольшая — такъ бывало и не добудешь хлѣба купить. Въ Ромлѣ одна церковь христіанской вѣры, а другая армянская, третья французжкая сирѣчь папежская. А мы жили съ греками на Іерусалимскомъ подворьѣ у церкви святаго великомученика Георгія; та церковь что пишется въ чудесѣхъ святаго Георгія; когда ее строили и какъ вдовица столпъ восхотѣла тутъ же въ церковь поставити, и кораблениикъ вдовицинъ столпъ не восхотѣлъ въ корабль положити; и когда пришла вдовица ко брегу пристанища морскаго и увидѣла, что ея столпъ не взятъ, тогда она плакала; и пришедъ святый Георгій рекъ женѣ: помоги ми сей столпъ вкатити въ море; и тако святый Георгій невидимъ бысть. А когда кораблениикъ пришелъ ко пристанищу ко Іопіи и увидѣлъ столпъ у пристанища лежитъ и тогда ужасеся; а на столпѣ подписано: *сей столпъ да поставится въ церкви, входя въ церковь на лѣвой странѣ;* а когда церковь состроили — тогда тотъ столпъ поставили въ церкви святаго великомученика Георгія, какъ войдешь въ полуденныя двери на лѣвой рукѣ, а въ той церкви западныхъ вратъ нѣтъ, только полуденныя. А у того столпа стоитъ чудотворный образъ святаго великомученика Георгія въ кіотѣ, тотъ образъ на который стрѣлялъ турченинъ, а послѣ сталъ христіаниномъ, да и замучился, что̀ въ чудесѣхъ святаго Георгія; мы же грѣшные тотъ чудотворный образъ по вся дни лобзахомъ. Въ Ромли три подворья разныхъ вѣръ: первое греческое, второе армянское, третье французское и папежское. Французское и армянское подворье зѣло узорично, строеніе, палаты каменныя, дивныя, что городы; а греческое не таково; да у грекъ и все хуже еретиковъ; они злодѣи богаты, такъ лучшія мѣста у турка откупили; а грекамъ все худое дано для того, что греки оскудали и вѣрою и имѣніемъ. А когда мы жили въ Ромли, видѣли свадьбы арапскія, зѣло странныя; недѣлю цѣлую женихъ съ невѣстою ходитъ по ночамъ по улицамъ, по рядамъ многолюдно со свѣчами, со смолою на желѣзныхъ козахъ носятъ; градъ весь освѣтятъ; а за женихомъ и передъ женихомъ множество народа мужеска пола и женска кричатъ, верещатъ, а ходятъ по всѣмъ улицамъ; гдѣ пріидутъ къ большой улицѣ и остановятся; да одинъ кой-то колдунъ вышедъ напередъ и станетъ приговаривать, а за нимъ помѣшкавъ мало да весь народъ закричитъ: *хананея*; да тамъ пойдутъ въ иную улицу; до полуночи такъ таскаются; а что у нихъ *хананея*, шайтанъ ихъ знаетъ. Да и христіанскія у нихъ свадь-

бы также тѣмъ же обычаемъ. А когда мы стояли въ Ромли за арапами, тогда намъ намѣстникъ присылывалъ грамотки утѣшныя, чтобъ богомольцы не печаловались; а принашивалъ намъ грамотки чернецъ, родомъ арапъ; и прихаживалъ онъ мудро, надѣвъ желѣзы святаго Георгія, въ которыхъ онъ мученъ; такъ арапы Георгія боятся, да того человѣка не трогаютъ а желѣзы цѣлуютъ; а тому человѣку даютъ хлѣбъ и овощь. И тутъ намъ живучи скорбно было сильно: Іерусалимъ близко, а арапы собаки не пропустятъ; только за горами не видать Іерусалима! Увы да горе! А иные поумышляли и назадъ итти; сколько бѣдства было на сухѣ и на морѣ; на сухѣ было бореніе съ мразами сильными, съ водами, дождями, съ грязьми, съ лихими переправами; страхи были отъ варваръ отъ турецкихъ разбойниковъ, франковъ бѣгали; а тутъ пришли подъ Іерусалимъ да назадъ итти! Увы да горе! А сами помышляемъ: Владыко человѣколюбче, почто ты, свѣтъ нашъ, не допустишь насъ видѣти своего святаго града Іерусалима и живоноснаго твоего гроба лобзати? А сами думаемъ: ужъ-то молъ не допустятъ насъ грѣхи наши тяжкіе; а сами отъ тяжкаго воздыханія и хлѣба лишились. И видя насъ скорбныхъ, того же града Ромли греческой вѣры подъячій арапъ и позва насъ всѣхъ грековъ къ себѣ въ гости хлѣба ѣсть, учреди намъ трапезу пространну и удоволи насъ всячиною, брашномъ и питіемъ, довольно; а насъ гостей было человѣкъ двѣсти; и ласковалъ насъ словами, уговаривалъ: не печальтесь, Господа ради; вотъ де уже скоро пойдете во Іерусалимъ; мнѣ де есть вѣдомость, что скоро будетъ со арапами миръ. Когда мы жили въ Ромли, слышатъ арапы разбойники, что мы живемъ въ Ромли, а во Іерусалимъ нейдемъ; а они насъ на дорогѣ межь горъ засѣли да ждутъ; такъ они видятъ, что мы нейдемъ; такъ тѣ разбойники сдумавши да и ударили на градъ среди самаго дня въ полдни, человѣкъ съ двѣсти конницы; и прибѣгши на самый базаръ въ ряды да и почали грабить кто ни попался; а богомольцы, видя такую бѣду, да въ монастыряхъ и заперлись; а арапы и почали по улицамъ рыскать на коняхъ съ копьями; мы же взлѣзши на верхъ и смотрихомъ что будетъ; и учинился бой великій у разбойниковъ съ градскими людьми со арапами же да съ турки, и граждане прогнали ихъ въ поле далече; разбились съ ними близь часа; только Богъ помиловалъ; со обоихъ сторонъ урону не было; только ранились межь себя; а они было собаки за тѣмъ и пріѣхали что насъ было разбить; вѣдаютъ, что идемъ съ казною большою; какъ бы ночью, такъ бы всѣхъ разбили; а оплошно сильно жили; едакое бѣдство отъ собакъ араповъ; только съ ними. И на третій день послѣ побоища пріѣхалъ къ намъ въ Ромель паша съ войскомъ; все конница, а служивые были всѣ болгары христіанскія дѣти, да турокъ нуждою потурчилъ, а людъ зѣло крупенъ, да и храбры. Бывало къ намъ приходятъ въ монастырь да говорятъ съ нами; съ болгарами богомольцы привѣтливы сильно; хоша басурманы, а таки искра-то христіанская-то есть. И пріѣхавши паша на третій день выкинулъ на базаръ двухъ араповъ переводчиковъ удавленныхъ, а въ день люди ходятъ да на нихъ каменьемъ бросаютъ; да и закидали ихъ каменьемъ. И мы спрашивали, что молъ это за люди? такъ намъ

сказали: были де толмачи панежскіе, а жители де Ромельскіе; да много де отъ нихъ смуты было у паши со арапами; когда съ пашою, тогда все на араповъ вину говорятъ; а когда пріѣдутъ ко арапамъ, такъ на пашу наговариваютъ; и отъ того двоязычества бѣдство бывало великое. А когда паша пришелъ въ Ромель и свѣдалъ ихъ двоязычество, тогда вскорѣ велѣлъ ихъ удавить; такъ по малу мятежъ сталъ переставать. А паша писалъ къ турецкому своему салтану на воеводу Іерусалимскаго, что воевода сложился со арапами да его въ городъ не пустилъ; а воевода писалъ на пашу, «что паша «араповъ напрасно казнитъ; такъ де «сталъ бунтъ великій; хотѣли де градъ «разорить, и я де видя араповъ мно«жество, пріѣхали дись изъ пустыней, «и сталъ де имъ снаравливать; а ихъ де «множество, а насъ де малое число; и «ты де пришли инаго пашу; такъ де и «мятежъ перестанетъ.» И такъ царь розналъ у нихъ вражду; Холѣпскова послалъ пашу въ Іерусалимъ, а Іерусалимскаго въ Халѣпъ. Потомъ мятежъ по малу сталъ утихать.—Да тутъ же недалеко отъ Ромли градъ Лида, гдѣ Георгія святаго тѣло положено; а та Лида отъ Ромли версты съ три; а нынѣ мѣсто то разорено все; и церковь мученикова вся разорена; зѣло узоричиста была, а нынѣ только алтарныя стѣны стоятъ. А гдѣ гробъ его былъ, на томъ мѣстѣ могила землею осыпана; а мощи его нынѣ гдѣ— про то Богъ вѣсть; никто не вѣдаетъ про нихъ. Да видѣли жъ мы, въ томъ же Ромлѣ въ церкви, какъ христіанскіе арапскіе робята говорятъ въ службѣ зѣло глумно (50), а намъ не обычно; когда начнетъ одинъ говорить: Блаженъ мужъ— а другой отпихнувъ того да второй псаломъ станетъ говорить; да что псаломъ— то канархъ; а стихиры также всѣ по стиху сказываютъ; а у всякаго ребенка, за пазухою носитъ и псалтырь и актаи маленькіе: а когда они станутъ говорить, такъ другъ передъ другомъ въ захватъ межу себя; кто сильнѣе, тотъ больше говоритъ. А учатся у нихъ не по нашему: съ утра до полденъ учитъ часовникъ или псалтырь; а съ полденъ до вечера стихиры во октаи, въ минеи того дня прилучившагося; да и сказываетъ въ церкви: таковы тщательны. А прежде учатся арапскимъ языкомъ грамотѣ, потомъ греческимъ; греческую грамоту добре умѣютъ и поютъ; а языка простаго не знаютъ и разума книжнаго; не разберутъ греческихъ книгъ. И стояхомъ мы въ Рамлѣ полчетверты (51) недѣли; потомъ паша прислалъ ко всѣмъ богомольцамъ, чтобъ были готовы итти во Іерусалимъ, а на другой день рано часа за три до свѣта пригнали арапы велбудовъ, кони и шаки малые; и стали класть рухлядь на кони; подъ всякаго человѣка по два коня. И была задуха великая; едва выбрались въ поле; улицы всѣ наполнены были, пройти нельзя было. И выбрались на поле часу въ пятомъ дни; и сбирались тутъ всѣхъ вѣръ; и паша самъ выѣхалъ за городъ насъ провожать. И какъ выбрались всѣ въ поле.

Ноября въ 28 день въ шестомъ часу дни мы, помолившеся Господу Богу и Пресвятѣй его Богоматери, и поидохомъ изъ Ромли ко святому граду Іерусалиму всѣмъ караваномъ: было человѣкъ тысячи полторы разныхъ вѣръ. Потомъ

(50) *Глумно*, отъ *глумиться*—смѣшно.

(51) Три съполовиною.

арапы стали насъ бить, грабить; осыплютъ, что пчелы; рвутъ за ризы, трясутъ долой, съ лошади волокутъ; дай пара̀, обушкомъ межи крылъ дубиною, иной въ груди суетъ, дай пара̀; дать бѣда, а не дать другая; только кто кошелекъ вынелъ, анъ другой съ стороны и вырвалъ совсѣмъ; а не дать, такъ бьютъ; а станешь давать—такъ съ однаго мѣста четверть часа не пустятъ, что отъ собакъ не отобьешься. Посмотришь: вездѣ стоитъ крикъ да стонъ, бьютъ, грабятъ; иной плачетъ убитъ, иной плачетъ ограбленъ, вездѣ гоняются за однимъ человѣкомъ араповъ по десяти, по двадцати; многіе коней и рухлядь покидали да такъ отъ нихъ собакъ бѣгаютъ; а больше псы извощики тутъ же воруютъ; тутъ же мотаются межи тѣхъ; да извощики-то изъ тѣхъ же селъ разбойническихъ, такъ имъ кстати воровать-то собакамъ; тѣже разбойники: перебѣгаючи грабятъ передніи назадъ, а задніи напередъ; бабъ-то миленькихъ бьютъ; пришедши возметъ бабу-ту или дѣвку за ногу, да такъ съ лошади доловъ волочетъ да бьетъ: дай пара̀! Бѣдство великое! отъ араповъ пощади Господи, подобно что на мытарствахъ отъ бѣсовъ; истые бѣсы! зѣло насиліе великое творятъ. А паша окаянный только славу-ту учинилъ что за городъ выпроводилъ да деньги обобралъ съ человѣка по гривнѣ, алтына по два, да пхнулъ межъ горъ къ арапамъ; а за нами проводники и назадъ. А я грѣшникъ и лошадь покинулъ да все бѣгалъ пѣшкомъ; такъ они не такъ нападали; а когда набѣгутъ арапы созади или встрѣчю и хотятъ грабить и бить, такъ я нашелъ на нихъ ружье острое: Бога свѣта призову на помощь да безпрестани кричу къ Богу-то: Владыко человѣколюбче, помози за молитвъ отца нашего Спиридона; такъ они и прочь отъ меня; да паки они набѣгутъ арапы — такъ я таки тожъ да тожъ; а они иной въ глаза заглянетъ, а самъ заворчитъ да и прочь; а я самъ удивляюся человѣколюбію Божію; знать молъ, что Богъ любитъ Спиридона. Да спаси Богъ арапа моего извощика; много имъ отбивался; гдѣ набѣгутъ арапы станицею, хотятъ грабить и бить, а онъ наровитъ дубиною самихъ; они станутъ съ нимъ шумѣть, а я въ тѣ поры уйду у нихъ; потомъ иная станица набѣжитъ, а онъ опять съ ними драться станетъ, а я таки уйду; да такъ-то весь день калюкалъ; а я су выневши да ему паръ пять шесть дамъ; такъ онъ за меня и лучше стоитъ; а самъ мнѣ ворчитъ: ей папасъ, не бойся де; я де тебя не дамъ грабить и бить; а самъ таки злодѣй: *епиръ пара*, дай-де пара̀; видишь де какъ я за тебя со арапами бьюся! а я су ну, онъ провались, вынувши по шти денегъ по два алтына; да такъ-то ему днемъ-то съ рубль передавалъ, и хлѣбомъ-то ему даю; ну онъ къ Богу! только бы далъ Богъ здоровья, не о деньгахъ слово, увѣчье то пуще денегъ. А они собаки не разбираютъ и милости у нихъ нѣтъ; хошь по головѣ, хошь по глазамъ куды зря. И то мы день весь шли ни пили, ни ѣли отъ нихъ собакъ; такое бѣдство чинятъ арапы; уже невозможно такой бѣды человѣку отъ рожденія своего видѣть. Только ты вынешь хлѣба кусъ да къ роту, а иной заскоча съ стороны да и вырветъ; а сами межь себя и подерутся за кусокъ хлѣба. И того дни доидохомъ до села Еммауса, гдѣ Христосъ явился Луцѣ и Клеопѣ; и тутъ мы стали ночевать; а сами сгорѣли отъ жара; день

весь со арапами бились; что съ собаками а бѣгали, что отъ бѣсовъ, и такъ угорѣли, а день былъ жаркій, пить хочется, а воды-то нѣтъ нигдѣ на пути, мѣсто безводное. И пошедши тутъ въ прудѣ у араповъ купили на грошъ воды, такъ напились да опочили; немного повалялись будто поотраднило, слава Богу свѣту! ну сто смотри же, не та бѣда инъ другая; извощикъ нашъ арапъ сталъ у меня просить денегъ, дай де пара̀ чѣмъ вельбуда кормить; и я выневши далъ ему гривну, а онъ меня и сталъ бранить по турецки: мало, дай де еще да поднявши камень да ко мнѣ суется; а я су также противу его поднялъ; такъ онъ окаянный разсвирѣпѣлъ, поднявши камень да суется въ зубы ко мнѣ. И видя нашъ крикъ, греки пришли къ намъ да стали разговаривать: деспота, дай де ему собакѣ. Еще я су выневши гривну да еще ему далъ, и онъ окаянный зубы скрегчетъ; ходячи ему челъ ягрекъ, греки сказали ему, что папасъ Московъ, у него де ферманъ патыша турча; такъ онъ посмирнѣе сталъ баить.

Село Еммаусъ стоитъ подъ горою; церковь христіанская зѣло была хороша, а нынѣ турки коней запираютъ; церковь та поставлена на томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ Луцѣ и Клеопѣ познася въ преломленіи хлѣба и на томъ мѣстѣ та церковь стоитъ; зѣло узорична была, еще построенія царя Константина. А когда мы стали ночевать у села Еммауса, тогда лишь ужасъ по табарамъ, да стонъ стоитъ: иной безъ глаза, а у инаго голова проломлена, иной безъ руки, иной безъ ноги, бабы-то плачутъ, иной сказываетъ: у меня пятдесятъ талерей отняли, иной скажетъ двадцать, иной тридцать, у инаго одежду отняли, у инаго книги, у чернаго попа, шелъ изъ Царя-града, такъ у него сказываетъ пять сотъ талерей отняли; ходитъ миленькій что черная земля отъ печали, плачь да крикъ стоитъ по таборамъ, ужасъ, пощади Господи! Утре рано поидохомъ на первомъ часу изъ села Еммауса, а поднимались бораню̀ю (?), какъ арапамъ не грабить! отнюдь другъ друга не ждутъ, какъ кто сѣлъ и пошелъ да и все тутъ: меня бьютъ, а другой мимо пошелъ; а того стали бить, такъ я мимо пошелъ; да такъ-то всѣхъ и переберутъ по одному человѣку. Потомъ мы поидохомъ изъ села Еммауса, тогда на насъ арапы опять напали и почали грабить и бить по прежнему; всего отъ Іерусалима верстъ съ пять, а насилу отъ нихъ собакъ выбились; и я таки за прежній промыслъ, да также: Боже помози за молитвъ отца нашего Спиридона, такъ такъ-то меня грѣшнаго Богъ и спасъ отъ плотныхъ бѣсовъ. А когда взыдохомъ на верьхъ горы, тогда увидѣхомъ святый градъ Іерусалимъ; тогда арапы всѣ пропали, что провалились подъ землею. А когда увидѣли святый градъ Іерусалимъ версты за двѣ, больше не будетъ, тогда мы зѣло обрадовались и ссѣдши мы съ коней и поклонихомся святому граду Іерусалиму до земли, а сами рекли: Слава тебѣ Господи, слава тебѣ святый, яко сподобилъ еси насъ видѣти градъ твой святый. А когда увидѣли насъ турки съ стѣны градской нашъ караванъ, тогда воевода выслалъ къ намъ турокъ-арапъ, конницу съ ружьемъ; и турки-арапы выѣхали въ поле, а сами стали скакать, винтовать, копья бросать: ради собаки что мы пришли; скачутъ по полю противу насъ, а сами намъ говорятъ: *саламъ аликъ*; а мы имъ противу також-

де говоримъ *алики саламъ*, здравы ли живете? какъ де васъ Богъ милуетъ? какъ де васъ Богъ пронесъ отъ курсановъ (?), отъ разбойниковъ сирѣчь? да и поскакали назадъ за насъ къ каравану, да и поѣхали назади каравана всѣмъ полкомъ, будто все насъ провожали. А мы уже всѣ пѣши шли до вратъ градскихъ, а изъ Іерусалима вышли на поле христіане, греки, армяне, каѳти, французы, иноки, мужы и жены, всѣ встрѣчаютъ насъ, а сами плачутъ: какъ де васъ Богъ пронесъ отъ араповъ; а мы также плачемъ; никто тутъ не можетъ удержатися, ужасъ и радость! уже въ радости всю бѣду забыли, которую приняли отъ араповъ въ путномъ шествіи.

Октября въ 30 день пріидохомъ ко святому граду Іерусалиму, и когда мы внидохомъ во святый градъ Іерусалимъ и внутрь града, подлѣ дома Давидова, множество народа турокъ, араповъ, христіане, армяне и разныхъ еретическихъ вѣръ стоятъ; всѣ миленькіе ради; встрѣчаютъ насъ, всякъ своей вѣры своихъ смотритъ; тутъ въ караванѣ всѣхъ вѣръ шли; а караванъ нашъ шелъ верстъ на пять и больши, зѣло многолюдно. А вшедши во святый градъ Іерусалимъ, всѣ пошли по разнымъ монастырямъ; а мы со греки пошли въ великій монастырь патріаршій греческій; армяне пошли въ монастырь Іакова брата Божія. А когда мы стали въ монастырь въѣзжать во врата, тутъ насъ во вратѣхъ стрѣтилъ намѣстникъ со всѣми старцами; ради зѣло, потому что отчаялись насъ; жили на пристани полъсемы недѣли. И старцы наши кони разсѣдлываютъ и рухлядь нашу въ келью несутъ; съ горѣлкою и съ виномъ старцы стоятъ, а иные на блюдахъ закуски, изюмъ сухой, держатъ, и стали всякому человѣку по два финжала (52) подносить горѣлки, и радостно и плачевно! Потомъ раздавали кельи; мы же въ кельяхъ мало опочихомъ; начали бить въ доску за трапезу, и пришедъ старцы стали насъ звать за трапезу. Трапеза зѣло велика; только жены себѣ ѣли въ кельи. Потомъ ударили въ кандію и стали Отче нашъ говорить и сѣли хлѣбъ ѣсти, и трапеза была зѣло довольна всячиною, и виномъ довольна была, поили не скупо; уже пространнѣй тоя трапезы быть нельзя, большую часть долой несли. И возставши изо стола воздали благодаренія Богу. Изъ за трапезы повели насъ гулять на верьхъ монастыря; по верьхъ кельи около великой церкви на гору Голгофу, и падше поклонихомся и лобзахомъ святую гору Голгоѳу; потомъ стали намъ указывать святыя мѣста: Елеонскую гору, Виѳлеемъ, обитель Саввы освященнаго и Содомское море, Іорданъ рѣку. И тогда мы увидѣхомъ съ горы Голгоѳы мѣста святыя: гору Елеонскую, иныя святыя мѣста, и отъ слезъ не могли удержатися отъ радости; падше поклонихомся на землю и отъ радости той всю бѣду арабскую забыхомъ и хвалу Богу воздахомъ, а сами всѣ единогласно рекохомъ: слава тебѣ Господи! слава тебѣ святый, яко сподобилъ еси насъ грѣшныхъ видѣти святый твой градъ пресвятый! святый владыко, что воздадимъ тебѣ? како насъ недостойныхъ допустилъ со грѣхи нашими? И тако ходихомъ по крилу церковному великія церкви Воскресенія Христова, и смотрихомъ зданія церковнаго и дивихомся, како матерь нашу церковь и та-

---

(52) *Финжалъ*—чашка.

ковую красоту отдалъ басурманамъ въ поруганіе; и плакахомъ на такое строеніе глядя; немощно отъ слезъ удержатися! И пріидохомъ къ великой церкви ко окну, въ ней же подаютъ брашна братіямъ, кои въ великой церкви сидятъ заперты для службы святыхъ мѣстъ; по верви пущаютъ къ нимъ въ церковь. Мы же смотрихомъ сверьху во окно внутрь церкви и видѣхомъ придѣлъ надъ гробомъ господнимъ, и возрадовахомся радостію великою; а сами, какъ бы мощно, такъ бы вскочили въ церковь; да невозможно отъ турокъ собакъ: они церковь запираютъ и печатаютъ. И смотрѣхомъ внутрь церкви, и дивихомся, и видѣхомъ тамъ старцевъ ходящихъ по церкви разныхъ вѣръ еретическихъ; овые ходя кадятъ святыя мѣста, а иные службы поютъ; мы же дивихомся таковому безстудію ихъ; а франки поютъ на органѣ; а всѣ тѣ воры нарицаются христіанами! что нѣть дѣлать? Богу тако попустившу! И тако намъ довольно ходившимъ и вся святыя мѣста смотрѣвшимъ, и уже отъ радости вся бывшія скорби намъ на пути на морѣ отъ арапъ, всю уже тоя скорбь забыли. Слава Богу! А когда шли во святый градъ Іерусалимъ и видѣхомъ скорби всякія, всеконечно отчаяхомся видѣти святый градъ. И довольно ходихомъ по крылу церковному, и поидохомъ во своя кельи и мало опочихомъ. Пріидоша старцы и позваша насъ къ запискѣ; мы же всѣ пріидохомъ въ патріаршу въ келью; и тутъ стали всякаго человѣка и меня въ книгу записывать; а у записки сидѣлъ митрополитъ Птоломаидскій да намѣстникъ патріаршій; а отъ записки брали съ богатыхъ по десяти, по осьми, по пяти червонныхъ; а съ убогихъ по пяти талерей. И какъ уже всѣхъ переписали, такъ питропосъ сирѣчь намѣстникъ позвалъ меня; такъ я къ нему пришелъ, по обычаю поклонился, да и подалъ ему царскій листъ московскій. Потомъ мнѣ велѣлъ питропосъ сѣсть, и я сѣлъ; питропосъ, взявши государевъ листъ (?) разгнулъ; а честь не умѣетъ, только гербъ царскій смотрѣли, да и поцѣловалъ гербъ царскій; потомъ митрополитъ поцѣловалъ, а самъ питропосъ такъ мнѣ сказалъ чрезъ толмача: «Для ради де великаго государя царя Петра Алексіевича «и его ради царскаго здравія все тебѣ «добро будетъ у насъ; не печалься де «ничѣмъ; дадимъ тебѣ келью добрую и «станемъ де тебя водить по святымъ «мѣстамъ гдѣ де намъ возможно; а гдѣ «не возможно и коими мѣстами басурманы владѣютъ, а христіанъ не пущаютъ, тутъ де и сами невольны.» И я вставши да поклонился; и питропосъ мнѣ молвилъ: иди теперьво въ келью опочивать, а когда де будетъ время убравшися станемъ де васъ водить по святымъ мѣстамъ. А грекамъ завистно сильно, что питропосъ такую показалъ любовь. И тако поидохомъ въ келью и преночихомъ; и бысть якобы о полуночи— стали клепать въ доску ко утрени; мы же пріидохомъ въ церковь царя Константина и матери его Елены; и тутъ мало постояхомъ; когда начали на утрени каѳизмы говорить, тогда намъ стали свѣчи раздавать, и повели насъ ночью со свѣчами по святымъ мѣстамъ. Прежде привели тутъ, гдѣ Христосъ сидѣлъ на камени, когда явился Маріи Магдалинѣ; тутъ надъ тѣмъ каменемъ сдѣланъ чуланъ дощатый съ дверьми, да и замыкаютъ; а камень, что столъ круглый; камень красный кремень; а гдѣ Хри-

стосъ сидѣлъ, то мѣсто сребромъ обложено и позлащено. Тутъ подлѣ того каменя церковь Іакова брата Божія, а служатъ въ ней греки. Тутъ мы тотъ камень цѣловавши пошли до церкви, гдѣ Марія Египетская плакала предъ образомъ пресвятыя Богородицы. Потомъ повели насъ до Авраамовой церкви; пришедъ въ тую церковь цѣловахомъ то мѣсто, гдѣ Исаакъ стоялъ связанъ, когда его Авраамъ хотѣлъ заклать; и то мѣсто обложено сребромъ и позлащено, величиною съ большую тарелку. Потомъ возвратихомся въ великій монастырь; идучи въ монастырь, цѣловахомъ врата великія церкви. И тако возвратихомся въ монастырь; и пріидохомъ въ церковь; а въ церкви уже почти поютъ славословіе великое, и отпѣли утреню; и тако поидохомъ въ келіи свои. Потомъ пошли до литургіи; отпѣли литургію; вышли изъ церкви; пошли всѣ до винной палаты: тутъ всѣмъ подносили раки́(54) по финжалу (а по русски горѣлка). Таковъ въ томъ монастырѣ уставъ: послѣ обѣдни всѣ старцы вышедъ изъ церкви да и пойдутъ пить горѣлку, а винный старецъ подноситъ всякому человѣку по финжалу; у грекъ не зазорно пить горѣлку; они всѣ на тоще сердце пьютъ по финжалу; хоть кто церковнаго не пьетъ, а горѣлку пьетъ: тотъ у нихъ въ чести, кто вина церковнаго не пьетъ. И тако поидохомъ до кельи своей; по времени же позваша насъ за трапезу, и такоже по прежнему насъ удоволиша всѣмъ брашномъ и виномъ. Возставъ изъ за трапезы, трапезу заперли, не пустили вонъ богомольцевъ, стали ноги умывать; а за умыванье брали съ нарочитыхъ по семи, по пяти и по восьми червонныхъ, а съ убогихъ по пяти талерей; и тако умывъ ноги и обравъ гроши, отворили двери и выпустили вонъ. И переночевавъ ночь, утре на первомъ часу дни привели къ монастырю арапы коней; къ намъ же пришедъ черный попъ Дороѳей, да старецъ арапъ возвѣстилъ всѣмъ, чтобы шли въ Виѳлеемъ. Мы же стали сбиратися, и вышли за градскія врата Лидскія; и тутъ всѣ сбирались; тогда стали коней разбирать: а иже пѣши шли, а арапы сильно сажаютъ на кони, хошь кто не хочетъ. Мы же шли пѣши для того, что они собаки сильно извозомъ грабятъ: на десять верстъ полтина станетъ извозу. И когда сожидались всѣ, такъ и пошли къ Виѳлеему; и тутъ на пути на лѣвой сторонѣ минухомъ монастырь святаго пророка Иліи, гдѣ попалилъ огнемъ пятдесятницу; тотъ монастырь отъ Іерусалима версты съ три мѣрныхъ будетъ; да тутъ же на другой сторонѣ дороги на правой рукѣ, какъ въ Виѳлеемъ идешь, противъ монастыря лежитъ камень великій, а на немъ спалъ Илія пророкъ; и какъ онъ на камени лежалъ, такъ пророкъ весь изобразися; все знать: гдѣ лежала глава, гдѣ ноги, гдѣ спина, что воскъ, вообразилась: а надъ тѣмъ каменемъ стоитъ древо масличное; и богомольцы то древо и тотъ камень лобзали всѣ, и мы грѣшніи; и камень брали на благословеніе и древа ломали вѣтвіе. И мало отъидохомъ, якобы съ версту, тутъ стоитъ гробъ Рахили, матери Іосифа прекраснаго; когда она на пути умерла, тутъ погребена бысть.

Мы же мало еще поидохомъ отъ того гроба Рахилина, на долу стоитъ древо масличное; а сказываютъ то древо когда Пресвятая Богородица бѣжала во Египетъ

(54) Ракія—водка изъ плодовъ.

отъ Ирода царя, такъ же подъ тѣмъ древомъ почивала съ превѣчнымъ младенцемъ, и то древо и доднесь зелено; невелико, окладено каменьемъ; мы же грѣшніи то древо ломахомъ на благословеніе. И отъ того древа поидохомъ къ Виѳлеему; и не доходя Виѳлеема въ правой рукѣ въ полу-горѣ стоитъ весь Евграѳа, побольше жильемъ Виѳлеема; только мы въ ней не были. И тако пріидохомъ къ Виѳлеему; Виѳлеемъ стоитъ на горѣ красовито, въ немъ жилья не много, подобно селу; только церковь узорична, Рождества Христова, надъ тѣмъ-мѣстомъ поставлена, надъ вертепомъ, гдѣ Христосъ родился; въ той церкви ясли христовы, а вертепъ посреди церкви; въ вертепъ итти что въ походной погребъ; не глубоко, ступеней пять; и въ пещерѣ ясли каменныя отъ мрамору бѣлаго; а гдѣ превѣчный младенецъ родился, и то мѣсто сребромъ обложено и позлащено и каменіемъ драгимъ унизано; а вертепъ узоричисто сдѣланъ; стѣны всѣ бархатомъ съ золотомъ и всякими цвѣты украшены. А нынѣ ту церковь держутъ французы папежцы. Турокъ у грекъ отнялъ да французамъ отдалъ, а грекамъ далъ предѣлъ съ боку той церкви; а что было въ той церкви строеніе греческое, то все французы вонъ выкидали; деисусы (55), иконостасы рѣзные позлащенные, то французы вонъ выкидали, и то строенье лежитъ топерево не въ призорѣ; а то строенье грекамъ многія тысячи денегъ стало; а топерево проподаетъ такъ ни за что; а крыта та церковь свинцомъ; длина тоя церкви пятдесять сажень, а поперекъ двадцать семь сажень; а въ трапезѣ той церкви пятдесятъ столповъ аспидныхъ, на сторонѣ по 25 столповъ. И тутъ на мѣстѣ, арапы продаваютъ лѣстовки; многія тысячи во весь годъ къ тому числу спѣютъ да богомольцевъ дожидаются; такъ богомольцы у нихъ всѣ покупятъ; и мы отъ части по силѣ купили про себя на Русь братіи нашей для благословенія; а тѣ лѣстовки кладутъ на гробѣ Господни, такъ онѣ освѣщаются гробомъ Господнимъ, и такъ въ свою землю развозятъ и въ подаркахъ раздаютъ тѣ четки. Потомъ я грѣшный пошелъ въ пещеру, гдѣ младенцы избіены отъ Ирода-царя; зѣло удивительна та пещера; а земля въ ней бѣлая; а ходъ въ нее изъ вертепа, гдѣ Христосъ родился. Потомъ позваша насъ за трапезу, и трапеза была зѣло довольна, и вина было много. Потомъ попъ Дороѳей да старецъ арапъ, попъ взялъ книгу, а старецъ блюдо большое и стали деньги обирать; и греки нарочитые давали по десяти червонныхъ, по 8, по 7, по 5; а нижняго ступени по 5 талерей; ниже того не берутъ; а будетъ кто поупрямится да станетъ 4 талера давать, то такъ въ глаза и броситъ: какой де ты хужей (56) (сирѣчь богомолецъ)! Таковы-то греки, будетъ кто хощетъ во Іерусалимъ итти, то сумма грошей велика надобетъ. И вставъ отъ трапезы пошли гулять по кельямъ; высоки кельи; и смотрихомъ и дивихомся; красовито сильно стоитъ Виѳлеемъ на горѣ; какъ посмотришь къ Содомскому морю, ужасно зѣло.

И утре поидохомъ изъ Виѳлеема тѣмъ же путемъ въ вышерѣченный монастырь святаго пророка Иліи; и тутъ игуменъ насъ стрѣтилъ того монастыря; ввелъ насъ въ церковь святаго пророка Иліи;

(55) *Деисусъ*—изображеніе Спасителя на крестѣ съ Богоматерью и Іоанномъ.

(56) Вѣроятно: *хаджа*.

церковь зѣло узорична, а въ ней письмо все стѣнное хорошо сильно. Тутъ лежитъ камень, въ стѣнѣ вдѣланъ, на которомъ сидѣлъ пророкъ, когда попалилъ пятьдесятницу; въ той церкви трапеза была богомольцамъ; и той же попъ Дороѳей по прежнему взялъ книгу да записывалъ, а гроши также бралъ, что и въ Виѳлеемѣ. Вставши отъ трапезы и погулявъ по церкви мало опочихомъ, поидохомъ изъ монастыря святаго пророка Иліи.

И пріидохомъ въ монастырь къ честному Кресту, гдѣ честное древо расло. Въ томъ монастырѣ церковь зѣло предивна; письмо стѣнное въ той церкви; подъ святою трапезою пень того древа, съ котораго ссѣчено животворящее древо, изъ котораго и сдѣланъ Крестъ Христовъ, на немъ же распятъ бысть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, мы же грѣшніи тотъ пень ломахомъ. Да въ той же церкви выносили часть отъ животворящаго древа, на немъ же распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ; крестъ сдѣланъ; мы же грѣшніи лобызахомъ той крестъ. А сказываютъ про то древо, посадилъ Лотъ три главни по грѣшеніи съ дщерьми, и поливалъ то древо по повелѣнію Авраамову; и тогда Соломонъ сталъ строить Святая Святыхъ, и то древо повелѣлъ ссѣчь тябло (57); и мастеры то древо смѣрили, и потянули вверхъ: оно и коротко стало; они же усумнишася и опустиша долу и смѣрили, оно и пришло въ мѣру; потянули опять, а оно и опять стало коротко; такъ мастеры познали, что хощетъ быть нѣкое таинство и положили его къ стѣнѣ; и бысть сѣдалище іудеямъ; и когда пришла Южесская (58) царица къ Соломону, и Соломонъ нача ее водити по своимъ царскимъ сокровищамъ и показывати ей всѣ свои царскія сокровища и церковное зданіе, и тогда Соломонъ введе царицу въ церковь и показавши ей вся церковныя зданія внутрь ея; тогда Южская царица, когда пришла къ честному древу и увидѣла его, и воспѣла: «о треблаженное древо»,—и отъ того времени не велѣлъ царь Соломонъ на томъ древѣ садиться Іудеямъ, и съ того числа бысть то древо въ чести у іудеевъ; а когда жидове стали Христа распинать и повелѣша изъ того древа сдѣлати крестъ Христовъ, на немъ же распяша Господа Славы. И тотъ то пень въ той церкви стоитъ и доднесь цѣлъ, онъ и серебромъ обложенъ и позлащенъ. И ходихомъ мы по церкви и смотрихомъ зданія церковнаго; потомъ позвали насъ за трапезу; и трапеза была пространная и вина много было для того, чтобъ охотно богомольцамъ деньги давать; и тутъ Дороѳей попъ да старецъ арапъ брали деньги по вышеписанному, какъ и въ прежнихъ мѣстахъ и въ книгу записывали. И тутъ ѣдши хлѣба ночевали и гуляли по тому монастырю; вверьху ходили по кельямъ. Удивительный монастырь, а пустъ весь; только два старца или три живутъ для ради службы и для богомольцевъ: водятъ по святымъ мѣстамъ да деньги обираютъ. И утре рано на первомъ часу поднесли по финжалу раки; и поидохомъ во Іерусалимъ.

---

(57) *Тябло* значитъ обыкновенно ярусъ иконостаса; но здѣсь вѣроятно въ смыслѣ просто доски (tabula)

(58) У Лукьянова правописаніе и самое употребленіе словъ чрезвычайно произвольны. Мы не сочли нужнымъ дѣлать поправокъ, дабы читатели могли видѣть, какъ мѣшался у насъ въ старину разговорный языкъ съ книжнымъ.

И придохомъ во Іерусалимъ въ монастырь великой. Потомъ стали насъ разводить по монастырямъ и стали кельи раздавать; намъ же отвели келью въ монастырѣ Іоанна Предтечи; и дали мнѣ келью; мы же начахомъ жити и Бога благодарити. Потомъ позвали насъ въ монастырь святаго Архангела Михаила на его праздникъ ко всенощной; и тутъ въ вечерни былъ митрополитъ Птоломаидскій; и на утрени онъ былъ и литургію самъ служилъ: послѣ обѣдни поученіе челъ изустное; пѣвцы у него были нарочиты, только ниже нашихъ гораздо; тутъ, не распустя богомольцевъ, давали имъ по финжалу раки да брали съ человѣка по червонному, по талеру, по полуталеру, что кто смогъ, по силѣ.

Потомъ стали пускать въ церковь не всѣми дверьми, но половину отворилъ турчинъ, чтобъ иные такъ не шли, а пропущалъ по человѣку да по два, да досматривалъ печатокъ: у кого есть печатка, такъ и пуститъ того, а у кого нѣтъ, того не пуститъ.

Описаніе великія церкви Воскресенія Христова.

Въ оградѣ въ полуночномъ углѣ стоитъ церковь великая Воскресенія Христова; а въ ней врата двои; на полудни одни отворяются, а другія закладены каменіемъ; и какъ митрополитъ со христіаны, и мы грѣшніи съ нимъ же вошли. И тутъ немного пошедъ, якобы саженей пять, лежитъ камень противу вратъ церковныхъ отъ мрамору бѣлаго, огражденъ рѣшеткою мѣдною; и съ того камени положенъ бысть Христосъ во гробъ Іосифомъ и Никодимомъ; и на томъ камени Христа въ плащеницу обвивали; и тотъ камень митрополитъ и всѣ христіане цѣловали; и мы грѣшніи такожде цѣловали; потомъ иныхъ вѣръ. И надъ тѣмъ каменемъ горятъ восемь кандилъ съ масломъ древяннымъ отъ разныхъ вѣръ, а сказываютъ про тотъ камень, что подлинный былъ не мраморный, но простой бѣлый; а тотъ де камень французы вывезли въ свою землю; а за тотъ де камень турокъ на французахъ взялъ скарбу (59) великую червонныхъ; и на томъ де мѣстѣ положили вмѣсто того сей камень мраморный, что нынѣ видимъ всѣмъ. А кандила надъ тѣмъ каменемъ горятъ и день и ночь. А иные не такъ сказываютъ: будто тотъ камень положила царица Елена, а подлинный де камень разобрали христіане на благословеніе; и о семъ камени вѣдомости подлинной нѣтъ, гдѣ тотъ камень дѣвался, тутъ ли гдѣ царица Елена его въ той церкви скрыла или гдѣ онъ, Богъ вѣсть! А что фряги его, говорятъ, украли, и сему что будетъ, неймется вѣры: мудро его у турокъ увезть.

И отъ того камени поидохомъ на лѣво къ западной странѣ, среди великія церкви стоитъ теремокъ, предѣлъ, а въ немъ Гробъ Господень; а предѣлъ аки церковь на двое перегороженъ, и какъ въ предѣлъ въ первый пойдешь, тутъ лежитъ камень, егоже Ангелъ Господень отвалилъ отъ двери Гроба Господня; и тотъ камень собою не великъ, кабы въ пудъ

(59) *Скарба* въ смыслѣ хранилища пожитковъ, употребляется больше въ мужскомъ родѣ, и у Малороссіянъ; вообще у Лукьянова удивительная смѣсь въ языкѣ.

въ пятнадцать; а утверженъ въ помостъ; а онъ собою круголъ, что стулъ; а знать онъ прежде сего бывалъ великъ, да до взятія туркова брали его христіане на благословеніе, а нынѣ уже не дадутъ, а камень красенъ, что кремень; а надъ нимъ горятъ кандила разныхъ вѣръ съ масломъ деревяннымъ; мы же грѣшніи тотъ камень цѣловахомъ. И тако поидохомъ ко Гробу Господню въ другой предѣлецъ; а входъ ко Гробу Господню зѣло нуженъ, двери низки да и узки; все нагнувши да по одному человѣку, а двое въ рядъ не разойдутся; а входятъ человѣкъ по пяти, по шти, а больше не льзя; тѣ поклонятся да выйдутъ, да иные пойдутъ: нуженъ зѣло входъ да и медленъ; не скоро выходятъ оттудова для того, что радостно вельми, такъ кому хочется скоро вытти? уже насмотрится доволи таковаго дара да выйдетъ; хошь шумятъ, хошь кричатъ, не глядятъ на то.

И когда мы внидохомъ ко Гробу Господню, егдаже мы увидѣхомъ Гробъ Господень, тогда радости исполнися сердце наше и забыхомъ скорбь нашу бывшую намъ на пути, и падши поклонихомся Гробу Господню; тогда отъ такой радости не могохомъ отъ слезъ удержатися, и отъ очію слезы испускахомъ, а Гробъ Господень лобызахомъ, а сами рекохомъ: Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ святый, яко сподобилъ еси насъ грѣшныхъ видѣти Гробъ Свой пресвятый и лобзати! Что воздамы тебѣ, Владыко святый, како меня недостойнаго допусти со грѣхи нашими окаянными Гробъ твой пречистый видѣти! И дивихомся человѣколюбію Божію, какъ отъ многихъ лѣтъ желаемое получихомъ, прежде слышаніемъ и прочитаніемъ исторіи, нынѣ же Богъ сподобилъ самимъ видѣти. И тако воздахомъ хвалу Богу и пречистѣй Его матери; и стояхомъ тутъ и смотрихомъ, како прихождаху тутъ ко Гробу Господню на поклоненіе отъ разныхъ вѣръ еретическихъ, и видѣхомъ армянъ, армянскихъ женъ: зѣло мнѣ грѣшнику во удивленіе, удивили меня зѣло, какъ на Гробѣ Господни онѣ плачутъ, такъ слезъ лужи стоятъ на доскѣ гробной; а иную бабу-то на силу прочь оттощишь отъ Гроба Господня; дивное чудо! хоша еретическая у нихъ вѣра, мы же подивихомся таковому усердію. А Гробъ Господень придѣланъ къ стѣнѣ предѣла къ полунощной странѣ; та страна свободна; возглавіе и подножіе примуравлено; а длина Гробу Господню девять пядей, а поперечины пять пядей; а надъ Гробомъ Господнимъ сорокъ семь кандилъ съ масломъ деревяннымъ, а горятъ день и ночь; а въ тѣ кандила масла наливаютъ и надсматриваютъ старцы гробные разныхъ вѣръ еретическихъ; и всякій старецъ въ свои кандила масло наливаетъ, а буде видитъ въ чужихъ кандилахъ масло догораетъ, такъ вдаритъ въ колоколецъ; такъ пришедъ да и нальетъ масла; а колокольцы отъ земли приведены во всякую келью, кой гдѣ живетъ. А кандила надъ Гробомъ Господнимъ разныхъ вѣръ еретическихъ; а писано въ Коробейниковомъ странникѣ, что де этотъ гробъ сдѣлала царица Елена надъ тѣмъ подлиннымъ Гробомъ Господнимъ, а входъ де къ нему подъ землею, а нынѣ греки и входъ забыли: изъ памяти у нихъ вышло. А этотъ Гробъ Господень сдѣланъ отъ мрамора бѣлаго и покрытъ дскою мраморною и запечатанъ седмью печатьми свинчатыми; а нынѣ тѣ печати чуть знать, уже стерлися; а печати насквозь дски верчены да такъ и заливаны. А что дска на Гро-

бѣ Господни: на верху язва поперекъ разсѣлася, только не насквозь до другой стороны; только не насквозь разсѣдина не дошла. И поклонившися Гробу Господню, и тако изыдохомъ изъ предѣла и смотрихомъ по церкви сюду и сюду, и дивихомся зданію церковному. А у церкви надъ Гробомъ Господнимъ верхъ разбитъ; турки разбили, а сдѣлать не дадутъ; а дыра-та покрыта сѣткою мѣдною, чтобъ птицы не летали; а предѣлъ надъ Гробомъ Господнимъ обитъ дсками мраморными, а индѣ уже дски вывалились. А великая церковь была подписана мусіею; зѣло была узорична, а нынѣ вся полиняла, а не въ призорѣ, а се турки починить не дадутъ. А великой церкви длина сто сорокъ ступеней, а поперекъ сто ступеней. Да тутъ же мы стояхомъ и смотрихомъ на верьхъ церкви; видѣхомъ на стѣнахъ церковныхъ кресты изображены въ камени, великіе кресты на западной и полунощной, на полуденной, а подобіемъ таковы: въ срединѣ троечастный, что у насъ на Успенскомъ соборѣ, а по сторонамъ четвероконечные, а подпись на троечастномъ и на четвероконечномъ: Іисусъ Христосъ Ника; а дѣлала тѣ кресты царица Елена съ подлиннаго креста Христова; а троечастный крестъ Христовъ съ возглавіемъ, а подобіе таково, якоже сіи образцы свидѣтельствуютъ. А верьхъ надъ Гробомъ Господнимъ аки теремокъ, что яблоко кругло. А на Гробѣ Господнемъ служатъ французы—папежцы, а входъ ко Гробу Господню никому не возбраненъ, всѣхъ вѣръ ходятъ. А за предѣломъ Гроба Господня къ стѣнѣ придѣланъ предѣлъ; тутъ служатъ коѳти, а за ними хабежи; тутъ гробы Іосифа и Никодима выбиты въ стѣну могилою, а гробовъ нѣтъ, только ямы; мы же тѣ гробы цѣловахомъ и землю брахомъ, а земля красна видомъ. И тако поидохомъ къ церкви Воскресенія Христова дванадесять ступеней; а въ той церкви служатъ греки, митрополитъ греческій; а патріархъ не живетъ во Іерусалимѣ, но живетъ въ Едринополѣ, а длина той церкви двадцать ступеней, а поперекъ десять ступеней: посредѣ той церкви пупъ земли, покрытъ каменіемъ; а руками человѣческими не дѣланъ, но сдѣланъ Божіимъ повелѣніемъ, а отъ пупа земнаго четыре ступени; въ той же церкви есть мѣсто ограждено каменіемъ народа ради; вышина повыше человѣка; а посредѣ той ограды пропасть—щель, какъ можно человѣку пролѣзть; а какъ въ нее посмотришь, такъ темно, а глубины Богъ вѣсть; а мы про ту пропасть спрашивали, и греки сказали: Богъ де знаетъ, что это за щель! мы де и сами не знаемъ; уже изъ памяти вышло, такъ никто не знаетъ. А въ той церкви иконное письмо все московское: царское подаяніе нашихъ государей, а письмо верховныхъ мастеровъ. И тако намъ ходившимъ въ церкви и начаша греки въ дску бить въ церкви къ вечерни; потомъ стали вечерню пѣть; а митрополитъ Птоломаидскій сталъ на мѣстѣ; и отпѣвъ вечерню позвали всѣхъ христіанъ греческой вѣры на Голгоѳу ужинать за трапезу; и тутъ трапеза была всѣмъ довольна и брашномъ и питіемъ. Потомъ попъ Дороѳей пошелъ съ блюдомъ, а старецъ съ тетрадью, да брали также съ нарочитыхъ по 8, по 7, по пяти червонныхъ, а съ нижнихъ по пяти талерей. А послѣ трапезы начахомъ опять ходити по церкви и по святымъ мѣстамъ. И хождахомъ по церкви утѣшно сильно: гулять ненасытная радость! И увидѣли французы, что греки вышли изъ

за трапезы; и велѣлъ французжской намѣстникъ заиграть въ свои органы для богомольцевъ греческихъ; и когда въ тѣ органы заиграли французы, тогда никто удержаться не могъ, чтобъ тѣхъ органовъ не слушать: зѣло у собакъ льстиво и сладко играютъ; и тѣмъ играніемъ многихъ во Іерусалимѣ отвратили отъ греческой вѣры къ себѣ въ папежную вѣру; тщательны собаки, многими дарами дарятъ, деньгами, платьемъ многимъ обольстили. Мы же ту ночь всю не спахомъ отъ радости, ходихомъ по святымъ мѣстамъ и мѣрихомъ великую церковь мѣсто отъ мѣста. А изъ той церкви Воскресенія Христова ходятъ на лѣстницу на лобное мѣсто; а отъ того мѣста 20 ступеней стоитъ престолъ идѣже жидове на Господа терновъ вѣнецъ плели; тутъ служатъ греки. И отъ того мѣста 10 ступеней стоитъ престолъ, гдѣ раздѣлиша воины жидовскіе ризы Господни; и тутъ служатъ греки жъ. А отъ того мѣста 16 ступни, гдѣ Пресвятая Богородица плакала по Христѣ во время страсти; и на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ службы и висятъ кандила скляничныя съ масломъ древяннымъ, горятъ безпрестанно. И отъ того мѣста къ западной странѣ 10 ступеней стоитъ темница; три ступни, гдѣ сидѣлъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ отъ іудей; и тутъ горятъ четыре кандила день и ночь; да тутъ же лежитъ колода каменная, а въ ней пробиты двѣ дыры, какъ жидове наругалися Христу и клали нозѣ его въ кладу и замкомъ замыкали. А отъ того мѣста 20 ступней, гдѣ стояли ученицы и плакали по Христѣ во время страсти Господней. А отъ того мѣста къ полунощной странѣ въ тойже большой церкви стоитъ столпъ каменный отъ бѣлаго мрамора, за него же привязанъ бысть Господь нашъ Іисусъ Христосъ отъ беззаконныхъ іудей; отъ того столпа вторая часть въ вѣтхомъ Римѣ въ церкви святыхъ апостолъ Петра и Павла, а третія часть въ Царѣ-градѣ въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, гдѣ патріархъ служитъ; и тую мы часть въ Царѣ-градѣ видѣли и цѣловали; а у того столпа престолъ, служатъ французы. А отъ того столпа къ западу стоятъ французскіе органы зѣло велики, привезены изъ Риму отъ папы. Да въ тойже церкви, не ходя на лобное мѣсто, на лѣстницу, отъ того мѣста 24 ступни на восточной сторонѣ, позади алтаря Воскресенія Христова, тутъ есть врата великія и лѣствица въ пещеру ископана глубока. Итти въ нее по ступенямъ каменнымъ; и какъ снидешь долу, тутъ стоитъ церковь каменная царя Константина и матери его Елены; и тамъ горятъ три кандила съ масломъ; а посредѣ тоя церкви въ пещеру ископана лѣстница въ землю 7 ступеней; и тамо царица Елена обрѣла крестъ Христовъ и два разбойничьи; а стоятъ на томъ мѣстѣ седьмь кандилъ христіанскихъ, одно латинское. А одесную страну Воскресенія Христова тутъ есть лѣствица итти на гору высоку, на Голгоѳу, каменная лѣствица 13 ступеней. А святая гора, гора Голгоѳа каменная высока, на ней же распятъ бысть Господь нашъ Іисусъ Христосъ отъ іудей; а на Голгоѳѣ, гдѣ водруженъ бысть Крестъ Христовъ, и тутъ пробита гора пяди; мы же грѣшніи то мѣсто цѣловали; обложено сребромъ и позлащено; а изъ того мѣста благовоніе исходитъ зѣло запашисто; а то мѣсто выбито кругло, а за тѣмъ мѣстомъ поставленъ крестъ-распятіе; а

написано распятіе по латински; и подножія нѣтъ, а нозѣ прибиты однимъ гвоздемъ. А гдѣ укануша кровь Господня, и то мѣсто до полупяди широко, а глубины никто же вѣсть. А церковь та на горѣ Голгоѳѣ вся выкладена каменемъ мраморнымъ пестрымъ, зѣло узоричиста; а ходятъ въ нее разувши, въ однихъ чулкахъ; а у того мѣста сидитъ старецъ со свѣчами неотходно; а служатъ на томъ мѣстѣ греки. А отъ лобнаго мѣста въ право, якобы сажени двѣ, лежитъ камень круглый, вдѣланъ въ помостъ; и на томъ камени снятіе было Господня тѣла съ креста; а тутъ служатъ французы. А сшедъ съ лѣствицы, на лѣво подъ горою святыя Голгоѳы, стоитъ церковь каменная; а въ ней на входѣ по обѣ стороны стоятъ два гроба царскіе; а какіе были цари, никто не знаетъ; и мы спрашивали у грековъ, и они не знаютъ; иной скажетъ греческихъ царей, иной скажетъ латинскихъ; а подпись на нихъ латинская; а тѣ гробы сдѣланы зѣло хитро; мнится, не гробы, какое то чудо; а не вѣмъ что, Богъ вѣсть; а не цѣлуютъ ихъ; только спинами трутся объ нихъ, а не вѣмъ чего ради. А за тѣ гробы пошедъ мало, въ той же церкви на правой рукѣ гробъ царя Мельхиседека; да во той же церкви отъ того гроба Мельхиседекова три ступни, видитъ щель въ гору: разсѣлась гора Голгоѳа, егда пришедъ отъ воинъ и видѣ Христа уже умерша и копіемъ ему ребро прободе, и изыде кровь и вода и кануша кровь на Голгоѳу, и ту разсѣдеся гора каменная отъ крови Господней, и истече кровь на главу Адамову, бѣ бо глава Адамова въ той горѣ, гдѣ распяша Господа іудеи, ибо то мѣсто зовется лобное, сирѣчь краніево; и та разсѣдина знать и до сего дни; а гдѣ глава Адамова лежала, и то мѣсто рѣшеткою сдѣлано, чтобъ не ломали то мѣсто каменія; а мѣсто не велико, и глава Адамова по тому мѣсту знать не велика была, какъ бы нынѣшнихъ людей. И на горѣ Голгоѳѣ престолъ греческій, да два французскихъ; а за французскимъ престоломъ на той же горѣ отъ лобнаго мѣста къ полудню итти, десять ступней ножныхъ, и тутъ то мѣсто, идѣ же Авраамъ на жертву принесе сына своего Исаака. А церковь великая Воскресенія Христова греческія вѣры, гдѣ служивалъ патріархъ греческій; а нынѣ патріарха нѣтъ во Іерусалимѣ, но живетъ въ Едринополѣ при самомъ салтанѣ; а во Іерусалимѣ на его мѣстѣ намѣстникъ, да 4 митрополита по перемѣнамъ живутъ: кесарійской, лидской, птоломаидской и назареидской, іорданской, и тѣ митрополиты живутъ во Іерусалимѣ, а служатъ по перемѣнамъ; въ епархіяхъ своихъ не живутъ отъ насилія турковъ и араповъ. А великая церковь основанія царя Константина и матере его Елены, ограждена кругомъ на четыре части все стѣнами; а церковь великую Воскресенія Христова держитъ греческій намѣстникъ съ греки, а Гробъ Господень французы-латыня; а по обѣ страны великія церкве службы еретическія; а сказываются христіане, а вѣра ихъ проклятая еретическая. И тутъ ночь всю ходихомъ по великой церкви, и смотрихомъ, и святымъ мѣстомъ кланяхомся и лобзахомъ и дивихомся зданію церковному и красотѣ той церкви, како вся страсти Христовы внутрь тоя великія церкви ограждены. У грековъ всенощныхъ не бываетъ, только на вечерни на литѣи пять ставятъ хлѣбовъ,

великіе хлѣбы да тонки; а въ верхній хлѣбъ поставятъ три свѣчи, воткнетъ въ хлѣбъ, а поставитъ свѣчи въ хлѣбъ; отпѣвъ вечерню, разломавъ хлѣбъ, да и раздаютъ. И послѣ утренней стали пѣть литургію; и послѣ литургіи попъ греческій и митрополитъ облекся во вся священныя одежды во алтарѣ, и взяша хоругви и взяша часть древа животворящаго и иконы и мощи святыхъ въ ковчегахъ (а ковчеговъ будетъ до двадцати и больше, а ковчеги серебренные, а иные хрустальные), и такъ поидоша во вся врата изъ алтаря и придоша къ предѣлу Гроба Господня. А за митрополитомъ попы и старцы, потомъ греки христіане; а передъ митрополитомъ турокъ съ батожкомъ очищаетъ дорогу, не даетъ мотаться лишнимъ иныхъ вѣръ еретическихъ; зѣло управно, подобно что у насъ на Москвѣ ходы ходятъ, такъ служивые напереди идутъ да дорогу очищаютъ: такъ-то и турокъ тѣмъ же подобіемъ и всякое безчиніе унимаетъ; а если бы не такъ, то бы содомъ былъ, въ церкви бы великой уголовщина бы была; а то иныхъ вѣръ не близко припускаютъ, да такъ то турокъ всякой вѣры разрядъ чинитъ, когда свой праздникъ кои ни празднуютъ. Мы же зѣло подивихомся. И тако митрополитъ всѣмъ соборомъ съ христіаны, обшедъ кругомъ предѣла Гроба со кресты, да и пошелъ въ предѣлъ Гроба Господня и поклоняся Гробу Господню вышелъ вонъ; потомъ греки и мы съ ними же; потомъ разныхъ вѣръ еретическихъ; потомъ поидоша въ церковь Воскресенія Христова и отпустиша литургію; потомъ пришли турки и отперли великую церковь, и поидохомъ вонъ изъ великой церкви всѣ греки и всѣхъ вѣръ еретическихъ; потомъ турокъ заперъ великую церковь и запечаталъ. А у великой церкви двое врата: одни замуравлены, а во вторыя отворяются, и тѣ запечатлены отъ турокъ, которые на турка дань сбираютъ. А у тѣхъ вратъ по обѣ стороны стоятъ 11 столповъ: 8 мраморныхъ да три аспидныхъ. И какъ вышедъ изъ церкви на правой рукѣ въ церковь идучи, на лѣвой странѣ другой столпъ, а отъ вратъ церковныхъ. И на томъ столпѣ язва великая: разсѣлась больше аршина вышины подобно тому, какъ громъ дерево обдеретъ; а сказываютъ, что изъ того столпа въ великую субботу вышелъ огнь изъ церкви тѣмъ столпомъ, такъ онъ отъ того и разсѣлся. Мы же про тотъ столпъ у грекъ спрашивали; такъ они намъ сказали: надъ тѣмъ де столпомъ бысть знаменіе великое: 24 роки тому уже де прошло, пришедъ де армяне къ пашѣ да и говорятъ такъ: «что «греческая де вѣра неправая, огнь де «сходитъ не по ихъ вѣрѣ, но по нашей; «возьми де у насъ сто червонныхъ, да «чтобъ де намъ службу пѣть въ великую «субботу, а грекъ де вышли вонъ изъ «церкви; чтобъ де они тутъ не были, «а то скажутъ, по нашей де вѣрѣ огнь «съ небеси сходитъ.» И турчинъ облакомился на гроши и обольстился на большую дачу, да грекъ выслалъ вонъ изъ церкви; потомъ турчинъ отперъ церковь и пустилъ армянъ въ день великія субботы; а митрополитъ греческій со христіаны стоялъ у столпа, у мѣста у царицына Елены, гдѣ она жидовъ судила, а то мѣсто внѣ церкви великія, и митрополитъ стоялъ у того столпа и плакалъ и Богу молился; а армяне въ великой церкви въ тѣ поры по своей проклятой вѣрѣ кудесили и со кресты око-

ло предѣла Гроба Господня ходили и кричали *кирiе елейсонъ*; и ничто же бысть. И будетъ какъ часъ одиннадцатый, и сниде огнь съ небеси на предѣлъ Гроба Господня, и поигра яко солнце въ водѣ блистаяся—пойде ко вратамъ великiя церкви, а не въ предѣлъ Гроба Господня и тамо не во врата пойде, но въ цѣлое мѣсто сквозѣ стѣну и въ столпъ каменный; и разсѣдеся столпъ, и выде огнь изъ церкви предъ всѣмъ народомъ, а столпъ треснулъ, что громъ великимъ шумомъ загремѣлъ. Тогда весь народъ изъ церкви выбѣгоша на тотъ позоръ смотрить таковаго чуда, гдѣ огнь пойдетъ, и смотриша; и огнь пошелъ по помосту что внѣ церкви слано каменiемъ; и дошедъ до того мѣста, гдѣ митрополитъ стоитъ со христiаны и на коемъ мѣстѣ стоитъ кандило съ масломъ деревяннымъ безъ огня (только фитиль плаваетъ); и пришедъ огнь къ столпу и опалилъ весь столпъ, потомъ загорѣся кандило. И когда турчинъ увидѣлъ такое чудо (а въ тѣ поры турчинъ сидѣлъ у великой церкви у великихъ вратъ), кой дань сбираетъ на турка, закричалъ великимъ гласомъ: великъ Богъ христiанскiй! хочу быть христiанинъ! Тогда турки ухватя стали его мучить, и по многомъ мученiи, видя его непокоряющагося, потомъ склаша великiй огнь противу того столпа, гдѣ кандило съ масломъ загорѣлося, и тутъ его спалиша; а когда онъ въ огнѣ стоялъ на коемъ камени, и на томъ камени стопы его всѣ вообразишася яко въ воскъ; и тотъ камень и доднесь въ томъ мѣстѣ лежитъ, и стопы оба стоятъ на показанiе: тотъ что у вратъ съ разсѣдиной, а тотъ что у царицина мѣста черенъ весь, дымомъ опаленъ; и не сотрется копоть та: такое чудо было. И отъ тоя поры уже огнь въ явѣ не сходитъ на гробъ Господень, но токмо кандило греческое загорается, а иныхъ вѣръ еретическихъ кандило не загорается; таковое чудо Богъ показалъ на басурманы и надъ еретиками; а тоя поры уже турки въ день великой субботы никакихъ вѣръ у Гроба Господня не даютъ служить, кромѣ грековъ; французы-хошь власть имѣютъ у Гроба Господня во весь годъ литургисаютъ на Гробѣ Господнѣ (имъ турокъ попустилъ), а въ день великiя субботы французы очистятъ предѣлъ Гроба и не служатъ; выйдутъ вонъ, грекамъ отдадутъ. И обносится та молва въ христiанскихъ церквахъ, пачеже въ нашей, что будто огнь съ небеси нынѣ не сходитъ; и то не право говорятъ; аще бо огнь не сходилъ, то бы почто грекамъ отдавать? а они люди убогiе, а еретическiя вѣры армяне, французы богаты зѣло; они за такую добрую славу вельми турку много бы дали казны, кабы турокъ пропустилъ такую славу, что по ихъ вѣрѣ огнь сходитъ, да не льзя. Одинова турки попытались такъ сдѣлать, да не далось такъ; впредь ихъ не обманутъ французы или армяне; боятся турки; и за то они за неправую свою вѣру турку дань платятъ передъ греками вдвое. А таки греки въ великой церкви всѣхъ вѣръ еретическихъ честнѣе у турокъ для того, что какое дѣло турку до христiанъ, то прежде присылаютъ къ греческому намѣстнику; а то уже армяне, французы, коеги къ греческому намѣстнику сходятся, чѣмъ пашу подарить; такъ, какъ греческiй намѣстникъ придумаетъ, такъ и будетъ; и турокъ его слушаетъ, а тѣхъ на совѣтъ не зоветъ. Такъ по тому турки, хошь басурманы, однако знаютъ, что ихъ вѣра лучше. А что говорятъ, что де

нынѣ огнь съ небеси не сходитъ, такъ всякъ разсуди правовѣрный, если бы такъ было, то бы уже великая церковь часу не могла стоять; а то турокъ боится, что знаменіе бываетъ, такъ за то уступаетъ; того ради турокъ по вся годы назираетъ, и огнь въ великой церкви отъ великаго четвертка погашаетъ; а того и смотритъ, чтобъ котораго года не сошелъ огнь съ небеси: такъ бы онъ того часа великую церковь разорилъ. А за что себѣ турокъ по вся годы такіе труды даетъ и мучится, погаситъ огнь въ великой церкви по всѣмъ кандиламъ и въ домѣхъ у всѣхъ христіанъ-то смотритъ, корпитъ до великія субботы, все назираетъ, таки ль правда христіанская, не лгутъ ли они? А нынѣ тако бываетъ сошествіе огня: въ день великія субботы греческій митрополитъ со христіаны, взявъ святыя иконы, часу въ девятомъ дни пойдутъ кругъ Гроба Господня; и когда обойдутъ около предѣла трижды, тогда турчинъ опечатаетъ предѣлъ Гроба Господня и посмотритъ на кандило греческое; буде есть огонь, такъ онъ скажетъ митрополиту, а какъ нѣтъ — такъ скажетъ нѣтъ; и тако греки великимъ воплемъ кричатъ *киріе елейсонъ* на многъ часъ; а турчинъ поноровя да еще посмотритъ, и когда увидитъ турчинъ огнь, такъ и скажетъ митрополиту, тогда митрополитъ возьметъ свѣчь великіе пуки въ обѣ руки, да и пойдетъ въ предѣлъ Гроба Господня, да и зажжетъ оба пуки свѣчь, да вынесетъ христіанамъ, а христіане отъ его руки станутъ разбирать; потомъ за христіаны армяне пойдутъ въ предѣлъ Гроба Господня, да возьмутъ огнь отъ греческаго кандила; потомъ станутъ кандила по всей великой церкви зажигать; такъ то пѣніе бываетъ. А кто намъ не хощетъ вѣры яти, то всякъ собою отвѣдай; не много живота два года проходить да двѣсти рублевъ на путь да и полно того; такъ самъ будетъ самовидецъ всякому дѣлу. А предъ вратами великой церкви площадь зѣло велика, выслана каменемъ; и тутъ по вся утра выходятъ съ товарами, разбираются; товары всякіе бываютъ для того, что богомольцы по вся утра приходятъ къ великой церкви на поклоненіе и у великой церкви врата церковныя цѣлуютъ, а продаютъ чотки, свѣчи и всякіе товары; а торгу только на одинъ часъ, мало добре; а турки съ своими товарами болѣе не стоятъ. Да тутъ же вышедъ изъ великой церкви на лѣвой сторонѣ придѣлано мѣсто къ стѣнѣ великой церкви царицы Елены, гдѣ она жидовъ судила, а то мѣсто высоко; а нынѣ тутъ престолъ латинскій, служатъ французы; а то мѣсто прежде сего, сказываютъ, было позлащено; а нынѣ позолота не знать, слиняла, нѣтъ ничего. А подлѣ того мѣста царицина церковь придѣлана къ той же великой церкви къ стѣнѣ, та церковь, гдѣ плакала Марія Египетская предъ образомъ Пресвятыя Богородицы. А къ патріаршему двору придѣлана церковь Іакова брата Божія. А подъ колокольнею церковь сорока мучениковъ иже въ Савастіи. И потомъ поидохомъ въ свою келью и почихомъ до утрія; потомъ позвали насъ въ монастырь святыя великомученицы Екатерины на ея праздникъ; тутъ послѣ литургіи позвали насъ за трапезу хлѣба ѣсть; и ѣдши хлѣба тутъ давали за трапезу по червонному, по талеру, по полуталеру. Потомъ стали звать во обитель Саввы освященнаго; тамъ былъ митрополитъ Іорданской; и греки ходили, а мы уже не ходили для

араповъ за нужнымъ проходомъ, а ходили на его память. Потомъ пришелъ митрополитъ отъ Саввы освященнаго; потомъ позвали всѣхъ богомольцевъ въ Никольскій монастырь, а литургію слуслужитъ Іорданской митрополитъ арапъ, а казанья казалъ по арапски: зѣло арапскій языкъ грубъ. И тутъ богомольцамъ давали по финжалу горѣлки, да закуска была изюмъ сухой, а трапезы не было, а брали по томуже, что въ Екатериновскомъ монастырѣ. А всѣхъ монастырей въ Іерусалимѣ внутрь града: первый монастырь великій. 2) Введенія пресвятой Богородицы. 3) Іоанна Предтечи. 4) Архистратига Михаила. 5) Великомученика Георгія 6.) Ѳеодора Стратилата. 7) Екатерины Христовы мученицы. 8) Анны Матери Пресвятой Богородицы. 9) святаго Евфимія великаго. 10) святаго великомученика Димитрія. 11) преподобнаго Харитона исповѣдника. 12) Воскресенія Христова. А всѣ эти монастыри внутрь града, девять мужескихъ да три женскихъ. Да два монастыря одинъ французскій, а второй армянской Іакова брата Божія. А всѣми тѣми дванадесятьми монастырями владѣютъ греки. А гдѣ монастырь Іакова брата Господня, и тотъ монастырь зѣло узоричистъ; въ томъ монастырѣ глава Іакова брата Господня, а та глава подъ спудомъ, а то мѣсто обложено сребромъ и позлащено.

Описаніе святаго града Іерусалима. Градъ Іерусалимъ стоитъ на востокъ какъ прійдешь отъ Царя-града отъ Лиды; а въ немъ 4 воротъ: 1) на Востокъ, на Елеонскую гору и къ селу Геѳсиманіи, 2) на полдень на Синайскую гору, 3) отъ Лиды въ которыя приходятъ отъ Царя-града, 4) отъ Шамы, сирѣчь отъ Дамаска. Градъ Іерусалимъ на четыре стѣны: 1) стѣна на востокъ къ Елеонской горѣ, 2) на полдень къ юдолѣ плачевнѣй и къ Сіонской горѣ и къ селу Скуделничу, 3) на полночь къ Дамаску, 4) на западъ къ Лидѣ. Градъ Іерусалимъ каменный, стѣны высоки, крѣпокъ сильно, камень-дичь великій; а кругъ его будетъ версты три мѣрныхъ; а стараго града стѣны всѣ до основанія разбиты; а старый градъ Іерусалимъ, сказываютъ, кругъ его было шесть верстъ. Градъ Іерусалимъ людьми не жилъ: много пустыхъ мѣстъ и палатъ пустыхъ много; а иныя развалились многія палаты; а за городомъ нѣтъ жилыхъ мѣстъ, кромѣ дома Іоанна Богослова.

Внутрь града Іерусалима въ полуденномъ углѣ стоитъ церковь Святая Святыхъ; а владѣютъ ею турки и мечты творятъ по своему беззаконію; а будетъ кто хочетъ той церкви посмотрѣть отъ христіанъ, и того потурчатъ; а потурчиться не похощетъ, такъ его повѣсятъ. Да въ томъ же углѣ врата, въ которыя Христосъ въѣзжалъ на осляти. Во градѣ Іерусалимѣ стоитъ великая церковь Воскресенія Христова; а отъ десныя стороны великія церкви, когда изъ церкви выйдешь, стоитъ колокольница каменная вельми чудна́ на четырехъ углахъ безъ верьха; турки сбили, а высока была. Подъ тою колоколнею стоитъ церковь Воскресенія Христова; тутъ лежитъ камень, на которомъ Христосъ сидѣлъ и явися Маріи Магдаленѣ; а дворъ патріаршій придѣланъ къ великой церкви и тѣмъ церквямъ Іакова брата Господня и къ великой колокольницѣ; а что трапеза была патріарша, и турки отняли да въ мечетъ претворили. Въ великомъ монастырѣ двѣ церкви, въ которыхъ служатъ греки: первая царя Константина и матери его Елены, а вторая

святыя мученицы Ѳеклы. А по лѣвую сторону великаго притвора церковь придѣлана къ великой церкви, близь лобнаго мѣста, гдѣ Ангелъ Господень показалъ мѣсто Аврааму вознести на жертву Богу и заклати сына своего Исаака.

А въ полуденномъ углѣ стоитъ церковь чудна и высока вельми, по еврейски зовется Ероя, а по русски Святая Святыхъ; егда создася святый градъ повелѣніемъ Салима царя Іудейскаго и совокупиша имя церковное съ царскимъ именемъ и приложиша имя граду тому Іерусалимъ; Соломонъ же ту церковь созда повѣленіемъ Ангела Господня. И егда пріиде Господь нашъ Іисусъ Христосъ во святый градъ Іерусалимъ, и рече на сонмищи ко іудеямъ: разорю церковь сію и треми деньми воздвигну ю; іудеи же не разумѣша, что имъ Господь рече (не дая бо имъ свыше разумѣти), и рѣша къ себѣ іудеи: создана бысть церковь сія сорокъ-пятью лѣтъ; и гнѣвашеся на Христа жидове. Въ той же церкви обрѣташеся Господь нашъ Іисусъ Христосъ; въ той же пріятъ Сѵмеонъ Христа на руки и глаголаше: нынѣ отпущаеши раба своего Владыко и прочая; въ ту церковь введена бысть Пресвятая Богородица трехъ лѣтъ, въ той церкви питана бысть отъ Ангела хлѣбомъ небеснымъ до двоюнадесяти лѣту.

А на восточной странѣ къ горѣ Елеонской стоятъ врата желѣзные стараго города Іерусалима, а тѣ врата не отворяются и доднесь; въ тѣ врата Христосъ въѣхалъ на осляти отъ Виѳаніи отъ горы Елеонской; дѣти же еврейскія рѣзаху отъ древесъ вѣтви и постилаху по пути ризы своя, отъ тѣхъ вратъ пояху до церкви благоговѣйне: грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ царь Израилевъ! Изъ той же церкви изгна Господь нашъ торжниковъ, продающихъ овцы и волы и голуби; «вся изгна изъ церкви, овцы и волы, и торжникомъ разсыпа пѣнязи и дски опроверже; и продающимъ голуби рече: возмите сія отсюду и не творите дому Отца моего дому купленаго.» (Отъ Іоанна, VI, 15, 16). «Храмъ мой, храмъ молитвы наречется.» (Отъ Матѳея, XXI, 13). Да тутъ же подлѣ той же церкви стоитъ малая церковь, муравлена, не велика; а въ ней сказываютъ мѣрило праведное сотворено мудрымъ Соломономъ; въ скалу висятъ двѣ чаши великія желѣзныя на желѣзныхъ цѣпяхъ, ходки безмѣрно; зѣло мало что положишь—онѣ и пойдутъ; а посмотрѣть не пустятъ турки; да сказываютъ тутъ же предъ церковью лежитъ камень широкъ и плоскъ, дикій; когда Христосъ предъ церковь пріѣхалъ на осляти и сталъ на томъ камени, и позна камень своего создателя, разтворися, что воскъ и стопы жребцовы воображися въ камень, и тѣ де стопы знать и до сего дня на камени. А церковь Святая Святыхъ созданіе Соломоново разорена вся до основанія Титомъ, царемъ Римскимъ; только осталось одно мѣрило праведное, ничѣмъ же невреждено. А нынѣ на томъ мѣстѣ стоятъ двѣ мечети Турецкія изрядныя; а турки собаки отнюдь не пустятъ посмотрѣть, убиваютъ того или потурчатъ; и намъ греки о томъ зѣло внушали, не ходили и водили насъ по Іерусалиму да указывали, чтобъ не ошиблись, въ тѣ бы ворота не ходить; а они собаки вороваты: туда пустятъ, а оттуда не пустятъ.

А когда пойдешь отъ великой церкви къ Гепсиманскимъ воротамъ, и тою улицею итти дурно сильно и скаредно; тутъ по той улицѣ турки дѣлаютъ сафяны (?); и

пошедъ не мало тутъ потокъ Кедрскій; на правой рукѣ какъ выдишь на потокъ, и тутъ стоитъ домъ богатаго; на самомъ потокѣ ворота, подъѣздъ подъ тотъ дворъ, сквозѣ его улица. А какъ пойдешь въ верьхъ по потоку и на поворотѣ на право въ улицу какъ поворотишь — тутъ на углѣ лежитъ камень на выходѣ потока Кедрскаго, широкъ, въ аршинъ длины, а поперечины въ три четверти; на томъ де камени Христосъ упалъ со крестомъ, когда его вели воины на пропятіе; и тогда жидове задѣли понести крестъ Христовъ Симону Киринѣю съ села грядущу, отцу Александрову и Руѳову; и несъ Симонъ крестъ Христовъ до горы Голгоѳы; и тотъ мы камень цѣловали часто, какъ было ни пойдемъ въ Егепсиманію, на дорогѣ лежитъ. И отъ того камени пойдешь на гору, яко бы верженіе изъ лука, стоитъ преторъ, гдѣ Христа судилъ Пилатъ и по ланитамъ его свѣта билъ Пилатъ, и воины ругашеся ему. И тотъ преторъ цѣлъ и доднесь не покрытъ, и индѣ каменья стали вываливаться; переходомъ сдѣланъ чрезъ улицу; а коею стороною по улицѣ Христосъ веденъ, и та дорога вымощена каменемъ высоко, и по тому пути отъ христіанъ не ходятъ; только турки ходятъ да арапы, а христіане почитаютъ. А каменя того, гдѣ Христосъ упалъ, турки не даютъ ломать на благословеніе отнюдь. А отъ того претора немало пошедъ стоитъ купель овчая, въ ней же Ангелъ Господень по вся годы возмущаше воду; и при той купели были. Притворъ Соломоновъ весь разбитъ до основанія; только одна купель овчая во дворѣ худѣ; а тутъ живетъ турокъ; беретъ съ человѣка по копѣйкѣ, а съ старцовъ не беретъ; а купель глубока сдѣлана колодеземъ кругдымъ, а жерело въ купелѣ узко, только кошель проходитъ; а вервь у кошеля мы сами навязали саженей будетъ десяти; мы же грѣшніи изъ той купели пили воду, зѣло вода хороша въ той купелѣ. Въ притворѣ Христосъ разслабленнаго изцѣли и хананею помилова; а та купель зѣло у турокъ въ презорѣ: пустой дворъ, а городьба зѣло около его худа. А та купель противу рва, гдѣ Іеремія пророкъ вверженъ былъ; а ровъ Іереміевъ на другой сторонѣ улицы. А отъ той купели мало пошедъ, якобо верженіе камени, домъ Іоакима и Анны на той же сторонѣ дому, въ томъ церковь сотворена во имя ихъ; да въ томъ же дому пещера, гдѣ родилась Пресвятая Богородица; изъ той пещеры два окна вверьхъ; а сказываютъ, что однимъ окномъ вниде Ангелъ Господень ко Аннѣ благовѣсти зачатіе о рождествѣ, а другимъ изыде; до того, сказываютъ, тѣхъ оконъ не было въ той пещерѣ; а живутъ въ немъ турки, а христіане приходятъ помолитися, и погани турки берутъ мыто, а съ колугеровъ не берутъ; потомъ и въ церковь пустятъ; и мы грѣшніи сподобились всѣмъ тѣмъ мѣстамъ поклонитися. Да въ томъ же домѣ стоитъ древо Даѳиново, на немъ же видѣла святая Анна гнѣздо птичье и молитву творящи; и то древо стоитъ зелено и до сего дня, и съ плодомъ, и мы плодъ видѣли.

А противу того дому Іоакима и Анны подлѣ градской стѣны ровъ великъ, въ него же вверженъ бысть Іеремія пророкъ ко львамъ; а тотъ ровъ подъ градскою стѣною, а нынѣ онъ не глубокъ, заволокло тиною, а глубиною подобно какъ у насъ на Москвѣ у Спасскихъ воротъ у Кремля или поглубже; а въ немъ ростутъ древа масличныя и овощи

турки садятъ. Да на тойже сторонѣ къ градской стѣнѣ бывалъ домъ Каіаѳинъ, а нынѣ весь засыпанъ землею. А та земля ношена съ горы Голгоѳы, гдѣ крестъ Христовъ обрѣтенъ; тотъ Каіаѳа, когда велѣлъ крестъ Христовъ схоронить и засыпать его землею подъ горою Голгоѳою, и со всего града заповѣдалъ всякій соръ и гной на ту гору носить, гдѣ Христовъ крестъ засыпаша землею,—помыслиша себѣ іудеи, яко будетъ Христову кресту взысканіе, а съ крестомъ Христовымъ и два разбойничья быша сохранены; а когда быеть взысканіе Христову кресту, тогда царица Елена повелѣ землю носить на Каіаѳинъ домъ; и нынѣ то мѣсто високо насыпано. А отъ дома Іоакима и Анны мало пошедъ, тутъ градскія врата, что къ селу Гепсиманіи; а когда войдешь въ башню, извнутрь града въ вратѣхъ въ стѣнѣ камень великъ, какъ бы до него въ груди человѣку, а въ камени вообразилась стопа человѣческая глубоко, что воскъ; какъ пята, какъ всѣ пять перстовъ и вся подошва — все знатно; а сказываютъ про ту ногу, что Ангелово воображеніе, когда де Іудеи ведоша Христа на пропятіе, тогда де врата жидове заперли и народа не пустили смотрѣть, тогда де Ангелъ Господень тѣ врата отворилъ плечемъ въ ворота, а ногою въ камень вперъ; такъ въ камени нога и вообразилась; и тако отворилъ врата, и изыде народъ весь на позоръ Христовъ; а тѣ врата не далече отъ Святая Святыхъ, якобы изъ лука верженіе; мы грѣшніи ту стопу цѣловахомъ. А какъ выйдешь изъ Гепсиманскихъ воротъ, и сшедъ полгоры, тутъ лежитъ камень, а на немъ же убитъ архидіаконъ Стефанъ; и на томъ камени кровь его знать и до сего дня: тотъ камень красенъ; мы же грѣшніи тотъ камень цѣловахомъ и на благословеніе брахомъ того каменя.

И отъ того камени поидохомъ въ юдоль Асаѳатову; въ самой юдоли стоитъ село Гепсиманія святыхъ Богоотецъ Іоакима и Анны, иже нарицается Богородицинъ домъ; и въ томъ селѣ церковь стоитъ ровна съ землею святыхъ Богоотецъ Іоакима и Анны. Отъ градскихъ воротъ до села Гепсиманіи якобы изъ лука стрѣляти; село Гепсиманія стоитъ по конецъ юдоли плачевной, а церковь тоя—лѣствица внутрь сорокъ шесть ступеней, а лѣствица утверждена что въ погребъ походной, а церковь каменная, а на полу лѣствицы стоитъ гробъ Іоакима и Анны. А когда сойдешь съ лѣствицы внутрь церкви, а на право поворотишь къ востоку — тутъ стоитъ предѣлецъ невеликъ каменный, а въ немъ гробъ Пресвятыя Богородицы изсѣченъ отъ мрамора бѣлаго, а надъ гробомъ висятъ сорокъ семь кандилъ скляночныхъ съ масломъ деревяннымъ отъ разныхъ вѣръ, отъ греческой, латинской, а зажигаютъ кандила когда бываетъ служба, а служба бываетъ по воскресеньямъ, потому что стала внѣ града, а иногда такъ недѣли три не бываетъ. Когда турки воротъ Гепсиманскихъ не отопрутъ, а приходятъ на службу греки да латыня, а латыня служатъ на самомъ гробѣ Богородициномъ, а греки позади гроба Богородицина; въ предѣлъ ко гробу Богородицину входятъ человѣкъ по пяти по шти (а больше не льзя) и поклоняются и гробъ цѣлуютъ. А гробъ Пресвятыя Богородицы подлиннѣе гроба Господня полпядью, да уже Господня. А отъ того гроба Пресвятыя Богородицы пять саженъ въ верьхъ церкви окно кругло, а сказываютъ про то окно греки, что де

тѣмъ окномъ взято тѣло Пресвятыя Богородицы изъ гроба. А ту пещеру турки запираютъ и мыто емлютъ да и пущаютъ, а съ старцовъ не берутъ. И вышли вонъ изъ церкви Пресвятыя Богородицы.

А когда выдешь изъ церкви изъ Гепсиманской и на лѣвой сторонѣ тутъ пещера невелика каменная; тутъ Іуда Христа продалъ пребеззаконнымъ Іудеямъ на пропятіе, и тутъ мы ходихомъ и въ пещерѣ мѣсто цѣловахомъ и оттолѣ поидохомъ на лѣво на Елеонскую гору прямо. Отъ той пещеры на полдень, якобы верженіемъ камня, стоитъ древо масличное; подъ тѣмъ древомъ Христосъ постился и ко Отцу молился: «Отче, аще волиши мимо нести чашу сію отъ мене: обаче не моя воля, но твоя да будетъ.» (Ев. отъ Луки, XXII, 42.) А то древо и до сего дня зелено; и на благословеніе его берутъ отъ иныхъ странъ; да тутъ же есть камень зѣло великъ и плосокъ и высокъ яко бы въ груди человѣку; на томъ камени ученицы его спаша, когда Христосъ молился, и пришелъ къ нимъ (ониже сномъ отягчены); тогда Христосъ глагола Петрови: «Симоне, спиши ли? не возмоглъ еси «единаго часа побдѣти? Бдите и молитеся, «да не внидете въ напасть; духъ убо «бодръ, плоть же немощна. (Отъ Марка, «XIV, 37, 38). «Спите прочее и почи«вайте, приспѣ конецъ, пріиде часъ: се «предается сынъ человѣческій въ руки «грѣшникомъ. Возстаните, идемъ: се «предаяй мя приближися.» (Отъ Марка XIV, 41, 42). И тотъ камень цѣловахомъ. И оттудова поидохомъ на гору Елеонскую; и мало пошедъ отъ того мѣста лежитъ камень великъ, а сказываютъ, что съ того де камня Христосъ сѣлъ на осляте, когда въѣхалъ въ Іерусалимъ; и тотъ камень мы цѣловахомъ. И отъ того камени поидохомъ вверьхъ Елеонской горы, отъ Гепсиманіи до верху Елеонской горы съ полверсты будетъ мѣрной; отъ Іерусалима верста до горы Елеонской. Гора Елеонская зѣло красовита, вельми высока, красна и предивна, а по ней растутъ древа масличныя. На самомъ верху горы есть мѣсто Господне, гдѣ Христосъ стоялъ со ученики своими, и вопросиша его ученицы о кончинѣ вѣка сего, онъ же рече имъ: «О дни-же томъ или о «часѣ никтоже вѣсть, ни Ангели, иже «суть на небесѣхъ, ни сынъ, токмо «отецъ.» (Отъ Марка, XIII, 32). И отъ того камени, гдѣ Христосъ сидѣлъ со ученики своими, видѣть Іорданъ-рѣку и Содомское море. На той же верху горы Елеонской стоитъ церковь Вознесенія Христова; а въ той церкви лежитъ на преддверіи камень великъ плосокъ; и съ того камени вознесся Христосъ на небеса предъ ученики своими; и на томъ камени вообразишася стопы Христовы, и нынѣ одна ступня знать; мы же грѣшніи тотъ камень и тотъ ступень цѣловахомъ; и иные странные отъ христіанъ цѣлуютъ. А на полуденную сторону Елеонской горы стоитъ гробъ святыя мученицы Пелагіи, а владѣютъ тѣмъ мѣстомъ турки, и стоитъ на томъ мѣстѣ мечетъ турецкій, а къ нему турки не пускаютъ. А отъ горы Елеонской до Виѳаніи, гдѣ праведный Лазарь умеръ и ту Господь воскреси его, яко три поприща отъ Іерусалима до Виѳаніи; и тутъ церковь стоитъ Воскресенья Лазарева, друга Божія, и въ ней гробъ Лазаревъ и сестръ его Мареы и Маріи; а нынѣ тою церковью владѣютъ арапы басурманы. А когда мы пришли къ пещерѣ, гдѣ бысть Лазарь погребенъ праведный, тогда ара-

пы принесли намъ огня; мы же имъ даша съ человѣка по алтыну да и пошли въ пещеру; а въ пещеру итти, гдѣ былъ гробъ Лазаревъ — итти въ нее, что въ погребъ походной по лѣстницѣ глубоко, да и не одна лѣстница кулаковата, а безъ огня невозможно итти; темно, три лѣстницы съ поворотами; а съ полу пещеры видѣть въ бокъ церковь Лазареву, а нынѣ турки мечты творятъ. И тако мы цѣловахомъ мѣсто, гдѣ Лазарь лежалъ да и вышли изъ пещеры. А отъ Виѳаніи, гдѣ Христосъ сидѣлъ и глагола ученикамъ своимъ: «Лазарь другъ нашъ успе; но иду, да возбужу его.» (Отъ Іоанна, XI, 11), и отъ того камени на востокъ до рѣки Іордана, гдѣ Христосъ крестился, день ходу. И тако мы изъ Виѳаніи опять на Елеонскую гору, и пришедъ къ тому каменю, гдѣ Христосъ вознесся на небеса, поклонихомся тому камени и цѣловахомъ; а когда съ Елеонской горы посмотришь во Іерусалимъ — инъ все видѣть во Іерусалимѣ до единой храмины; а гдѣ святая святыхъ была и на то мѣсто зѣло красовито все видѣть съ Елеонской горы; зѣло то мѣсто площадью красовито, и древа кипарисовыя на томъ монастырѣ растутъ; а когда посмотришь съ Елеонской горы, всюду съ нее видѣть, ко Іордану, къ Содомскому морю, ко обители святаго Саввы, къ Виѳаніи, къ Виѳлеему, во Іерусалимъ! Забытая радость Елеонская гора! И ходихомъ довольно по Елеонской горѣ и веселихомся и радовахомся, что въ Едемѣ; во Іерусалимской во всей палестинѣ другова такова и радостнаго мѣста нѣтъ, что Елеонская гора. Потомъ поидохомъ съ Елеонской горы; и когда поравняхомся противу Гепсиманіи, и тогда насъ вождь старецъ арапъ повелъ налѣво по юдолѣ плачевной. И отъ Гепсиманіи мало поидохомъ въ юдоль, тутъ лежитъ камень невеликъ, плосокъ, а на томъ камени воображена стопа ножная, а въ ней вода стоитъ, полна стопа; а сказываютъ про тотъ камень: когда Христосъ срѣтился со слѣпцомъ и ста на томъ камени и плюну на землю, и сотвори бреніе, и помази очи слѣпому, и посла его къ Силоамской купели умытися; и какъ Христосъ стоялъ на камени—такъ его стопа въ камени вообразилась что воскъ; и тотъ камень мы грѣшніи цѣловахомъ и воду изъ стопы пихомъ и умывахомся, а вода въ стопѣ не убываетъ, опять наполняется. А подлѣ того камени яма, зѣло глубока провалина; а въ ней вода на днѣ чуть знать, а въ тую яму не велитъ намъ смотрѣть вождь нашъ, кой водилъ; а яма зѣло глубока и страшна; а что то за пропасть—мы не довѣдались; знать, что греки и сами не знаютъ про нее. И отъ того камени поидохомъ внизъ по юдолѣ; на лѣвой сторонѣ стоитъ гробъ Авесолома сына Давидова; а сдѣланъ что голубецъ узоричисто; а на верьху круглая башенка; а около голубца накидано каменья мелкаго; кучи великія лежатъ. Мы же вопросихомъ, что молъ это за каменья? и они намъ сказали, что де жидове накидали; они де не любятъ Авесолома за противленіе отче; то де когда жидове этимъ путемъ ни идутъ, то все камень кидаютъ ко гробу тому. А когда поидешь отъ Авесоломова гроба внизъ по юдолѣ—на лѣвой сторонѣ всѣ гробы въ той горѣ пророческіе, жидовскіе, узоричисты; и двери и окна; а тѣ гробы выбиваны въ горѣ изъ одного каменя. И отъ того мѣста поидохомъ внизъ по юдолѣ плачевной на градской стѣнѣ; противъ угла подъ градскою стѣ-

ною подъ горою каменною, тутъ есть купель Силоамская; а входъ въ нее учинена лѣствица каменная широкая, что въ погребъ походный, да крута зѣло; а ступней въ нее дванадесять итти въ гору. И по конецъ той лѣстницы самая купель Силоамская аки озерцо широка, а глубина въ груди человѣку; и приходятъ всякіе люди недугами одержимые различными, и погружаются въ той купелѣ и здравы бываютъ. А когда мы пришли къ устью купели—анъ въ ней купается арапъ больной, бусурманъ; и когда стали на него кричать, такъ онъ и вонъ вышелъ. А у той купели сидятъ арапы; берутъ мыто по копѣйкѣ съ человѣка и по грошу; а та вода не стоитъ, но идетъ сквозь гору и по конецъ горы вышла; а вышла въ полгоры, ручей хорошій; тутъ турецкія жены платья моютъ; прудокъ запруженъ; а та вода до юдоли плачевной не дошла, вся въ гору понырнула. Юдоль плачевная суха, нѣтъ въ ней воды; а сказываютъ про ту купель, что она прежде сего не бывала; а когда де возврати Господь плѣнъ Сіонь отъ Вавилона—и тогда пришедъ къ тому мѣсту Іеремія пророкъ и весь плѣнъ съ нимъ на тотъ потокъ, тогда сухъ бысть; Іеремія помолился Богу, и даде Богъ въ томъ мѣстѣ воду. Изъ той купели арапы возятъ воду въ Іерусалимъ на велблюдахъ да продаютъ; а рѣкъ и кладезей въ Іерусалимѣ нѣтъ; мѣсто зѣло безводно, но токмо купель Силоамская; а тую воду покупаютъ турки богатые. А убогіи питаются дождевою водою; а дождь въ Іерусалимѣ приходитъ ноября мѣсяца; а когда мы пришли въ Іерусалимъ, такъ первый дождь пришелъ въ ночи противъ дня Архангела Михаила да шелъ до февраля мѣсяца. А хлѣбъ поспѣваетъ къ свѣтлому дню Воскресенію; а овощи всякіе поспѣваютъ Рождество Христово и Богоявленіевъ день; у насъ зима, а у нихъ лѣто и прохладъ всякій. А лѣтомъ въ Іерусалимѣ отъ солнечнаго зноя и ходить нельзя; солнце зѣло печетъ; а во всю зиму комары летаютъ и босы ходятъ арапы; во Іерусалимѣ зимою снѣгу не бываетъ, ни морозовъ никогда не живетъ, какъ у насъ на Москвѣ; весна бываетъ теплая—такъ у нихъ зима-то такова бываетъ, дожди, туманы, хмары, зѣло тепло; а громъ бываетъ во всю зиму и молніе. Градъ Іерусалимъ стоитъ среди земли, понеже когда бываетъ день большой въ петровки, тогда солнце на полудняхъ станетъ и въ самый верхъ главы свѣтитъ, такъ стѣни не бываетъ; а когда станетъ день убывать, тогда стѣнь станетъ познаваться. Мы же въ тѣ дни не прилучихомся; только въ большія ночи зимнія искусихомъ: о полунощи въ мѣсячныя ночи на монастырѣ изъ келіи похаживахомъ и смотрихомъ—такъ мѣсяцъ прямо стоитъ надъ главою, а стѣни не знать; и то мы собою искусихомъ. А день во Іерусалимѣ большой лѣтній пятнадцать часовъ, а ночь зимняя девять часовъ. Во Іерусалимѣ колодези каменные копанные; со всѣхъ застрѣхъ приведены къ колодезямъ; а верьхи плоскіе, а по угламъ замазаны трубы, вода бѣжитъ да и въ колодезь идетъ; а вода въ колодезяхъ не портится; во весь годъ бѣла, а не желта. И мало пошедъ по-надъ юдолью на правой рукѣ въ полугорѣ стоитъ древо маслично, окладено каменемъ, съ храмину будетъ; а подъ тѣмъ древомъ, сказываютъ, что Ісаію пророка жиды пилою претерли деревянною; и то древо зелено и до сего. И отъ того древа мало пошедъ

подъ гору въ юдоль, и перешедъ юдоль, на другой сторонѣ юдоли пошедъ на гору, тутъ село Скудельничье, отъ града то село съ версту на полуденную страну, въ погребеніе страннымъ, что̀ окуплено Христовою кровью; иже Христа Іуда предалъ іудеямъ на тридесять сребренницѣхъ, и тако жидове купиша тѣми сребренниками село Скудельничье въ погребеніе страннымъ. А которые православные христіане приходятъ отъ всѣхъ странъ отъ востока и запада поклонитися гробу Господню и святымъ мѣстамъ, и коему прилучится отойти къ Богу—и тѣхъ христіанъ кладутъ въ тому дому въ селѣ Скудельничьѣ; аще ли будетъ инокъ, въ коемъ монастырѣ пришлецъ—случится ему умрети; и того монастыря тутъ же приносятъ въ тоже село Скудельничье. А Іерусалимца въ томъ селѣ никогда не кладутъ. Въ томъ селѣ ископанъ гробъ каменный, какъ пещера, а дверцы малы учинены; и въ томъ погребѣ передѣланы закромы; а кладутъ христіанъ въ томъ погребу безъ гробовъ на землѣ; а лежитъ тѣло сорокъ дней мягко и цѣло, а смраду нѣтъ отъ него; а егда исполнится сорокъ дней и объ одну ночь станетъ тѣло его земля, а кости его наги станутъ; и приде той человѣкъ, кой приставленъ къ той пещерѣ, и ту землю лопатою соберетъ въ закромъ, а кости въ другой; а кости тѣ цѣлы и до сего дни; а земля ихъ прежде сего, сказываютъ, голубая бывала, а нынѣ черна какъ и прочихъ человѣкъ; только смрада нѣтъ. А въ пещеру когда войдешь, такъ духъ тяжекъ; мы ходили въ ту пещеру, платомъ ротъ завязавши; а закромовъ въ той пещерѣ много; а ходятъ со свѣчами зажегши, а то темно въ пещерѣ, ничего не видать. А та пещера стоитъ надъ юдолью плачевною; а юдоль плачевная пошла подъ лавру святаго Саввы освященнаго и къ Содомскому морю; а сказываютъ, что тою юдолью плачевною въ день страшнаго суда праведнаго Господня рѣка огненная потечетъ.

Домъ Давыдовъ стоитъ отъ западной страны у вратъ Лидскихъ; и отъ Египта приходятъ въ тѣ врата; домъ Давыдовъ придѣланъ къ градской стѣнѣ; три стѣны внутрь града, а четвертая градская; кругъ его копанъ ровъ; и чрезъ ровъ мостъ прежде сего бывалъ каменный, а нынѣ деревянный. У вратъ великаго дома лежатъ пушки большія и сторожи, караулъ великой, стоятъ: турки, арапы, янычеры. А живутъ въ немъ турки, а христіанъ не пущаютъ; а кто дастъ подарокъ, такъ того и пустятъ. А величиною тотъ домъ какъ изъ лука стрѣлить; а равенъ вдоль и поперекъ; а хоро̀мъ въ немъ развѣ одна палата, изъ нея же Давыдъ видѣ Вирсавію мыющуюся въ винограде; и мы грѣшніи въ томъ домѣ были; турки насъ пущали, а мы имъ дали подарокъ, такъ они насъ водили въ палату Давыдову. А въ палатѣ Давыдовой живетъ турчинъ; въ палатѣ только одно окно, другое въ предѣлѣ; а въ палатѣ на окнѣ яма велика въ камень выгнулась; а сказываютъ про ту ямицу: когда де Давыдъ псалтырь писалъ—тогда возлегъ локтемъ опочинуть на тотъ камень; такъ локоть во камень и вогнулся что въ воскъ. А надъ тѣмъ каменемъ горятъ кандила съ масломъ деревяннымъ и день и ночь; а ставятъ то кандило турки: почитаютъ Давыда и турки; и мы грѣшніи тотъ камень цѣловали; а что глаголетъ святое писаніе: *въ домѣ Давыдову страхъ великъ*, и нынѣ въ томъ дому страха нѣтъ, и въ немъ турки жи-

вутъ. А то будетъ совершаться таинство во время страшнаго Христова пришествія. Отъ того же дому Давыдова отъ западной страны близь дома Давыдова есть потокъ сухъ подъ градскою стѣною подъ домомъ Давыдовымъ; имя тому потоку юдоль плачевная, идѣже хощетъ течь рѣка огненная въ день страшнаго суда. А въ полуденную страну нынѣшняго града Іерусалима за стѣною у вратъ града стоитъ гора Сіонъ, мати церквамъ, (*) Божіе жилище; на той горѣ прежде сего бывалъ монастырь, а нынѣ турецкій мечетъ, въ немъ же турки живутъ. На той же горѣ близь градской стѣны домъ Зеведеовъ, отца Іоанна Богослова; въ томъ дому тайную вечерю сотвори Іисусъ со ученики своими; въ томъ же дому Іоаннъ возлеже на перси Господни; въ томъ же дому жила Пресвятая Богородица, егда Господь нашъ Іисусъ Христосъ стоя на крестѣ глагола матери своей: «жено, «се сынъ твой; потомъ глагола ученику: «се мати твоя; и отъ того часа поятъ ю «ученикъ во свояси (Отъ Іоанна XIX, 26—28), въ той же домъ свой»; второе, въ томъ дому было сошествіе Святаго Духа на святые Апостолы и ученики въ день пятидесятный; въ томъ дому и преставленіе бысть Божіей Матери; въ той же домъ по воскресеніи пріиде Христосъ къ ученикомъ и дверемъ затворенным и ученикомъ собраннымъ, и показа Ѳомѣ руцѣ и ребра своя. На той же горѣ былъ гробъ Давыда царя и сына его Соломона; на той же горѣ гробъ святаго первомученика Стефана, на той же горѣ есть пещера, гдѣ Давыдъ псалтырь сложилъ; на той же горѣ Ангелъ Господень отсѣкъ руку жидовину, прикоснувшемуся гробу Пресвятыя Богородицы. А отъ дома Іоанна Богослова на лѣвую сторону верженіемъ изъ лука Галилея малая; тамо первѣе по воскресеніи своемъ Христосъ изъ мертвыхъ явися. А та вся мѣста на Сіонской горѣ; а домомъ Зеведеовымъ владѣютъ у турка еретики: проклятые армяне купили. Потомъ поидохомъ за градскую стѣну въ пещеру Варухову; та пещера отъ градской стѣны яко бы верженіемъ изъ лука; и въ той пещерѣ живутъ турецкіе магометанскіе діавольскіе пророки; а та пещера ограждена и сады въ ней насаждены по оградѣ; и въ ту пещеру турецкіе пророки берутъ по парѣ съ человѣка да и пустятъ; а пещера зѣло велика и высока и пространна: а сказываютъ про ту пещеру: когда плѣненъ бысть Іерусалимъ, Іеремія пророкъ веденъ бысть въ плѣнъ и тамо пребысть въ Вавилонѣ седмдесять лѣтъ; Варухъ же пророкъ, жалѣя учителя своего Іеремію и Іерусалимова разоренія, и затвори себя въ той пещерѣ, и плакаше о разлученіи учителя своего Іереміи недомысліемъ себя смотряя, даже до возвращенія людскаго затворенъ бысть въ пещерѣ; внегда же людіе ко Іерусалиму возвратишася—тогда и Варуху изъ пещеры изшедшу Іеремію погребе; и та пещера зѣло удивительна; прежде сего бывала внутрь стараго града, а нынѣ внѣ новаго града за стѣною градскою; и многія знать палаты стараго града Іерусалима, строенія и сады; нынѣ тутъ все пусто; только одна пещера Варухова.

Потомъ повели насъ во обитель Саввы освященнаго; также пригнали коней арапы; и сбирались всѣ за градскія врата да и пошли отъ Іерусалима ко обители

(*) Сличи *Голубиную книгу*.

святаго Саввы освященнаго, а шли все юдолью плачевною; а когда стали сбиратися богомольцы, тогда арапы окаянные сильно сажаютъ на кони; и бьютъ кто какъ не хочетъ ѣхать на лошади; великое насиліе! а извозъ дорогой; отъ Іерусалима до Саввина монастыря съ человѣка по талерю, а переѣздъ двадцать верстъ. Бѣда су со арапами! Нигдѣ отъ нихъ ухода нѣтъ; вездѣ враги насилуютъ, сильно на коней сажаютъ. И шли мы юдолью плачевною; и будетъ какъ на полупути отъ Іерусалима, тутъ мы нашли на араповъ; они поятъ скотъ, козы, овцы, великія стада. А ихъ собакъ многое множество; а стали на дорогѣ, а ходъ мимо ихъ; а они наливаютъ воду въ корыта; такъ дорогу у насъ заняли; а арапы дикіе, да и задрались съ нашими провожатыми арапами жъ: чортъ на чорта нашелъ! (*) А мы нутка бѣжать все юдолью, а наши арапы съ ними драться; да битва у нихъ великая была; имъ было хотѣлось насъ грабить, а тѣ не даютъ; а проводники наши на коняхъ кругъ нашего каравана бѣгаютъ да кричатъ намъ, чтобъ бѣжали; а мы бѣгли да и ротъ разинули. Охъ дорожка! дала ума знать! А сами таки махаютъ: что бѣгите? Еслибы этимъ арапамъ попались, то бы прощай! не токмо бы пограбили — всѣхъ бы тутъ побили для того, что дичь кочевая, а не сельскіе. Когда мы ко Іерусалиму шли, такъ тутъ насъ грабили сельскіе; они только грабятъ, а не убиваютъ. И тако мы бѣжали версты съ три безъ памяти, другъ друга топтали, кто силенъ, тотъ напередъ и ушелъ. А все юдолью бѣжали да и набѣжали на ихъ кочевья; тутъ у нихъ стоятъ палатки; и жены и дѣти ихъ тутъ, да и козлята молодые, овечки малыя. И когда насъ увидѣли арапскія жены, ребята, подняли крикъ, вопль; выскочили изъ палатокъ нагіе; черны — только зубы блещутъ. Тутъ мы пуще того испугалися, а вопль намъ ихъ показался, кажется до небесъ. Тутъ мы еще бѣжали съ версту; едва отдохнули, такъ набѣжали на насъ проводники наши, и сказали намъ: не бойтесь де теперьво! И такъ мы взыдохомъ на гору, высоко только въ полгоры и мало поидохомъ и увидихомъ монастырь Саввы освященнаго и обрадовахомся зѣло; и пришли къ монастырскимъ воротамъ, слезли съ коней; а у вратъ стоятъ арапы; не пропущаютъ собаки; берутъ со всякаго человѣка по пяти паръ да и пустятъ въ монастырь; и тако мы внидохомъ въ лавру святаго Саввы освященнаго. Зѣло предивенъ монастырь; у насъ такова подобіемъ и удивительствомъ въ Руси не сыщешь; хитро сильно стоитъ съ полугоры; стѣны ведены круто зѣло. А въ томъ монастырѣ въ лаврѣ святаго Саввы храмъ большой Преображенія Господня; зѣло предивенъ; письмо все стѣнное: и иныя церкви есть многія малыя. Тутъ же въ монастырѣ мы видѣли келью святаго Саввы, гдѣ онъ самъ труждался; вытесана въ горѣ какъ можно человѣку сѣсти, а стоять не льзя; прежде сего сказывали выхаживало мvро, а нынѣ нѣтъ. А стоитъ тотъ монастырь на краю юдоли плачевной, которая пошла въ Содомское море, а итти тою юдолью до Содомскаго моря отъ Савви-

(*) Замѣчательно у нашего путешественника соединеніе искренняго благочестія съ грубостью, доходящею до неприличія, на нашъ взглядъ. Такъ точно въ Житіи протопопа Аввакума сила вѣры и рядомъ съ нею сквернословіе.

на монастыря съ полдня; сказываютъ: какъ посмотришь съ монастыря къ Содомскому морю, кажется, версты двѣ, да межи горъ куликовато юдолью; а подойти къ тому морю нельзя, чтобъ его близко посмотрѣть отъ арапъ; да и не велятъ турки ходить, а то море животнаго въ себѣ ничего не держитъ, а воды пить нельзя; горька и солона, и всякое животное въ себѣ уморяетъ; а то море не велико, что озеро; узко да длинно; а ходу, сказываютъ, кругъ его пять дней. А когда мы пришли въ монастырь, тогда насъ игуменъ ввелъ въ церковь; тутъ намъ вынесли крестъ, сдѣланъ отъ части животворящаго древа; мы же грѣшніи цѣловахомъ тотъ крестъ и обрадовахомся радостію неизрѣченною. И потомъ повели насъ на гробъ святаго Саввы; среди монастыря сдѣланъ голубецъ каменный, а въ немъ гробъ; и покровъ черный; на покровѣ крестъ вышитъ; мы же грѣшніи гробъ его лобызахомъ. А мощи гдѣ — про то Богъ вѣсть; и сами греки не вѣдаютъ, тутъ ли подъ спудомъ или индѣ гдѣ. Потомъ намъ вынесли въ церкви три главы Ксенофонта и сыновъ его Аркадія и Іоанна цареградскихъ; и тако мы грѣшніи тѣ главы лобзахомъ. Потомъ повели насъ въ пещеру; тутъ зѣло костей много въ той пещерѣ; мы вопросихомъ тутъ старцевъ, что то это за мощи? а старцы намъ сказали: «эти де мощи новыхъ мучеников; когда де взялъ турокъ Іерусалимъ, тогда салтану турецкому сказали, «что есть тутъ монастырь, а въ немъ «калугеровъ много, пятнадцать тысячь, «и они де лихи: собравшися пришедъ «да опять возмутъ Іерусалимъ; такъ турецкій царь послалъ пашу въ монастырь святаго Саввы; велѣлъ избить. «И турки пришедъ стали убивать отцовъ; «изъ пещеръ таскать вонъ да головы «отсѣкать; отцы же, видѣвши суровство «звѣрское отъ турокъ, не сташа противитися и начаша свои головы подъ «мечь клонити; и побиша ихъ турки до «осьми тысячь. И виде паша турецкой, «что калугеры не противятся имъ — «посла вѣдомость къ турецкому салтану, «что старцы ни въ чемъ не противятся, «царь же умилися, послалъ писаніе, велѣлъ престать убивати, а ихъ свободити; куда хощутъ идутъ, а тутъ бы «не жили. И тако паша возвратился во «Іерусалимъ, а отцы, собравши мощи «избіенныхъ, да въ той пещерѣ и положили; а сами и пошли до Аѳонскія «горы и тамо водворишася.» А нынѣ въ тѣхъ пещерахъ живутъ арапы; зѣло много пещеръ на юдоль плачевную; намъ же старцы приказывали, чтобъ отъ тѣхъ мощей не брали ничего, мы же зѣло того опасались отъ тѣхъ мощей брать; старцы сказывали, если кто возьметъ, а когда де прійдетъ на море, такъ де корабль съ тѣми мощами на море не пойдетъ; а турки де станутъ обыскивать; а когда у кого найдутъ, такъ де того человѣка совсѣмъ въ море и кинутъ. Мы же хождахомъ поверьху монастыря и удивляхомся таковому зданію; пачеже пещерамъ, гдѣ отцы жили; а теперьво по тѣмъ вертепамъ живутъ босурманы; прежде сего принашивалась Богу жертва, а нынѣ богомотанье; тогда постъ и молитва, слезы, а нынѣ жертва діаволу тутъ приносится; да ужто Богу такъ изволившу? а все то за наши грѣхи такъ Богъ попустилъ босурманамъ владѣть святыми мѣстами? И тако мы смотрихомъ съ монастырской ограды въ юдоль плачевную; круто зѣло утесомъ,

и тутъ видѣхомъ араповъ: таскаются по юдолѣ плачевной, а сами подшедши подъ ограду монастырскую кричатъ съ долу, просятъ хлѣба; и старцы Саввина монастыря со ограды кидаютъ имъ, что собакамъ, по малу хлѣба; иной кой напередъ подхватитъ да и побредетъ во юдоль плачевную; а иные клечетѣютъ, глядятъ къ верьху, дожидаются, чтобъ еще бросили; такъ другому кинутъ, да и тотъ также побредетъ; да такъ-то старцы-то по вся дни съ ними мучатся; а за монастырь вытти не льзя, ограбятъ; а сверьху монастыря старцы не велятъ глядѣть на нихъ собакъ. И гулявши по монастырю позваша насъ за трапезу; и трапеза было довольна и вина было много; и тутъ Дороѳей побралъ по прежнему какъ и въ прежнихъ мѣстахъ, да и на игумена бралъ по талеру съ человѣка. И тутъ мы ночевахомъ; а утре на перьвомъ часу поднесли по финжалу раки да и пошли изъ монастыря во Іерусалимъ. И какъ мы вышли за ограду монастырскую — тутъ на другой сторонѣ стоитъ столпъ каменный высокъ; а на немъ стоитъ затворникъ весь наружи, на верьху столпа поджемши руки къ клабуку; а греки ходили къ нему на поклонъ и прощенья просили отъ него. И я спросилъ тутъ старца, что молъ это за диво и святость? Такъ онъ разсмѣялся: этотъ де столпникъ на часъ; какъ де богомольцы сойдутъ съ монастыря, а его де за ними вѣтръ сдуетъ доловъ. (*) Мы же подивилися тому столпнику да и пошли. Такіе-то у грекъ столпники обманщики! А идохомъ ко Іерусалиму уже не юдолью, но горами высокими; горы зѣло высоки; и отошли верстъ за десять: стоитъ село арапское; а прежде сего бывала обитель Ѳеодосія великаго; нынѣ только церковь одна, и въ той арапы коней запираютъ.

И придохомъ во Іерусалимъ, и пребыхомъ до Введенія пресвятыя Богородицы. И на праздникъ Введенія Богородицы звали всѣхъ богомольцевъ въ монастырь (а тотъ монастырь дѣвичій, живутъ старицы). И былъ въ вечерни митрополитъ Птоломаидскій и обѣдню служилъ и поученіе челъ. И послѣ обѣдни посадили всѣхъ богомольцевъ въ палатѣ и давали всякому человѣку по финжалу раки, по другому вина церковнаго, а брали съ человѣка по червонному, по талеру, по полуталеру. И тако поидохомъ по своимъ кельямъ. Потомъ на вечеръ стали намъ всѣмъ возвѣщать, чтобы были готовы итти въ великую церковь, мы же начаша готовитися; и пришли всѣ богомольцы къ великой церкви и стали всѣхъ вѣръ сходитися; потомъ сошлися всѣ и стояхомъ у великой церкви, и ждахомъ пашу турецкаго; потомъ пришелъ паша, ему же турки послаша ковры; и сѣлъ паша у вратъ церковныхъ; потомъ пріидоша къ нему толмачи всѣхъ вѣръ и сташа подлѣ него, потомъ турчинъ принесъ лѣстницу и прислонилъ къ вратамъ церковнымъ, и влезши отпечаталъ, потомъ отперъ; и пришедъ митрополитъ греческій со христіаны греки, и сташа у вратъ церковныхъ; потомъ пришли и еретическихъ вѣръ: армяне, французы и прочихъ ересей и стали у вратъ церковныхъ всѣ, потомъ турчинъ сталъ брать со всякаго человѣка по три червонныхъ, а съ еретическихъ по шти червонныхъ, да и печатки давалъ всякому человѣку.

(*) *Доловъ* вмѣсто нынѣшняго *долой*.

Генваря въ 18 день поидохомъ изъ святаго града Іерусалима на Русь, въ пятницу предъ недѣлью мытаря и Фарисея, на первомъ часу дня; поидохомъ мы грѣшніи изъ святаго града Іерусалима; и намѣстникъ патріаршій приговорилъ намъ извощика арапа, христіанина греческой вѣры; и тако мы убравшися на кони поидохомъ изъ града; и вышедши за градскіе ворота стахомъ на полѣ Іерусалимскомъ. И приказалъ насъ питропосъ проводить толмачу старцу; и толмачь выпроводилъ за градъ, сталъ извощику приказывать, чтобъ насъ въ цѣлости на пристани поставилъ и никакой бы намъ шкоды (58) не учинилъ; а намъ старецъ толмачь говоритъ: если де извощикъ вамъ на пути какое зло учинитъ, то-де пишите ко мнѣ; я де на немъ за рубль доправлю двадцать рублевъ; и велѣлъ намъ толмачь дать извошику, всякому человѣку, по штидесяти паръ на раздачу по дорогѣ арапамъ разбойникамъ, чтобъ арапы насъ не трогали, чтобъ извощикъ насъ во всемъ очищалъ. И тако мы, убравшися совсѣмъ и помолившись Господу Богу и пречистой его Богородицѣ, и призваши въ помощь всѣхъ святыхъ, и поклонихомся святому граду Іерусалиму, поидохомъ въ путь свой на пристань морскую. И того дня минухомъ село Еммаусъ и того дня доидохомъ до града Ромеля и пріидохомъ въ метоху сирѣчь на подворье Іерусалимское; и старецъ того подворья принялъ насъ съ любовью, а мы зѣло съ пути утомились; и старецъ поднесъ намъ вина церковнаго, а намъ утомленнымъ зѣло въ пользу, поживились, такъ зуда-то поотходить стала. И тако мы, препочивши ту ночь, утре рано на первомъ часу извощикъ привелъ намъ кони и поидохомъ ко граду Іопіи на пристань морскую; и того же дни пріидохомъ во Іопію яко въ пятомъ часу; и стахомъ въ метохѣ Іерусалимской; и старецъ попъ черный принялъ насъ съ любовью, и угостилъ насъ трепезою обильною. А когда мы шли до пристани морской отъ Іерусалима, и намъ на пути отъ арапъ зла не учинилося; слава Богу святому, потому что арапъ извощикъ насъ во всемъ очищалъ отъ нихъ собакъ тѣми деньгами, что мы ему дали по двадцати алтынъ съ человѣка. А когда гдѣ найдемъ на дорогѣ на разбойниковъ, они что собаки лежатъ свернувшись; какъ увидятъ насъ, такъ вскочатъ всѣ, да такъ и бросятся на насъ, а мы укажемъ на извощика: *Е, арапча, кофаръ* молъ за насъ дастъ *пешкешъ*, сирѣчь подарунокъ; такъ они и пойдутъ къ извощику. А извощикъ уже имъ собакамъ даетъ иному грошъ, а иному кустъ табаку, да такъ то насъ Богъ помиловалъ отъ нихъ собакъ. А извощикъ все шелъ позади насъ для разбойниковъ араповъ; какъ на насъ нападутъ, такъ и укажемъ назадъ на извощика, такъ они къ нему и кинутся, а мы въ тѣ поры ну да ну впередъ по дорогѣ; да такъ то Богъ и спасъ насъ отъ всѣхъ бѣдъ. А за извозъ мы давали по два талера на коня, а ходу полтора дня; и всякому человѣку по два коня, подъ себя лошадь, подъ рухлядь другая; а иные и пѣши шли, только подъ рухлядь нанимали.

---

(58) *Шкода*, по польски, значитъ уронъ, убытокъ, вредъ. Польскія и Малороссійскія слова въ устахъ московскаго священника того времени объясняются вліяніемъ московской славяно-греколатинской академіи.—*Питропосъ* — надзиратель, надсмотрщикъ.

А когда мы пришли на пристань во Іопію, и въ тѣ поры на пристани кораблей не было: прихода не было для того, что время зимнее, такъ къ той пристани корабли не приходятъ и негдѣ кораблямъ ставиться; нѣтъ пристани доброй, такъ тутъ зимою корабли разбиваетъ вѣтромъ. И намъ бысть о томъ какъ такъ что кораблей нѣтъ? что дѣлать? стала наша дорога, а градъ пустой, харчь зѣло убога, гладомъ было померли, тутъ живучи; а у Турокъ собакъ въ то время прилучился ихъ праздникъ турецкій; мѣсяцъ цѣлый они постятся, такъ на базарѣ не добудешь никакой харчи; а хлѣбъ уже вынесутъ на вечеръ, какъ солнце станетъ садиться, и тотъ весь разорвутъ турки. А иные у насъ иной день и не ѣдши были; зѣло нужно было; нечѣмъ поживиться было, не добудешь ни рыбы, ни яицъ, самая пустошь. А жили мы тутъ на пристани двѣ недѣли, а пуще намъ года стало, зѣло печально и уныливо было. Ужасъ, только отъ моря стонъ стоитъ, какъ море шумитъ да волнами разбивается, а хортуны страшныя были, великія! А отъ печали у насъ то и забава была, что бывало пойдемъ подлѣ моря гулять; такъ версту и другую пройдешь, такъ будто тоска-то малое число посволочетъ; да и тутъ гуляешь, а назадъ оглядаешься, чтобы арапы разбойники не набѣжали. А когда мы пришли на пристань, такъ какъ попъ черный, кой тута живетъ въ метохѣ, на другой день взбѣсновался; такъ мы грѣшніе ту всю ночь надъ нимъ возились. Былъ у насъ крестъ московскаго литья мѣдный; такъ тѣмъ крестомъ все его ограждали; а діаволъ-отъ въ немъ кричитъ: студено-де, ознобили де меня; указываетъ на полку ко иконамъ; вонъ де ставросъ деревянный, тѣмъ де меня ограждайте, а этимъ де ознобили меня. А тотъ крестъ не по подобію написанъ, двоечастный, а не троечастный; такъ діаволу то хочется, чтобъ его тѣмъ крестомъ ограждалъ, ему ужъ-то легче отъ того; а я таки не слушаю да все московскаго дѣла крестомъ ограждалъ; и ему даю цѣловать, а онъ зубы скрегчетъ на меня, съѣсть меня хощетъ, да Богъ ему не попуститъ, такъ онъ мнѣ ничего зла не учинилъ. А такъ то мы съ нимъ до полуночи провозились; такъ онъ утомился да сталъ проситься: дайте де отдохнуть; такъ мы его положили на постелю; такъ онъ до утрія уснулъ. Потомъ утре всталъ да меня грѣшника призвалъ да сталъ говорить мнѣ: пожалуй-де проговори надъ мною одно Евангеліе, всѣ четыре Евангелиста; такъ я надъ нимъ по два дня говорилъ Евангеліе; такъ его Богъ миленькаго помиловалъ; сталъ разумъ здравъ; чуть было діаволъ не похитилъ. И какъ попъ пришелъ въ разумъ, зѣло до насъ былъ добръ; часто насъ рыбою кормливалъ. Потомъ пришелъ малый корабль изъ Акрей, и сказали намъ корабленники, что есть де во Акрѣхъ корабли Египетскіе; тамъ мы наняли корабль малый и стали сбираться. Послалъ за нами паша турецкій, услышалъ, что мы идемъ во Акри; и я пришелъ предъ пашу; и паша велѣлъ толмача призвать; и переводчикъ пришелъ, и паша велѣлъ у меня спросить, естьли де у него отъ салтана турецкаго указъ. И я ему взявши листъ турецкій да и подалъ, такъ онъ и сталъ чести; и прочетши листъ да и молвилъ: вотъ де папасъ московъ, смотри на меня; и я на него смотрю, а онъ листъ салтанскій свернулъ да и поцѣловалъ и на главу положилъ; а самъ чрезъ толмача говоритъ мнѣ: слышалъ

де я, что де ты въ ночи ѣдешь въ Стамбулъ; и ты поѣзжай, Богъ тебѣ въ помощь; сказывай де въ Царѣ-градѣ и въ Ядринѣ, что мы такъ салтанскій указъ почитаемъ; таковы де мы турки своего государя опасны; мнѣ де до тебя нѣсть дѣла никакова; я де для того тебя позвалъ, что де ты московскій человѣкъ, да пришелъ де съ салтанскимъ указомъ; а прежде сего съ такими указами никто не хаживалъ; такъ де я для салтанскаго здравія позвалъ де тебя поздравить и честь воздать, чтобъ де ты, выѣхавши на Русь, про насъ слово доброе молвишь. Да велѣлъ мнѣ сѣсть; а самъ мнѣ чрезъ толмача говоритъ: не покручинься де пожалуй, что де я тебя ночью позвалъ; у насъ де у турокъ нынѣ постъ; такъ де мы въ день не пьемъ, не ѣдимъ; такъ де я того ради въ день и не позвалъ; и теперьво де станемъ со мною кагве пить. И я ему сказалъ чрезъ толмача: я молъ кагве не буду пить; у насъ молъ на Руси нѣтъ этаго питья, такъ мы не повадились его пить; челомъ бью за твое жалованіе. И онъ мнѣ паша молвилъ: чѣмъ же де мнѣ тебя подчивать? вина де мы не держимъ для того, что сами его не пьемъ; иди же съ Богомъ. И я вставши да поклонившися да и вонъ изъ палаты пошелъ. И пришедъ на монастырское подворье да и стали въ корабль кластися. А корабленникъ нашъ сталъ бѣситься и не сажаетъ насъ на корабль, и не сталъ нашей рухляди на корабль класти; да поднявши паруса да и пошелъ ночью. А мы и остались на берегу моря, и намъ зѣло горько стало и слезно; да что нѣть дѣлать? быть такъ, ужъ то молъ Богу такъ изволившу. И стали мы опять рухлядь носить на подворье; и той день намъ бысть зѣло печально. Потомъ мы смотримъ, анъ передъ вечеромъ и пришелъ той же корабль назадъ. Зѣло обрадовалися; и пришелъ къ намъ корабленникъ да и сталъ прощатися: простите де Бога ради, оскорбилъ де я васъ; я де верстъ съ пятдесятъ отшелъ да и опамятовался; и мнѣ де стало васъ жаль, какъ такъ сдѣлалъ, что ихъ не помиловалъ, хотя бы и басурманъ былъ, инъ бы можно помиловать. Да и велѣлъ намъ кластися въ корабль. Потомъ паша призвалъ корабленника и сталъ его бранить, для чего де ты не взялъ московскаго папаса; и зѣло ему пригрозилъ, чтобъ насъ взялъ. И мы въ ту ночь поклавшися да и пошли, и въ туже ночь не много отошли, потому что не было вѣтру добраго; и на зарѣ сталъ вѣтръ великъ зѣло. И того дня на вечеръ пришли во Акри, анъ кораблей Египетскихъ нѣтуть. И намъ зѣло стало печально, когда нашъ корабль присталъ ко брегу: потомъ мы рухлядь свою взявши да и пошли въ метоху митрополью; и старецъ митрополій далъ намъ келью и потомъ намъ трапезу поставилъ, и мы стали у него спрашивать, давно ли молъ корабли пошли во Египетъ, и старецъ сказалъ, что третьяго дни пошли, и вновь де скоро будутъ, не печалься де; скоро пойдешь во Египетъ; и намъ отъ старцовыхъ рѣчей стало радостно сильно.

И на утрѣ Февраля во 2 день на праздникъ Стрѣтенія Господня позвалъ насъ къ себѣ арапъ-христіанинъ и зѣло насъ угостилъ; рыбы было не скудно и вина; было довольно всячины. И за трапезою было у насъ рѣчей много; спрашивали про Государя и зѣло желаютъ сильно, чтобъ Государь Царь-градъ взялъ: не видать де намъ тѣхъ дней, чтобъ де Государь Московскій свободилъ насъ отъ

турокъ! И зѣло тотъ человѣкъ любовь къ намъ показалъ; и употчивалъ насъ; и тако отъ него изыдохомъ въ подворье монастырское. И по тріехъ днѣхъ, въ среду на сырной недѣлѣ, якобы о полудни, пришли четыре корабли Египетскіе съ товарами; потомъ, приставъ ко брегу, стали выгружать товары. Мы же пришедъ къ кораблеиннику и порядили съ человѣка по талеру до малаго Египта, а по турецки Домятъ. А у турокъ въ тѣ поры прилучился баяранъ, сирѣчь праздникъ въ субботу на сырной недѣлѣ, и была у нихъ изъ пушекъ стрѣльба; а празднуютъ турки свой праздникъ три недѣли. Потомъ въ воскресенье сырное, въ заговѣны, велѣлъ намъ карабельщикъ на корабль рухлядь носить; мы же рухлядь на корабль привезохомъ и съ корабля поидохомъ во градъ погулять, а кораблеинникъ не сказалъ намъ, что де сего дня буду отпущаться. А когда мы во градъ вошли, тогда насъ градскій житель лучшій человѣкъ аранъ-христіанинъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ; мы же поидохомъ, а опасеніе у насъ было, чтобъ нашъ корабль не ушелъ; но господинъ, у кого мы обѣдаемъ, тотъ насъ окроти: я де вѣдаю, что де сегодня корабль не пойдетъ. Такъ мы поослабли; а трапеза была зѣло довольна: было рыбъ всякихъ размаитыхъ; и такову любовь намъ показалъ, что самъ съ братьями у трапезы служилъ, во всю трапезу все стоялъ. А корабль въ тѣ поры почалъ отпущаться, а насъ нѣту, а матросы по граду бѣгаютъ да насъ спрашиваютъ; а взять не вѣдаютъ гдѣ; потомъ матросамъ сказали гдѣ; и они къ тому дому пришедъ про насъ спрашиваютъ; и рабы пришедъ господину говорятъ, что де уже корабль отпустился; а мы языка не знаемъ, что говорятъ; а господинъ перемогается, а намъ не скажетъ: жаль ему насъ, что корабль ушелъ, а хочется ему, чтобы обѣдъ докончили; а самъ велѣлъ поскорѣе бы ѣства нести, ѣство за ѣствомъ; такъ мы стали припознавать, что онъ сталъ скорбенъ, такъ мы у толмача спросили: что молъ онъ господинъ печаленъ? Такъ толмачь сказалъ: вѣдь де корабль вашъ ушелъ! Такъ мы какъ услышали, такъ вставъ изъ за стола да и побѣжали къ пристанищу морскому; анъ нашъ корабль верстъ съ десять ушелъ на морѣ; чуть чуть видить. А стало къ ночи; и мы только руками розно! А у пристани прилучились турки въ то время и по насъ стали тужить, да и стали съ кораблей кликать матросовъ съ сандалами; такъ тотчасъ подбѣжали греческіе матросы; такъ мы ихъ порядили нагнать корабль, дали талеръ съ двухъ человѣкъ. Только мы въ сандалъ сѣли, анъ тотъ господинъ, у кого мы обѣдали, и прибѣжалъ на пристань, а мы уже отпущаемся; и спросилъ у матросовъ: что де порядились извозу? и они сказали, что талеръ; и онъ выхватилъ изъ кармана талеръ да и кинулъ въ лодку; вотъ де вамъ извозъ за него; болѣ де того не берите! а самъ сталъ со мною прощаться: прости де Бога ради, моя де вина! Я су лише подивился: едакая христіанская душа. Потомъ мы поклонихомся ему и отпустихомся на море. Отвезли насъ матросы отъ брега версты съ три да и покинули грести, а сами и стали у насъ просить еще за провозъ; того де мало, не хотимъ везти; и стало наше дѣло; мы то такъ, то сякъ; не везутъ, не въ моготу де, не нагнать; дай де еще талеръ! и тотъ, кой взяли за извозъ, и бросили мнѣ въ сандалъ; и я су, что дѣ-

лать, взялъ; ну молъ поѣзжайте назадъ; и я молъ буду на васъ пашѣ бить челомъ. А къ зарѣ-то видимъ, нашъ корабль поворотился на насъ; вѣтръ сталъ утихать; а они тоже видятъ, что корабль сталъ, такъ они перестали грести и стали шумѣть одно, что дайте другой талеръ; и много шумѣли, и мы говоримъ, повезите молъ назадъ; такъ они и стали уже и тотъ талеръ просить; такъ я отдалъ имъ; они же погребши мало да опять перестали грести; и зѣло безумные горесть нанесли, и во грѣхъ ввели; едва злодѣи до корабля довезли, такъ насъ на корабль тотчасъ матросы приняли; такъ они со студомъ отъ корабля поѣхали. А я раизу на нихъ жаловался; такъ онъ на нихъ сталъ шумѣть. Потомъ вѣтръ сталъ утихать; и подшедши подъ гору Кармилскую, да и стали на якорѣ. Потомъ поутру встали матросы и хотѣли парусы разпущать, и якори вынимать; а раизъ сталъ на морѣ смотрѣть въ дальную пучину и сталъ присматривать и позналъ, что хочетъ быть погода великая въ морѣ; потомъ раизъ не велѣлъ якори вынимать; и стояли мы отъ погоды подъ Кармилскою горою пять дней. И въ пятницу на первой недѣли на вечеръ уже въ ночномъ часу погода стала затихать; такъ раизъ увидѣлъ, отъ города отъ Акрей стали корабли отпускаться, такъ и онъ велѣлъ якори вынимать и парусы подымать. Потомъ пошли въ ночь противъ субботы; и бысть намъ поносъ добрый; и въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста о полудни пріидохомъ ко устью Нила; и не дошедъ усть Нила якобы верстъ за пять и стали на якорѣ. И потомъ изъ малаго Египта пришли малые корабли да и взяли кладь изъ корабля всю, и корабль порозжій да и привязали да и повели подъ Домятъ. Тутъ на усть Нила мелко; не пройдетъ корабль грузомъ; такъ малыми выгружаютъ, а большой порозжій волокутъ за собою. И на вечеръ пріидохомъ подъ Домятъ; и тутъ пришли къ намъ на корабль арапы да и взяли нашу рухлядь да и понесли въ метоху; игуменъ насъ стрѣтилъ съ честію да и далъ намъ келью, обѣдъ намъ устроилъ. И мы ему отъ намѣстника грамотки подали; а въ грамоткахъ писано отъ намѣстника, чтобъ о насъ радѣлъ, чтобъ намъ корабль добылъ въ Царь-градъ. Потомъ игуменъ сталъ намъ корабль добывать; и добылъ корабль добрый гречанина Ивана, а проименованіе ему Холава; такъ ему прозвище. А жили мы въ Домяти недѣли съ двѣ; потомъ въ Домяти учинился бунтъ отъ турокъ, и дня съ два и торгу не было; а насъ игуменъ вонъ изъ монастыря не пущалъ. И по малу бунтъ утишился; и мятежъ былъ великій въ народѣ; пришелъ отъ турка указъ, чтобъ малыми деньгами не торговать, да чтобъ туркамъ вина не пить и не шинковать, а грекамъ бы платья зеленаго не носить также и краснаго, носить бы черное и бѣлое; такъ за то было учинился бунтъ въ Домяти. Прошла было въ тѣ поры слава, что будто турецкій салтанъ пріѣхалъ и ходитъ по Домяту скрытымъ образомъ; такъ турки всѣ улицы метлами мели, опасались; они чаяли и вправду турецкій царь пришелъ; анъ все того ничего не было; такъ мялися. Потомъ передъ походомъ нашимъ звалъ меня архимандритъ Домятскій обѣдать; обѣдъ зѣло хорошій устроилъ; всего было много наспѣто; а тотъ архимандритъ былъ на Москвѣ за милостынею; а когда отобѣдавъ я отъ него пошелъ, такъ онъ мнѣ

на дорогу далъ съ пудъ финиковъ; зѣло добръ архимандритъ да и разуменъ. Мнѣ онъ много разказывалъ, какія тутъ на него бѣды бывали отъ турокъ; какъ его грабливали и церковь; не возможно его бѣдъ и писанію предать. И жили мы въ Домяти недѣли съ двѣ; потомъ стали корабли отпускаться и на усть Нила къ морю, и тамъ въ малые перегружаться. А мы дня три спустя послѣ ихъ, нанявъ каикъ, да и поѣхали съ рухлядью къ морю; анъ еще корабль нашъ не вышелъ на море; такъ мы и стали противъ заставы; и тутъ насъ остановили и стали нашу рухлядь досматривать; такъ я ему юмрукчею подалъ салтанскій листъ; такъ онъ прочетши да и не велѣлъ разбивать рухлядь да и велѣлъ намъ палатку очистить, гдѣ намъ стоять, докудова корабль пойдетъ; а самъ юмрукчей спросилъ у меня, у кого де ты идешь на корабли; и я сказалъ: у Холавы; и турчинъ мнѣ сказалъ: пеки адамъ, добрый де человѣкъ Холава, я де знаю; пойди де съ Богомъ. И тутъ мы на заставѣ жили два дня, покудова выгружались на морѣ; потомъ, сѣдши въ каикъ и рухлядь положа, да и поѣхали на море къ кораблю; и подъѣхавъ къ кораблю съ рухлядью и сѣли на корабль. А иные корабли убравшись пошли къ Царь-граду, а нашего раиза задоръ беретъ, что корабли пошли, а онъ сталъ; такъ сердитъ былъ зѣло; мы къ нему не подходили какъ онъ убирался; потомъ тотчасъ велѣлъ парусы подымать да и пошли, да то уже на ходу убирались. И бысть вѣтръ добрый; потомъ нашъ раизъ сталъ веселъ, какъ корабль пошелъ, а вѣтръ сталъ добрый; такъ мы подошедъ къ нему да поклонились; такъ и онъ намъ поклонился, а самъ молвилъ: таколо, деспота, добре де тебѣ будетъ, сиди здѣсь; да и велѣлъ мнѣ мѣсто хорошее очистить; а самъ подъ мѣсто рогожи стелетъ; спаси его Богъ миленькаго! добрый человѣкъ былъ; и хлѣбъ намъ велѣлъ давать и кашу, всячину что ни варятъ, то все велитъ давать. И шли мы четверо сутокъ, а вѣтръ все былъ боковый; и сбило насъ боковымъ вѣтромъ въ право верстъ съ двѣсти. Потомъ на четвертый день стали горы показываться; и на вечеръ подошли подъ градъ Мурликійскій, гдѣ Николай Чудотворецъ родился; потомъ къ ночи вѣтра добраго намъ не стало; и сталъ нашъ корабль ходить по морю то туда, то сюда, чтобъ не стоять, а прибыли нѣтъ. И тако ночь всю шатался, а утре по морю появились кораблей много, которые прежде насъ пошли, всѣ тутъ стали сбираться; потомъ караульщикъ нашъ сверху съ дерева кричитъ, что идутъ де корабли разбойническіе; потомъ мы смотримъ, анъ и всѣ корабли поворотили назадъ къ нашему кораблю; потомъ и нашъ раизъ велѣлъ назадъ корабль обратить да и пошли подъ городокъ Кастелоризъ. А когда мы стали входить во врата межи горъ, въ лиманъ, тогда изъ городка въ каику выѣхали граждане и сказали намъ, что въ городку моръ есть. Такъ нашъ раизъ хотѣлъ назадъ поворотить, анъ бѣжать и некуда: тутъ въ городкѣ моръ есть, а назади разбойники; такъ и некуда дѣваться стало; да и положились на волю Божію: лучше впасть въ руцѣ Божіи, нежели въ непріятельскія руки! И пошли подъ городъ и стали на якорѣ, потомъ за нами пришли всѣ корабли турецкіе да и стали; а разбойническіе корабли за лиманомъ сталина воротѣхъ, да и не выпустятъ никого. Все тутъ сталъ нашъ

путь, некуда дѣваться! И на третій день на турецкомъ кораблѣ умеръ раизъ турчинъ; бился съ разбойниками, такъ онъ отъ нихъ отбивался, такъ они разбойники у корабля древо подбили да сопетъ (?) разбили, а раизу руку отрубили, такъ онъ въ третій день умеръ. А забѣжали наши корабли въ тотъ лиманъ въ среду крестопоклонную, и стояли мы подъ тѣмъ городкомъ до святой недѣли. По томъ стояньи стали раизы съѣзжаться да думать, какъ быть, и придумали и послали почту въ Царь-градъ къ салтану турецкому, что разбойники не выпущаютъ. И зѣло намъ было тутъ житье наше печально, а когда мы подъ тѣмъ городкомъ стояли, и въ тѣ поры учинился на одномъ кораблѣ моръ сталъ, и зѣло тому кораблю стала нужда, не пущаютъ ни въ городъ, ни на корабли, а харчь пріѣли, взять негдѣ, а людей на кораблѣ остается не много, такъ раизъ дождавши вѣтру добраго да ночью и пошелъ на уходъ сквозь разбойническіе корабли, и гнали за нимъ верстъ съ двѣсти до Родоса города, и ушелъ, Богъ спасъ его, а корабль былъ христіанскій греческій. Потомъ на Вербное Воскресенье разбойники поймали попа да дьячка изъ города, они гуляли по берегу, и увезли на корабли, да пытали и спрашивали у нихъ, сколько де стоитъ кораблей подъ городомъ, такъ они сказали двадцать кораблей стоятъ мисирскихъ, такъ они ихъ и отпустили. Потомъ учинился у нихъ въ городкѣ великій моръ, такъ корабли и пошли отъ городка прочь на другую сторону въ другой лиманъ подъ горы зѣло высоки; и подъ тѣми горами стояли съ недѣлю. Тутъ и Свѣтлое Воскресенье взяли, и зѣло печально было въ такой пресвѣтлый праздникъ, а взяли въ пустомъ мѣстѣ и Свѣтлое Воскресенье. Раизъ прислалъ мнѣ яицъ и молока; спаси его Богъ миленькаго! добрый человѣкъ былъ; часто къ себѣ обѣдать зывалъ. Потомъ въ самый праздникъ послѣ обѣда пошли корабли опять подъ городъ и стали на якорѣ. А на корабляхъ уже хлѣба не достало; нужда великая стала; много у нашего раиза брали сухарей на всѣ корабли; у него было запасу много; человѣкъ онъ старый, сорокъ лѣтъ уже на корабляхъ ходитъ, такъ всякія нужды видалъ, такъ научился, какъ по морю ходить. А когда мы стояли подъ горами, и тутъ мы въ горахъ видѣли капища идольскія, древнія гробища; и мы по тѣмъ горамъ гуляли и въ нихъ капищахъ и гробищахъ внутрь ихъ были; диво да и все тутъ! какая-то слѣпота была, а гробищи пусты, костей нѣтъ ничего, и капищи выбиваны изъ камени кирками, а не кладеныя; и гробищи всѣ выбиваны пустыя, а гробищи поставлены зѣло на высокихъ горахъ, едва съ нуждою взойти; а нынѣ на тѣхъ горахъ турецкія села. Потомъ въ среду на первой недѣлѣ рано на первомъ часу увидѣлъ караулъ съ горы, что идутъ голены турецкія съ войскомъ насъ выручать; и караулъ сталъ къ кораблямъ кричать; такъ съ кораблей турки-греки побѣжали и мы туда же пошли смотрѣть. И когда мы увидѣли голены турецкія, и зѣло обрадовалися всѣ. И къ ночи пришли къ намъ, и разбойническія всѣ побѣжали въ пучину. И вечеромъ прибѣжалъ сандалъ съ галенъ съ янычары къ нашимъ кораблямъ и велѣли утре рано выходить вонъ на море. И въ четвертокъ на свѣтлой недѣлѣ рано на первомъ часу стали наши корабли подыматься и пошли на море; и шли корабли подлѣ горъ, а голены

турецкія отъ моря отъ степи, а иныя позади, наши же корабли, и шли, оберегали отъ разбойниковъ. И на другой день пришли въ городокъ въ Родосъ турецкій; и тутъ корабли не приставали, вѣтръ былъ добрый, и тако мимо прошли Родосъ. А когда верстъ съ десять отошли, тогда изъ Родоса изъ пушки трижды выстрѣлили, и корабли всѣ остановились; потомъ вѣдомость пришла изъ города, чтобъ оберегались, чтобъ разбойническія голены прошли; потомъ мы дождались голеновъ да и пошли вмѣстѣ; потомъ во вторый день въ ночномъ часу стала восходить полоса, потомъ на всѣхъ корабляхъ стали парусы подбирать; и когда лишь парусы подобрали, и взяла фортуна великая и почела насъ по морю носить и разбила всѣ корабли, куда неизвѣстно занесло; тако насъ ночь всю въ морѣ волнами носило. И утре рано въ ѳоминъ понедѣльникъ стала погода переставать; мы же по морю смотрѣхомъ съ корабля; и не видать въ морѣ ни единаго корабля, всѣ разбило. Потомъ о полудни стали на морѣ корабли по кораблю показываться, и къ вечеру опять всѣ и сошлись. И того дня минухомъ Патмасъ островъ, гдѣ Іоаннъ Богословъ былъ заточенъ; и отъ Патмаса острова во вторый день взяла насъ опять фортуна; въ узкомъ морѣ тутъ было едва не всѣ корабли разбило; а стало межъ горъ; а море глубоко, саженъ пятьсотъ было глубины. Такъ едва столько снастей стало, и всѣ снасти связывали, едва корабль нашъ остановили. И тутъ мы стояли отъ фортуны двое сутки; потомъ стало утихать, да и пошли всѣ корабли, и голены съ ними же. И въ туже ночь сталъ вѣтръ противенъ и погнало всѣ корабли назадъ; и на корабляхъ парусы поставили боковые, и пришли подъ Ефесъ градъ, гдѣ жилъ Іоаннъ Богословъ съ Прохоромъ ученикомъ. Градъ зѣло узоричистый; и митрополитъ въ немъ живетъ греческій; и митрополитъ добрый человѣкъ. Тутъ мы стояли сутки съ двое; тутъ мнѣ невольникъ русскій далъ два мѣшка лимоновъ; и въ томъ городѣ Стиновѣ (?) всего много, садовъ всякихъ; вино дешево: по копѣйкѣ око, а горѣлки око по грошу; лимоновъ сорокъ, пятдесятъ за копѣйку; и все дешево. Такова града въ Турецкой землѣ поискать другова; всякія овощи идутъ кораблями изъ него въ Царьградъ. И тутъ нашъ турчинъ паша сталъ на мнѣ просить горачю; такъ я ему листъ показалъ турскій, а онъ листъ спряталъ въ пазуху да и поѣхалъ по кораблямъ горачю сбирать, а мнѣ сказалъ: поѣзжай де въ городъ, тамъ де листъ отдамъ. И я поѣхалъ въ городъ въ каику и сталъ его на берегу дожидаться, а когда онъ пріѣхалъ, и я сталъ у него листъ просить, и онъ у меня спросилъ: а сколько де васъ человѣкъ? и я сказалъ, что четыре человѣка; и онъ молвилъ мнѣ: а то де васъ двое только, а это де двое гречанъ за собою провозишь, а я было двухъ старцевъ рускихъ съ собою изъ Іерусалима взялъ за тѣмъ же листомъ; а онъ собака разсмотрѣлъ, что они въ листѣ не написаны, да и сталъ просить двѣнадцать талерей за двухъ человѣкъ; такъ я пошелъ до воеводы и сталъ бить челомъ, что молъ у меня отнялъ паша горачный листъ салтанскій; такъ воевода послалъ за нимъ, чтобъ онъ листъ принесъ; такъ онъ листъ прислалъ, и воевода листъ прочелъ да и велѣлъ мнѣ отдать; хоша бы ихъ было двадцать человѣкъ, не токмо четыре, такъ де не указано съ нихъ

брать. И турчинъ взялъ листъ у воеводы да и прятать сталъ, и я съ боку да и вырвалъ у него, да и спряталъ въ пазуху; а когда мы отъ воеводы пошли— турчинъ насъ не отпускаетъ: пойдите де до паши, онъ де какъ хочетъ съ вами; такъ мы пошли и пришли предъ его; такъ онъ сталъ просить листа, и я ему не даю; инъ де посадите ихъ въ тюрьму. Такъ я ему сталъ говорить: за что ты меня велишь въ тюрьму сажать? что моей вины? И турчинъ молвилъ: дай де съ двухъ человѣкъ горачь. Такъ я ему молвилъ: и ты ихъ себѣ держи, а меня за что держишь? Такъ онъ велѣлъ тѣхъ двухъ посадить, а меня отпустилъ; такъ я пошелъ опять до воеводы да сталъ бить челомъ на пашу; такъ воевода мнѣ сказалъ: что же де мнѣ съ воромъ дѣлать? Я де стану на него въ Станбулъ писать, а себя де очищать; вѣдь де ты самъ видишь, какъ я бранился съ нимъ; приди де завтра, и я де дамъ тебѣ письмо на него къ салтану, и ты де бей челомъ на него; да мнѣ де что съ нимъ дѣлать? Такъ я отъ него пошелъ и пришелъ къ каику на пристань; анъ каика нашего и корабля нѣтъ; уже поздно стало; такъ я въ городъ и пошелъ, да у невольника рускаго ночевалъ; и поутру съ тѣмъ невольникомъ пошелъ до митрополита; такъ митрополитъ взялъ у меня листъ да и пошелъ до воеводы; такъ воевода послалъ съ великою грозою къ пашѣ; такъ пашѣ стало не лице, и велѣлъ тѣхъ старцевъ выпустить, да еще имъ далъ по пяти копѣекъ на хлѣбъ, а самъ съ ними прощался. Потомъ о полудни наши корабли пошли всѣ къ Царю-граду, и голены съ ними же; и на вечеръ вѣтру не стало; и пристали къ острову Милитискому; и тотъ островъ зѣло великъ, и городовъ въ немъ много. И тутъ мы стояли двое сутки; и потомъ поднявши парусы да и пошли, и голены уже отъ насъ отстали, пошли назадъ къ Стинкову городу, и на другой день къ устью узкому моря, что въ Царь-градъ поворачиваютъ. И тутъ намъ вѣтръ противный былъ, не пустилъ насъ въ узкое море, и стояли мы тутъ пятеры сутки, вѣтръ былъ все противный. А на тѣхъ воротѣхъ стоятъ два города турецкіе, для воинскаго дѣла зѣло ружьемъ запасны, а гдѣ мы стояли и отъ тѣхъ мѣстъ до Аѳонскія горы стошестдесятъ верстъ, а до Царя-града сто сорокъ верстъ: Аѳонскія горы отъ того не видать, а солнце сядетъ, такъ она вся обнажится, а въ день не знать ничего. Потомъ сталъ вѣтръ заворачиваться намъ въ попутье, такъ на всѣхъ корабляхъ подняли парусы да и пошли, и прошедъ два городка, а имя имъ Костели, да и стали: опять вѣтръ не нашъ сталъ. Тутъ было нашъ корабль на камень проломило и едва законопатили. И въ тѣ поры раизъ съ навклиромъ побранился, навклиръ говоритъ: пора якори кидать! а раизъ говоритъ: еще рано! Де такъ-то въ томъ шуму на камень корабль и вдарился; чуть не пропалъ было корабль и съ людьми, да еще то Богъ помиловалъ, что тихонько потерся о камень. И утре рано поднявши парусы пошли подъ Царь-градъ, и на другой день на вечеръ послѣ полденъ пришли подъ Царь-градъ, въ среду на четвертой недѣлѣ Свѣтлова Воскресенія, въ самое Преполовеніе, и стали на якоряхъ на Бѣломъ морѣ противъ Царь-града не дошедъ пристани версты съ двѣ, гдѣ корабли пристаютъ. Потомъ къ нашему кораблю пріѣхали изъ таможни турки и

Bayerische Staatsbibliothek München

стали на кораблѣ товаровъ досматривать, потомъ стали нашу рухлядь разбивать, такъ я имъ показалъ турецкаго салтана листъ, такъ они и не стали разбивать, а начальный турчинъ въ честь у меня попросилъ четки Іерусалимскія, такъ я ему далъ, а крестъ съ нихъ снялъ. Такъ онъ сталъ говорить: а ставросъ де на что снимаешь? и я ему молвилъ, да басурманъ, молъ, не требуетъ ставроса; такъ онъ разсмѣялся, да и молвилъ: «*Э папасъ, гайда де гайда*, поспѣшай де; «вашъ де корабль *Московъ бызырьянъ* «скоро ѣдетъ къ Москвѣ, такъ де тебѣ «съ ними хорошо; а индѣ уже выбира-«ются съ товарами въ Ениково село», и я какъ услышалъ, что еще наши Московскіе купцы не уѣхали, такъ я зѣло обрадовался; да нанявши каикъ, да убравшися съ рухлядью, да поклонясь раизу, да и поѣхалъ на Ѳенаръ въ метоху Іерусалимскую. И пріѣхали въ метоху; игуменъ намъ радъ, сталъ здравствовать: здраво ли васъ Богъ носилъ? мы же ему грамотки подали отъ намѣстника, а онъ далъ намъ келью, и хлѣба прислалъ и вина всего довольно. Потомъ поидохомъ въ Велдеганъ къ Московскимъ купцамъ; еще они въ Ениково не уѣхали, и купцы намъ зѣло обрадовалися нашему пришествію: Калужанинъ Иванъ Кадминъ и братъ его Ерастъ Степановичи (спаси ихъ Богъ) трапезу намъ устроили добрую и ренскова было доволи; ради миленкіе, а сами говорятъ намъ: слава де Богу, что вы насъ застали; хорошо де съ нами ѣхать къ Москвѣ, мы де вамъ не чаяли назадъ выѣхать,—и зѣло удивлялись на трапезѣ, и вставши отъ трапезы воздали хвалу Богу, потомъ пошли гулять по Царю-граду. Потомъ на третій день нашего пришествія учинился бунтъ въ Царѣ-градѣ отъ янычаръ Турецкихъ. Сказана была имъ янычарамъ служба итить на катаргахъ на Черное море подъ Керчи и на Кубань рѣку, въ морѣ устья заваливать каменемъ, чтобъ Московскіе корабли съ войскомъ не прошли; и тѣ янычары пришли къ пушкарскому головѣ жалованья просить, и голова жалованья имъ выдалъ полное, а янычеры стали просить за прошлые годы отъ азовской службы походное жалованье, и голова сказалъ: мнѣ де указу такова отъ салтана нѣтъ, чтобъ вамъ за прошлые годы подъемъ давать, вѣдь де вы службы не служили, за что де вамъ давать?— Такъ они взявши голову да и удавили, и удавивши да и пошли по рядамъ грабить ряды. И мы въ то время прилучились въ рядахъ, и едва ушли на гостинной дворъ да и заперлись. А въ рядахъ и въ дворахъ вездѣ только стукъ да громъ стоитъ, какъ запираются. По рядамъ и по дворамъ потомъ бунту было часа на два, потомъ прибѣгли янычеры царскіе, да и перехватали янычаръ, такъ бунтъ унялся, а мятежъ по всему Царю-граду до ночи не утишился и вездѣ въ домахъ по всему Царю-граду ужасъ великой: крикъ, пискъ бабій, ребячій. А то и кричатъ: Москва пришла! Московскіе корабли! Увы, погибель пришла Царь-граду! А дворы заперши да ямы капали да добро прятали; и турки ходячи по Царю-граду съ дубьемъ да бьютъ въ ворота, чтобъ не мятежелись, а сами говорятъ: нѣтъ Москвы, нѣтъ! то-де янычеры взбунтовали. И къ ночи едва унялся мятежъ; мы же зѣло подивились, куда молъ на турка-та ужасъ напалъ отъ московскаго государя, а сами удивляемся. Да что су и удивляться? Время то приходитъ, такъ на нихъ и страхъ Богъ напущаетъ, затмѣ-

ніе предпосылаетъ страхованное. Потомъ мы стали убираться въ село Аниково: на Черное море корабли всѣ изъ Яникова села отпущаются, а товары въ каикахъ возятъ. А село Ениково отъ Царяграда десять верстъ. Мы же убравшися съ рухлядью въ каикъ, да и поѣхали въ Яниково и стали на томъ же дворѣ, гдѣ московскіе купцы стоятъ, а купцы еще въ корабль не клались, ожидали изъ Адріанополя указу, и потомъ не дождались указу, стали класться въ корабль. Только поклались — анъ указъ и пришолъ, чтобъ ѣхать горами на Галацы чрезъ Дунай-рѣку на турецкихъ подводахъ, да двѣсти человѣкъ турокъ провожатыхъ дано до Кіева провожать, да воловъ сто двадцать, во всякую арбу по четыре вола. И Иванъ Кадминъ съ товарищи, съ которыми уклался въ корабль, не поѣхалъ сухимъ путемъ, не сталъ изъ корабля выбираться, только поѣхали Житковы, прикащики гостя московскаго Ивана Исаева да Матѳея Григорьева: они поѣхали сухимъ путемъ, а мы съ Калужены моремъ въ кораблѣ. Мы же послѣ ихъ отпустилися три дни спустя, а отпустилися подъ Троицынъ день.

И пришли на усть моря широкова, тутъ стоятъ два городка турецкихъ для московскаго опасу по обѣ стороны, пушекъ зѣло много, а городки вновь подѣланы: боялся турокъ нашего Государя приходу въ Царь-градъ. Тутъ стоитъ застава; осматриваютъ ружья, тутъ у насъ на кораблѣ у московскихъ купцовъ ружья осматривали, а у нашихъ купцовъ былъ взятъ листъ у паши, чтобъ пропустить по счету ружье московское, и тако пришедъ турчинъ начальной человѣкъ, да и пересмотрѣлъ и противъ указу перечелъ ружье всякое, да и отпустилъ насъ. Мы же того дня, понеже вѣтру не было доброва, и того дни въ вечеръ противъ сошествія Святаго Духа поемъ мы вечерню, анъ пріѣхали турки къ намъ на корабль къ купцамъ товару досматривать, да и взошли на корабль, а мы въ тѣ поры поемъ стихѣры возвашные, такъ мы ладону пустили поболѣ раснова, а турки ладоннова духа не любятъ, а ладонъ вездѣ по караблю разшелся. А когда пришли турки ко окну корабленному, гдѣ внутрь входятъ въ корабль, и увидѣли, что корабль полонъ ладону напущенъ, такъ залопотали, бранить стали насъ по турецки, а сами изъ корабля побѣжали, такъ мы по тѣхъ мѣстъ и видѣли ихъ, а то бы наши купцы были отъ нихъ рублей безъ десятку; да уже и не бывали къ намъ. Мы же того дни послѣ обѣда и стали опущаться въ море на ширину и на вечеръ внидохомъ въ море большое, и тако поидохомъ къ Дунаю-большой рѣкѣ, и ту нощь доброва вѣтру намъ не было, такъ шатались и туда и сюда; и поутру все тожъ не было намъ вѣтру доброва до пятницы, и въ пятницу взялъ насъ вѣтръ добрый, въ самыя заговѣны на вечеръ съ моря внидохомъ въ Дунай-рѣку. Мало отшедши отъ усть Дуная рѣки, гдѣ въ море впала, да и ночевать стали въ пустомъ мѣстѣ, тутъ и заговлявали, и то мѣсто пусто, нѣтъ ни градовъ, ни селъ. И утре въ понедельникъ Петрова поста вставши пошли бечевою вверьхъ по Дунаю, и пришли въ третій день подъ градъ турецкій, и имя ему Тулча, а шли и бечевою и парусомъ. А Дунай рѣка зѣло куликовата и узка; многими разшиблась гирлами, и тутъ мы подъ тѣмъ городкомъ стали, и утре рано пріѣхали къ намъ на корабль турчане товаровъ досматривать и лишнихъ

людей невольниковъ. Взошли турки на корабль, да и стали указовъ досматривать; потомъ и нашъ указъ прочелъ, и сказалъ турчинъ, нѣтъ-де мнѣ дѣла до папаса и до рухляди его; вы де московъ базырьянъ, дайте де вы съ своего товару пошлину. Такъ наши купцы заупрямилися, пошлину не стали давать. Такъ турчинъ начальный человѣкъ, взявши указы наши въ городъ, да и списалъ, да ввечеру къ намъ указы и прислалъ, а списки послалъ въ Килію градъ къ Изапуши (по нашему къ полковому воеводѣ), а Изапуши въ тѣ поры стоялъ въ Киліи съ войскомъ турецкимъ. Въ тѣ поры въ бѣлогородской ордѣ была замятня, татары бѣлогорскіе взбунтовали, отъ турка отложились, да волохи всѣ разорили; такъ тотъ паша отъ турка присланъ разыскивать и волохамъ грабежное добро отбирать на нихъ впятеро: у кого лошадь взяли татарове—такъ на нихъ доправятъ за одну лошадь пять лошадей. Потомъ на четвертый день пришелъ указъ отъ паши, чтобъ на московскихъ купцахъ брать пошлину; такъ турчинъ и пріѣхалъ на корабль править пошлину; такъ наши купцы не похотѣли дать пошлины, да и поѣхали сами въ Килію ко Изупаши; такъ паша указъ имъ далъ, что на Голацахъ платить. Потомъ наши купцы пріѣхали изъ Киліи. И стояли мы подъ Тулчею девять дней; потомъ пошли къ Галацамъ, и во вторый день пришли въ Рень-городъ, и стали наши тутъ купцы думать; хотѣли кони покупать, да изъ Рени итить на Русь, и новъ городъ весь разоренъ отъ татаръ, коней не добыли. Потомъ купецъ Иванъ Кадминъ нанялъ у турчанъ каикъ да и поѣхали съ нимъ напередъ на Галацы для коней и для тѣлегъ, а корабль не пошелъ за вѣтромъ; да въ ночь и пошли мы на каику, а ружья съ собою не взяли, и ту ночь мы зѣло страху набралися отъ татаръ, а то мѣсто зѣло воровато, а турки и сами трепетали. Едва мы точію ночью добились до Голацъ и пришли часа за два до дни, да тутъ на берегу и ночевали. И поутру рано взявши рухлядь да и пошли; а застава насъ и не пустила, да привели насъ къ бею къ начальному турчину; а турки въ тѣ поры еще спали; такъ мы дожидалися покудова они встали да умылись да молились; потомъ сѣли на мѣстѣхъ, такъ мы подали указы и прочетши указы бей велѣлъ намъ итти; такъ мы и пошли въ монастырь, да тутъ намъ игуменъ далъ келью. Такъ мы шедши на берегъ Дуная-рѣки и купили рыбы бѣлужины и наварили и нажарили; а рыба зѣло дешева, бѣлуга дать великая двѣ гривны, а сазана великова свѣжева алтынъ; и тутъ мы стояли и переночевали. Утре рано пріѣхали наши цареградцы, что поѣхали сухимъ путемъ съ провожатыми съ турецкими; и перевезшися рѣку выклали товаръ на берегъ; потомъ и нашъ корабль пришелъ и товару турки не давали изъ корабля выгружать, потому что за пошлину былъ шумъ великой, и помирились на малое дѣло. Потомъ стали товары возить на гору въ монастыри; потомъ стали коней покупать, а кони были не дороги, средняя цѣна. Потомъ въ третій день пріѣхали наши провожатые турчане отъ Изупаши двѣстѣ человѣкъ; потомъ пригнали подъ товары коней и стали на подводы убираться. И въ послѣднюю ночь учинилась у насъ бѣда великая: діаволъ похитилъ молодчика Козму Кадмина: взбѣсновался, и бысть великій всю ночь съ ними крикъ, да свищетъ,

и платье все на себѣ изодралъ въ куски да все разбросалъ; потомъ его сковали да все сковавши вели до Кіева; зѣло бѣсъ прокудливъ въ немъ былъ лихой, прасалай окоянный. Потомъ того дни стали убираться и утре рано во вторый день выѣхали изъ Галацъ вонъ и на полѣ сжидалися, а провожатые турки напередъ выѣхали дожидалися, выѣхавъ верстъ десять въ степи; а какъ наши купцы Московскіе выбрались къ полднямъ, да и пошли всѣмъ караваномъ, потомъ наѣхали мы на провожатыхъ, такъ турки поѣхали и передъ нами и за нами. Зѣло опасно насъ провожали. А если ось изломится или иное что испортится, караванъ таки не остановится пойдетъ, а турокъ человѣкъ двадцать или тридцать останется, дожидаются; а какъ ось поддѣлаютъ, такъ и пойдутъ съ тѣмъ возомъ да къ стану и доѣдутъ. А когда пойдешь на сторону за нуждою, а турчинъ стоитъ надъ тобою да дожидается. А по дорогѣ вездѣ передъ нами мостили мосты да гати; а гдѣ на мостахъ, на гатѣхъ человѣкъ двадцать-тридцать слѣзутъ съ коней да черезъ переправу переправляютъ; уже зѣло берегли! Да и нельзя имъ и не беречь, какъ въ указѣ имъ написано какъ беречи, что если хошь одинъ человѣкъ утратится, такъ турецкій Салтанъ сказалъ всѣхъ: де васъ двѣсти человѣкъ перевѣшаю за однаго московскова человѣка; да приказалъ, чтобы въ Кіевѣ съ московскимъ воеводою отдать насъ въ цѣлости и росписаться, а тую бъ росписку привезти въ Адріанополь къ самому Салтану, а отъ купцовъ письмо за ихъ руками къ послу московскому къ Петру Ивановичу Толстому, что въ цѣлости доѣхали до рубежа и никакой шкоды турки и татары не учинили. И зѣло намъ было отъ татаръ не опасно, а то была слава великая у татаръ, что московскіе купцы ѣдутъ богаты, такъ бы безъ попорки не было. И доѣхавъ до Ясей за тридцать верстъ, поѣхали, мы человѣкъ пять московскихъ купцовъ да начальный человѣкъ турчинъ съ людьми напередъ въ Яси въ ночь и ѣхали всю ночь и пріѣхали въ Яси часу на другомъ дни, и господарь воложскій отвелъ намъ дворъ стоялый. Потомъ во вторый день пришелъ нашъ караванъ и съ турками провожатыми, и стали въ монастыри у Николы по рекломъ Голя, и стали покупать кони, тѣлеги, а иные нанимали извощиковъ кіевскихъ, воложскихъ, давали до Кіева на подводу по десяти рублей, а возы везли двойкою. И въ то время въ Яси пріѣхали турки да господаря воложскаго сковали да со всѣмъ домомъ повезли къ турецкому Салтану, а какое до него дѣло—никто не вѣдаетъ. И стояли мы въ Ясѣхъ дней съ пять и совсѣмъ искупившися и убравшися выѣхали изъ Ясей вонъ за пять дней до Петрова-дни и ѣхали до Сороки пять дней; а въ Сороку-городъ пріѣхали въ самый Петровъ день послѣ полденъ, и тутъ Днѣстръ, до вечера перевозилися два перевоза тотчасъ, а перевезшись да и ночевали. И тутъ ляхи про нашихъ купцовъ обѣдъ дѣлали и зѣло почтили нашихъ купцовъ. И во вторый день послѣ обѣда убравшися да и поѣхали въ степь къ Немѣрову; и ѣхали до Немѣрова пять дней, и когда мы пріѣхали въ Немѣрово и Немѣровъ весь разоренъ отъ Палѣя съ казаками, а нынѣ стоитъ войско Лядское тысячь съ пять. А голь зѣло и воровство страшное, въ очахъ крадутъ; мы поѣхали въ городъ за харчью, такъ того часу соѳянъ съ сѣдла

схватили и не видали, и у нашего молодца и кошелекъ съ талерами и со всѣмъ вырвали: онъ хлѣбъ покупалъ. И губернаторъ градской купцовъ нашихъ звалъ къ себѣ на обѣдъ, такъ на дворѣ караулщики будку украли; стали губернатору бить челомъ, и губернаторъ сказалъ: укажите де въ лице, я де доправлю, а то де такъ не льзя сыскать, а вы де для ради Бога берегитеся, какъ де имъ не воровать? жалованья нѣту, только де по десяти денегъ на недѣлю; за неволю де имъ воровать. И стояли мы въ Немѣровѣ часу до пятаго дня; искупяся харчью да и пошли, а купцы поѣхали къ губернатору на обѣдъ, а караванъ съ турками пошелъ напередъ, изъ Немѣрова турки прощались, чтобъ ихъ купцы отпустили; и купцы имъ сказали: мы де васъ не держимъ; поѣзжайте де себѣ; какъ де въ указѣ у васъ написано, такъ де и творите. Такъ они стали просить отписку, чтобъ росписались; и купцы сказали: мы де здѣсь росписоваться не станемъ, земля де не нашего Государя владѣнія; здѣ де губернаторъ Польской не станетъ за нашего боярина росписываться.—Такъ они сказали: мы бъ де васъ съ радостію и до Кіева проводили, да мы де боимся Палѣя вашего; онъ де насъ не выпуститъ вонъ отъ себя, тутъ де насъ побьетъ. Такъ мы имъ сказали: али молъ Палѣй у насъ какой своевольный у Государя нашего? И турки сказали: у насъ де про него страшно грозная слава, да мы де никого такъ не боимся что его, намъ де и самимъ зѣло хочется его посмотрѣть образа, каковъ де онъ. Да затѣмъ и за нужу поѣхали, что росписаться не съ кѣмъ, и имъ безъ письма пріѣхать къ Салтану не льзя. И ѣхали мы степью черезъ Лядскую землю четыре дни, и въ пятый день пріѣхали въ Поволочи, въ мѣстечко Палѣево владѣніе.

И не доѣзжавъ Поволочи верстъ за десять стали коней кормить, а сами обѣдать, и наши передовые поѣхали напередъ въ Поволочи для ради овса, и сказали наказному полковнику, что ѣдутъ купцы Московскіе, а провожаютъ турки. Такъ полковникъ тотъ часъ велѣлъ вдарить въ бубны да въ политавры, и палѣевшина того часу слетѣлась и тотчасъ осѣдлали коней и приправились въ ружье и выѣхали къ намъ въ поле съ знаменами. Только мы съ стану тронулись, съ версту не отъѣхали, и прилучилося лѣсомъ дубничкомъ молодымъ, а турки только нашъ обозъ стали объѣзжать напередъ— анъ полковникъ Палѣевъ и вывернулся, что заяцъ въ лѣску, а съ нимъ человѣкъ съ триста да почали по дубняку скакать, гдѣ двадцать, гдѣ тридцать человѣкъ, какъ есть зайцы, тотъ оттудова, а иной изъ иной стороны. И какъ турки увидѣли палѣевшину — такъ стали ни живы, ни мертвы. А уже злодѣи зѣло храбрость показали и почали на конѣхъ винтовать, копья бросать, изъ луковъ стрѣлять и изъ пистолетовъ, нашъ караванъ и турокъ кругомъ облетѣли. И нашъ караванъ остановился, и турки; тотчасъ полковникъ къ нашимъ купцамъ подъѣхалъ да и сталъ здравствовать, а наши купцы полковнику также поздравствовали; и наши купцы и полковникъ слѣзши съ коней, да стали наши купцы водкою подчивать, и выпивъ водки по чаркѣ да и сѣли на кони, а дубнякъ уже лѣсокъ выѣхали; къ Поволочѣ чистое поле; и какъ минувъ нашъ караванъ и турокъ, да какъ вдарили по конямъ, ино какъ брызнули, такъ что молнія у насъ изъ

глазъ мелькнули, какъ по полю разсыпались, гдѣ двадцать, гдѣ десять; до самова городка скакали, не переставали, и турки только головами качаютъ, а выѣзжали все убранная молодежь. А какъ мы пріѣхали въ Поволочи да и стали за мѣстомъ на полѣ, и полковникъ прислалъ корму, овса, меду. А турки зѣло ужаснулися да и не захотѣли ѣхать до Кіева и стали нашимъ купцамъ бить челомъ, чтобъ полковникъ Палѣевъ росписался съ ними, что принялъ насъ въ цѣлости, и наши купцы велѣли полковнику росписаться, да сами письмо къ послу дали, что далъ Богъ въ цѣлости здраво доѣхали, и ихъ съ честію отпустили да и на дорогу дали имъ съ пятдесять талерей да яловицу; такъ турки и поѣхали назадъ, а насъ уже стали провожать Палѣевы козаки. А какъ мы стали пріѣзжать къ Ѳастову, такъ Палѣева жена и выслала къ намъ на встрѣчу казаковъ человѣкъ съ пятьсотъ конницы со знаменами и стрѣтили насъ верстъ за пять, а какъ мы пріѣхали въ Ѳастово и стали за городомъ на полѣ, а Палѣя въ то время дома не было, въ Кіевѣ былъ. И Палѣева жена прислала къ намъ въ таборы яловицу и калачей и вина, а конямъ овса. И тутъ мы стояли весь день. А Палѣева жена брала къ себѣ купцовъ обѣдать и угостила нашихъ купцовъ добрѣ, а сама де говорила: для чего де до насъ турокъ не довели? я бъ имъ дала себя знать, каковъ де мой господинъ Палѣй; я бы де ихъ знала какъ угостить, да уже де быть такъ, жаль де мнѣ этихъ гостей, что де безчестны отпустили, я бы де человѣкъ пять сотъ дала провожатыхъ также ихъ проводить черезъ Лядскую землю, а знать де, что Семенъ Ивановичъ Палѣй станетъ пѣнять. И обѣдавши купцы выѣхали въ поле и стали коней сѣдлать и запрягать; потомъ выѣхалъ къ намъ полковникъ наказной съ казаками, да и поѣхалъ съ нами провожать насъ до Кіева. И ѣхали мы отъ Ѳастова до Кіева два дни.

Потомъ пріѣхали мы въ Кіевъ въ день недѣльный, и у воротъ золотыхъ насъ караулъ остановилъ, потомъ пятидесятникъ пошелъ къ генералу объ насъ докладывать, и генералъ велѣлъ насъ пустить въ городъ, и въ то время полковники стояли въ обѣдни, а генералъ Нѣмчинъ некрещеный. И переѣхавши черезъ верхній городъ да и спустились въ нижній городъ, а гора зѣло крута и спущаться нужно зѣло. Потомъ генералъ велѣлъ намъ отвести дворы стоялые. И ставши на дворѣ и убравши рухлядь и опочивши той день, и во вторый день пошли въ Печерскій монастырь, въ лавру преподобныхъ отецъ Антонія и Ѳеодосія, и были въ соборной церкви, и лобызали образъ Пресвятыя Богородицы чудотворный; потомъ пошли въ пещеру Антоніеву, и тамо мощи святыхъ всѣхъ лобзали и поклонихомся, изыдохомъ изъ пещеры Антоніевой и поидохомъ въ пещеру Ѳеодосіеву, и тамо такожде мощи святыхъ лобзали, и поклонившеся изыдохомъ изъ пещеры и поидохомъ въ монастырь и ходивше довольно по монастырю, а сами удивляемся человѣколюбію Божію, како въ такую страну дальную ходихомъ и како назадъ возвратихомся, а и въ мысли нашей обнадежія такова не было, что было быть назадѣ. А когда мы шли во Іерусалимъ, и тогда мы приходили въ монастырь Печерской и ходили по пещерамъ и молилися преподобнымъ отцамъ и обѣщалися, что если Богъ дастъ сходить по здорову, то

не возвратимся инымъ путемъ, къ вамъ, отцы преподобніи, пришедъ поклонимся и обѣщанный долгъ вамъ отдадимъ. Отцы святіе преподобніи Антоній и Ѳеодосій молилися за насъ, и за молитвъ ихъ преподобныхъ отецъ нашихъ Богъ сохранилъ отъ всякихъ навѣтъ вражіихъ; и тако ихъ молитвами отеческими доидохомъ святаго града Кіева и достигохомъ святую лавру преподобныхъ отецъ Антонія и Ѳедосія. И тако поклонившеся изыдохомъ изъ лавры и поидохомъ въ градъ Кіевъ и придохомъ на дворъ идѣже стояхомъ; потомъ мало опочихомъ; и свѣдаша про насъ града Кіева мѣщане и служивые люди Московскихъ полковъ и стали насъ къ себѣ въ гости звать и зѣло ради намъ миленкіе; и покоили насъ хлѣбомъ и солью. И полковники за нами присылали звать къ себѣ въ дома, да мы за недосугами у нихъ не были; звали для рѣчей, что видѣли въ турецкой землѣ; зѣло насъ къ себѣ звали, да намъ не удалося у нихъ побывать. Потомъ дождалися мы калуженъ: пріѣхали къ ярмонкѣ ко Успеніеву дню, а когда увидѣли насъ, зѣло намъ обрадовалися, и взяли меня къ себѣ на дворъ хлѣба ѣсть, и много было вопросовъ отъ нихъ объ хожденіи нашемъ. Потомъ пріѣхалъ любезный нашъ другъ Давыдъ Степановичъ со своею дружиною, и когда мы его увидѣли, а онъ насъ, и мы оба отъ слезъ не могли удержатися, и зѣло мы другъ другу обрадовались. Спаси Богъ Давида Степановича! много нашимъ путемъ радѣлъ, а когда и пріѣхалъ назадъ въ Кіевъ, и тогда насъ не забылъ и съ дружиною своею. И тако мы той день зѣло въ радости были велицѣй и всю нашу путную скорбь забыхомъ, будто наши искренніи сродницы. Потомъ и множество калужанъ пріѣхали и всю ярмонку съ нами добрѣ проводили въ радости и въ веселіи. И жихомъ мы въ Кіевѣ шесть недѣль, и обходихомъ многія святыя отеческія мѣста, и въ пустынныхъ мѣстѣхъ были и пустынныхъ жителей видѣли и довольно ходихомъ по пещерамъ. Покуда въ Кіевѣ жили, все въ Печерскій монастырь хаживали черезъ день, черезъ два, и зѣло наша душа насладилась и утѣшилася ходя по такимъ святымъ мѣстамъ, ненасытная радость и веселіе, уже другой такой лавры подобной не сыщешь въ нашемъ россійскомъ государствѣ. И жихомъ въ Кіевѣ шесть недѣль, и поидохомъ изъ Кіева съ калужены послѣ ярмонки успенской и ѣхали три дня, и пріидохомъ въ Нѣжинъ-градъ. Въ Нѣжинѣ взяли насъ къ воеводѣ, и воевода князь Мосальскій-Колцовъ той же, прочетъ нашъ московскій листъ—указъ, да чествовалъ насъ пивомъ и виномъ и далъ намъ хлѣба на дорогу и отпустилъ насъ съ любовію; мы же поидохомъ въ таборы, а купцы всѣ у воеводы обѣдали и того дни выѣхали изъ Нѣжина.

(Тутъ оканчивается наша рукопись; дальнѣйшаго возвратнаго пути своего до Москвы священникъ Лукьяновъ не описываетъ).

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Nijh.
75 hfl
ЛЕНКНИГА
185576/272

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Luk□janov, Ioann,

Putešestvie v Svjatuju Zemlju moskovskago svjaščennika Ioanna Luk'janova, 1710-1711

Moskva 1862

4 It.sing. 370 p
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10366863-1